

**ОТЕЦ
ГЕННАДИЙ**

КНИГА ВОСПОМИНАНИЙ

Составитель и община храма Вознесения Господня, что на Большой Никитской улице (Малое Вознесение) от всего сердца благодарят Новый Гуманитарный Университет и его руководителя Наталью Васильевну Нестерову, Дмитрия Валентиновича Величина, Наталью Никитичну Сопову, Вадима Николаевича Рахманова и всех, кто своей бескорыстной помощью поддержал издание этой книги.

Спаси вас Господи!

ПАСТЫРЬ ДОБРЫЙ

*Архимандрит Алексей (Поликарпов),
наместник Московского
Свято-Данилова монастыря*

Эта книга — дань нашей памяти протоиерею Геннадию Огрызкову, светлому человеку и замечательному священнику.

Каждый, кто знал и любил отца Геннадия (а тот, кто узнавал его однажды, не мог не полюбить), сохраняет его кроткий и чистый облик в своем сердце.

Большое видится на расстоянии, — вот и мы с каждым годом видим яснее, какое важное место занимал этот смиренный человек в нашей жизни, какое огромное любящее сердце он имел. Его улыбающееся, светящееся лицо осталось в нашей памяти навсегда, и сегодня нам очень его не достает.

Но даже большие сердца не выдерживают, когда вмещают в себя все людские печали и нужды, скорби и боли, немощи и грехи. И все же мы верим, что отец Геннадий не умер, да и не мог умереть, ибо “у Бога все живы”. Он просто завершил свой нелегкий жизненный путь, принеся добрый плод Пастыреначальнику Христу.

Мы продолжаем любить дорогого нам человека и надеемся, что прочтя эту книгу, его полюбят и те, кому раньше не довелось его знать.

Мы продолжаем молиться за него и просим у читателя молитв о приснопамятном протоиерее Геннадии, да упокоит Господь его душу в селениях праведных.

НАЧАЛО

СЛОВО О СЫНЕ

*Лидия Павловна
и Александр Сергеевич Огрызковы*

Наш сын Геннадий родился 31 мая 1948 года в городе Михайлове Рязанской области. День был солнечный, веселый. А на свет появился настоящий богатырь — новорожденный младенец был весом 5 килограммов.

Полежали мы с сыном несколько дней в больнице, пришли домой. У меня в душе наступило какое-то умиротворение и спокойствие. А бабушка новорожденного, мой свекор Сергей Николаевич, сразу разглядел во внуке какого-то необычного, особенно человека. Он устроил ему настоящий прием: в комнате, где мы с мужем жили, на кровати расстелил шубу, торжественно положил на нее малыша и сказал: “Запомните: этот ребенок у нас — непростой”. И сам он так проникся этим ощущением, что даже никому из нас не позволил дать ребенку имя. Вдвоем с моей мамой они отыскивали где-то старинный календарь (что в сорок восьмом году было совсем не так легко!) и, наконец, объявили нам, что выбрали имя внуку: Геннадий, что означает — “благородный”...

И вот начал наш Геночка расти. Рос он тоже как-то тихо, спокойно. Я не знала, что такое бессонные ночи, детский плач. Очень рано начал ходить и говорить. Так рано, что многие мои знакомые даже не верили, когда я им рассказывала.

Лет с двух мы начали ему читать книги. Он особенно любил “Бородино”, “Мужичок-с-ноготок” Не-

красова. Рано начал читать сам, читать любил с раннего детства и всю свою жизнь.

В 1951 году мы переехали из Михайлова сюда, в Косино, в учительский дом. Здесь и рос наш Гена с остальными детьми. Чем отличался от большинства — так это послушанием. Бывало, собирается погулять и спрашивает: “Мама, а когда я должен домой вернуться?” Скажу ему, например, что в шесть часов. И вот слышу, как он бежит по улице, играет с детьми, а сам время от времени спрашивает у взрослых, который час. Прибежит домой вовремя, а то еще и раньше назначенного срока и сразу спросит: “Я не опоздал?” До конца жизни слово матери оставалось для него законом...

Помню, жили мы в комнате в учительском доме, а напротив строились первые пятиэтажки. Я строго запретила сыну ходить на стройку — ведь очень легко можно было упасть, покалечиться. И вот однажды, вижу, возвращается мой Геночка домой после гулянья и плачет. Спрашиваю его, что случилось? “Да ведь я тебя обманул, — отвечает он мне. — Ведь я был сегодня на стройке. Уж ты прости меня, мама!..” А мог бы и не сказать — разве бы я узнала?.. Но как видно, такая мысль не приходила ему в голову.

Когда мы переехали сюда из Михайлова, Гене было три года. А года в четыре он начал рисовать. И так пристрастился к этому занятию, что рисовал постоянно, каждый день. Мы покупали ему альбомы, карандаши, краски — но особенно заниматься с ним рисованием нам было некогда — целый день на работе в школе. Так он с бумагой и красками ходил по соседям и выпрашивал у них игрушки, чтобы их нарисовать, — благо, соседей вокруг было немало.

Впрочем, и места для рисования у него специального не было. Рисовал он или дома на полу, или выходил на крыльцо, поэтому все его видели рисующим. Многие стали нам говорить, что ребенок одарен и его надо учить рисованию серьезно, профессионально.

Исполнилось Гене семь лет в 1955 году — и он пошел в школу. Учился прилежно, старательно, да и способности были немалые, поэтому в смысле учебы ни учителям, ни родителям неприятностей он не доставлял. Конечно, как человек рисующий, всегда оформлял стенгазеты в своем классе.

Однажды вызвали меня на совещание, в институт усовершенствования учителей, в Москву. Я решила взять с собой и сына. Приехали мы с ним в столицу. У него, конечно, с собой альбом и карандаши — он времени не терял. Пришли в институт. Кругом ковры, картины на стенах в фойе — его это все очень поразило (а было ему тогда, наверное, лет десять). Началось совещание. Я пошла в зал, а он остался в фойе со своим альбомом, чтобы порисовать.

И вот идет совещание, как вдруг открывается дверь и спрашивают: “Чей ребенок в фойе?” Я вскочила и выхожу. А про себя думаю: “Господи, что случилось? Ведь не мог же он ничего страшного натворить?”

Выхожу в фойе. Стоит человек и говорит мне: “А вы знаете, что ваш ребенок очень одарен? Ему непременно надо учиться! У нас на Арбате есть школа для особо одаренных детей — вам надо обязательно возить его туда!” Я отвечаю, что не могу, потому что как раз сейчас у меня тяжело болен муж. А человек настаивает, что ребенка обязательно надо учить именно сейчас, иначе потом время будет упущено.

И надо же, как раз в это время в Доме культуры у нас открывается изостудия. И преподает в ней замечательный художник и человек Иван Дробышев, кстати, живой и поныне. Гена начинает у него заниматься. Дробышев очень им доволен, радуется его успехам, его продвижению вперед.

Примерно в эти же годы, где-то на рубеже 50-60-х годов, был объявлен международный конкурс детского рисунка. Иван Дробышев послал на этот конкурс, в числе прочих, три рисунка Геннадия. И надо так случиться, что Гена за один из своих рисунков

получает диплом I степени... Как ни странно, эта детская награда сыграла решающую роль в его взрослой судьбе.

Известно, что архитектурный институт, куда Гена решил поступать после школы, никогда не отличался особым демократизмом. В учебной части, куда мы пришли, нам стали объяснять, что в институте учатся дети художников, скульпторов, а Геннадий — человек посторонний. Он себя защитить никогда не умел, поэтому стала я говорить: “Какой же он посторонний, если он у вас целый год на подготовительном отделении занимался!” Тогда меня спрашивают, кто может дать о нем отзыв. Я отвечаю, что это может сделать завуч подготовительного отделения, педагоги. И тут — прямо по Божьей воле! — открывается дверь и входит та самая завуч, о которой я говорила. И, действительно, дает о нем самый лучший отзыв, да вдобавок говорит, что его место — как раз в архитектурном. Но ситуация была сложная: все экзамены Гена сдал очень хорошо, а на последнем ему поставили тройку. Это означало, что по конкурсу на дневное отделение он не проходит. Я и просила, чтобы ему разрешили подать заявление на вечернее.

Но на вечернем, как правило, учились дети “больших” людей, — куда нам, простым учителям, соваться?.. Однако один из педагогов, Молчанов его фамилия, проникся нашими чувствами и сказал мне: “Вы подавайте документы, подавайте. Вот только отстаивать кандидатуру вашего сына будет не очень легко, — сами видите, какой туда идет контингент. Если бы была у него какая-нибудь заслуга...” И тут меня внезапно осенило: “Да ведь он участвовал в Международном конкурсе детского творчества и даже диплом I степени получил!” “Вот и замечательно! — сказал Молчанов. — Пришлите ваш диплом!”

И вот детская награда сыграла свою роль и Гена был принят на вечернее отделение МАРХИ. Но он был таким общительным, что его тут же окружили

студенты с дневного — кто-то давал ему конспекты, кто-то помогал с контрольными... В итоге уже в начале второго курса наш Геннадий был переведен на дневное отделение...

И конечно, всегда у него было много друзей. Причем, не важно, когда начиналась эта дружба — в школе, в институте, или где-то еще. Друзья у Гены всегда были друзьями на всю жизнь, а кто встречался с ним однажды, тот, как правило, уже его не забывал. Как не забывают его до сих пор его одноклассники и учителя.

А незадолго до его смерти класс его в полном составе собирался на встречу, посвященную, кажется, тридцатилетию их выпуска. Очень хорошо они сидели, душевно разговаривали, и в какой-то момент кто-то сказал: “А теперь предлагаю поднять бокалы за здоровье дорогого нашего батюшки, отца Геннадия!” В ответ отец Геннадий смутился и замахал рукой: “Да что вы, что вы — за меня пить! А вот я предлагаю вам выпить за здоровье нашей дорогой России — вот это будет весомо!” В этот момент открылась дверь и вошел еще один русский богатырь — сын отца Геннадия и наш внук — Паша. Тут отец Геннадий предложил: “А позвольте, мы с Пашей для вас споем?” И они запели что-то про веру, про Россию... Когда все расставались, отец Геннадий сказал на прощанье: “Давайте постараемся собираться почаще!” К сожалению, это была его последняя встреча с одноклассниками...

Из его школьной жизни вспоминаются разные случаи. Вот один. Вызывает меня завуч и говорит: “Лидия Павловна, у Гены по физике в четверти тройка выходит!” Конечно, для хорошего ученика это ЧП. Я подхожу к учительнице по физике: “Что там у моего Гены? Нельзя ли как-то исправить положение?” Она отвечает: “Ну что ж. Пусть приходит ко мне с учебником, я его по всему учебнику спрашивать буду”. Я пришла домой и говорю об этом сыну.

Другой бы спорил или возмущался, а он безропотно взял учебник и пошел в школу.

Учительница гоняла его долго, как и обещала, по всему учебнику. И в конце говорит ему: “Геночка, что же ты наделал? Что же ты не поднимал руки, не говорил мне, что все это знаешь? Ведь если б не твоя мама — я бы тебе тройку за четверть поставила!..”

Или другой случай. Как-то раз я пришла из школы вечером, усталая. Дети дома. Обычно отношения у них были прекрасными — Гена об Ире всегда заботился, тем более, что и разница у них была приличная, пять лет. А тут слышу, в комнате у них какой-то шум. Я заглянула в комнату: “В чем дело?” А они, вместо того, чтобы ответить, смотрят на меня насупившись. Я тогда и говорю: “Ах вы, бесстыдники! А ну-ка, по углам!” И ушла на кухню ужин готовить.

Прошло час или два, не помню. Приходит ко мне моя сестра, тетя Гены и Ирины, заглядывает в комнату. И видит странную картину... Спрашивает их: “А что это вы по углам разошлись, ребята? “Нас мама наказала”, — отвечают они. “Давно?” “Давно...” Она ко мне на кухню и ну меня ругать! А я, признаться, уже и забыла о своих словах... Ира тогда училась в шестом классе, а Гена — в одиннадцатом.

Еще вспоминается из Гениного детства одно происшествие. Пришла к нам как-то женщина, не очень близко знакомая. Посмотрела, как мы живем, и принялась хвалить: “Лидия, как ты замечательно живешь — просто никто сейчас так не живет! А ребенок-то у тебя какой хороший — ни у кого нет таких детей!..” Потом она ушла. Спустя два-три часа у нас с сыном поднялась очень высокая температура, мы оба лежали как в лихорадке. В общем, случилось то, что называют словом “сглазили”. Но у моей бабушки Сани имелись разные святыни, даже из Иерусалима. Была у нас в роду такая паломница и молитвенница, которая всю свою жизнь обходила святыне места; она и оставила бабушке Сане эти святыни. Бабушка Саня меня успокоила, достала иерусалимские

камешки, святую воду, что-то еще. Прочитала над нами молитвы, дала выпить воды... И всю нашу болезнь как рукой сняло...

Получается, что мы счастливые родители. Конечно, и дети наши не слышали в семье раздраженного слова или крика — но и сами росли ответственными, спокойными, послушными. По большому счету, нам их даже наказывать было не за что. И эту скромность, это послушание мой сын сохранил на всю свою жизнь. В последние годы, мне кажется, он приобрел еще и какую-то мудрость...

Вообще вспоминается часто его умение ободрить, поддержать, позаботиться. Нам с мужем приходилось, когда внуки были маленькие, заботиться сразу о двух семьях. Днем сидели с детьми младшей дочери, Ирины, а часов в семь шли в дом Гены и Лены, которые тогда оба работали.

Иногда это было нелегко. Помню, как-то раз я даже хотела вернуться с дороги — было высокое давление, силы кончились. Но муж уговорил меня пойти. И вот кое-как доплелись, начали что-то готовить и тут открылась дверь и вошло наше солнышко... А как он умел поблагодарить, приласкать... Он часто говорил мне: “Мамочка, какая же ты у меня счастливая!.. Ты даже не знаешь, какая ты счастливая!..” Особенно часто он говорил это в последний год, когда вся наша большая семья (дети и внуки) собирались за столом. Я тогда думала, что он имел в виду именно выросших моих внуков. А теперь мне другое приходит на ум: мы с мужем счастливые, потому что был у нас сын, который оставил память не только в наших сердцах, но и в сердцах еще многих-многих людей...

Даже став взрослым, он никогда не стыдился выражать свои сыновьи чувства, никогда не стеснялся своей любви и своего почтения к родителям, наоборот, всегда их подчеркивал.

Пятого апреля, на день моего Ангела (и за два дня до своей смерти), отец Геннадий забрал меня в

свой храм, чтобы я смогла исповедаться и причаститься. Народу на исповеди было, как всегда, много, а он очень хотел — я видела! — исповедать меня поскорее. И вот он подозвал меня к себе. И эту последнюю свою исповедь ему я помню наизусть. Собственно, и не исповедь это была, а, как я сейчас понимаю, его завещание мне. Он сказал: “Ты ведь знаешь, мама, как я не люблю своих исповедовать. А уж тебя-то исповедовать — и нужды большой нет. Ведь ты же у меня умная мама... Ты у меня мудрая мама... Ты у меня терпеливая мама... И мужественная. Поэтому я и говорю тебе: скоро тебя может посетить тяжелый удар. Но ты, мама, запомни: ты не должна, не имеешь права плакать, унывать, отчаиваться. Ты должна только молиться и терпеть, молиться и терпеть. Ты не имеешь права выходить из строя, потому что именно ты — стержень всей нашей семьи, и на твоих руках — папа...”

И сколько же раз я была у него на исповеди — а такие слова услышала в первый раз. И догадаться бы мне — к чему он эти слова мне говорит, или хотя бы задуматься! Но в тот день я еще ничего не поняла...

А вечером пятого он приехал ко мне. А я как раз полы протираю. Он как увидел — сразу портфель в угол бросил: “Мамочка, да ты что! А ну-ка, дай, я это сделаю!..” И выхватил у меня тряпку. И всегда он так: помочь, взять на себя чей-то труд — это было для него обычным делом.

Протер полы, предложил стол накрыть. Я говорю: “Так ведь Ирины не будет, Геночка, Ирина в командировке”. А он утешает меня: “Ничего, мы сейчас без нее, а потом все вместе соберемся. Я к тебе завтра заеду!..” И я ждала его назавтра. Но уже не дождалась...

В родне нашей, как, наверное, во всяком роду, сохранялись свои предания о необычных происшествиях.

Мой дедушка, Николай Николаевич Масленников, был кузнецом. В Михайлове их было два кузнеца —

два брата. Дедушка время от времени ездил в Тулу, хотя это и была соседняя губерния, где продавал свои кузнечные изделия. А делал он и кровати, и сани, и подковы, и таганы, и рычаги-ухваты.

И вот поехал он как-то в очередной раз в Тулу. Дело было ранней весной, наверное, перед Пасхой. Николай Николаевич хорошо поторговал в Туле, все продал — и возвращается домой. И вдруг оказывается, что река, через которую он рассчитывал пройти еще по льду, уже вскрылась. И вот стоит дедушка на берегу и думает, что же делать?

А он очень почитал (да у нас и все в семье почитали!) Святителя Николая. Дедушка стал молиться и особенно горячо — Святителю Николаю. И вдруг почувствовал, что сзади кто-то есть. Оборачивается, а там — с белой бородой — сам Николай-Угодник! И говорит дедушке: “Я тебе помогу, но ты до самой смерти никому не скажешь, что видел меня. А перед смертью — откроешь все своей семье...”

Вот так дедушка и сделал. И когда почувствовал приближение смерти, собрал всю семью и рассказал об этом чудесном случае. Отец Геннадий любил слушать эту историю и всегда ею восхищался...

Моя мама, бабушка Гены, Мария, часто водила его в храм. Его и другую свою внучку, мою племянницу Танечку. И вот придут дети из храма и начинают играть. Танечка нарядит его в длинные одежды, как священника, а он ходит по комнате и “кадит”... Конечно, для тех лет, начала пятидесятых, такие игры были не очень типичны...

Когда Гена начал рисовать, он очень любил рисовать наш Косинский храм. Конечно, храм был действующий, но там долгие годы располагались склады Большого театра. Хранились декорации, костюмы, а потому и сам храм сохранился во вполне приличном состоянии.

И вот Гена с альбомом, с карандашами очень часто ходил к этому храму и рисовал его.

Геннадий вообще был человеком вдумчивым и аккуратным. В школьные годы он не просто читал книгу или смотрел фильм, а обязательно делал какие-то записи после прочтения или просмотра. Это, конечно, помогало организовать, приучало к дисциплине мысли.

Гена редко отступал от системы, режима, распорядка. Если уж занимался спортом — то старался встать пораньше, чтобы бежать на стадион. При этом, при этой целеустремленности никогда он не изменял той доброжелательности к окружающим, которая его отличала. Я думаю, это рождало у людей ответные чувства.

Рядом с нами жили соседи, очень неприятные и тяжелые люди. Но удивительно, что только Гену этот человек любил, заботился о нем, доставал для него какие-то спортивные снаряды, даже защищал от обид...

В семинарию наш сын поступил, ничего нам не сказав об этом. Мы тогда еще работали в школе, годы были советские, и у нас могли быть неприятности.

А когда он закончил семинарию, то за первым благословением на будущий свой путь пришел не ко мне, а поехал в Михайлов, к моей маме, а своей бабушке. Приехал, рассказал об окончании учебы и о предстоящем служении. И спросил: “Бабушка, как считаешь, хорошо ли я поступил?” Она ответила: “Миленький внучек, если ты станешь священником, я буду больше всех рада!..” Она его любила, и до конца жизни сохранила эту любовь.

Когда Гена и Лена поженились, то поехали “в свадебное путешествие” в Архангельск. Там у Лены тогда была какая-то работа по деревянному зодчеству. Но поехали они не вдвоем, а взяли с собой папу, Александра Сергеевича, которому там очень понравилось: жили в домиках на природе, рыбачили целыми ночами, ходили вместе по ягоды. У всех остались от этой поездки самые удивительные воспоминания.

СТАРШИЙ БРАТ

*Ирина Александровна
Самарова (Огрызкова)*

Сколько я помню себя, столько помню и брата. Он всю жизнь был для меня путеводной звездой, всегда меня опекал, всегда защищал, заботился, везде меня с собой водил. Едет ли на этюды, идет ли на какое-нибудь мероприятие — всегда берет меня: «Пошли, пошли, это очень нужно! Даже если ты сейчас и не хочешь — потом поймешь, как это полезно...» Мы много ездили с ним по монастырям, да и просто по красивым местам, которых в Подмоскovie так много. А он, конечно, эту красоту умел видеть как никто. И не только видеть, воспринимать, постигать, но и доносить ее до других. И ты начинал, благодаря ему, вдруг видеть нечто такое, что сам мог бы и не заметить — впопыхах, на бегу, в суете...

Что сказать о детстве? Для меня детские воспоминания были, прежде всего, связаны с Рязанской землей. Там мы были на свободе, на воле; там богаче и разнообразнее были наши жизненные впечатления; там и наши отношения приобретали какой-то особый оттенок.

Каждое лето мы проводили в Стрельцах, на родине нашего папы. А Стрельцы — село неподалеку от Михайлова, родины нашей мамы, да и самого Геннадия. В Стрельцах был большой дедушкин дом, огромный сад, в котором имелся даже свой пруд. Были там и огромные качели, на которых мы качались до захватывания духа. А Геннадию и этого было мало: он залезал на самый верх качелей и там показывал разные гимнастические фигуры — подъем переворотом, «солнце»... Недалеко от качелей была большая железная труба, куда он прятал «фронтальные трофеи». Хорошо помню пистолет и шашку. Потом пистолет куда-то пропал, а шашка оставалась очень

долго. Она была нашим секретом: время от времени мы доставали ее из нашего тайника, благоговейно рассматривали, Геннадий смазывал ее каким-то маслом, чтобы она не отсырела, не заржавела, а потом мы аккуратно укладывали ее обратно.

Дедушка наш, Сергей Павлович, был человеком удивительным. Он был глубоко верующим, и мне кажется, что корни будущего духовного переворота, происшедшего с моим братом, лежали именно там — в детских годах, в дедушкином общении с нами, в том, как он помогал нам постигнуть окружающий мир.

Дедушка был человеком известным и, в своем роде, уникальным. Во время войны в дедушкином доме жил эвакуированный специалист-травник. Когда война кончилась и люди возвращались из эвакуации, этот человек оставил в дар дедушке все свои записи. И дедушка начал лечить людей — травами, медом. У него была огромная пасека, кажется, двадцать пять ульев. А с бабушкой мы каждое лето собирали травы по окрестным полям и лесам. Там были удивительно красивые просторы: холмы, перелески, овраги. По ним и бродили мы с нашей бабушкой Анной Афанасьевной. И травами, которые мы помогали собрать, бабушка с дедушкой лечили людей...

Сад был большой, пасека была большая, — а люди и тогда жили по-разному. Я помню, как перед Медовым Спасом дедушка собирал много-много баночек, в медогонке нагонял меда, разливал его по баночкам и разносил сельчанам. То же самое и с яблоками, которых в нашем саду бывало, как правило, очень много. Дедушка любил оделять этими яблоками деревенских детей, тем более, что садов тогда во всей деревне было всего два: дедушкин сад и сад его близкого друга.

А по оврагам мы очень любили гулять. Как-то, будучи в Михайлове, мы выбрали бездомную собачку. Назвали ее Диком. Она была маленькая, бес-

породная, но очень умная и сообразительная. Втроем с Диком мы гуляли по оврагам, а потом прятались в каком-нибудь стогу сена, и Дик нас разыскивал. Мне тогда было лет пять, а Геннадию, стало быть, одиннадцать. Эта летняя жизнь среди природы, вместе с природой, конечно, очень нас воспитывала.

Еще было у Гены одно качество, которое, я думаю, передалось ему от папы — он очень любил рыбалку. До самозабвения любил. Уж, казалось бы, что там за добыча — маленькая уклейка или пескарик? Но каждая такая рыбешка вызывала просто восторг. И этим делом он мог заниматься часами. Если посмотреть его детские фотографии, то очень много таких, на которых он изображен именно с удочкой. Бывало, взрослые хватаются: «Где Геннадий?» Поищем, поблизости нет. Ну, значит, рыбу ловит.

Впрочем, рыбная ловля для нас не была самоцелью, а имела еще и практический смысл. В те годы продавалось много книг. Стоили они недорого, но денег было и того меньше. И вот мы с ним договаривались и шли на рыбалку. Наловим ведро, несем какой-нибудь бабушке. Получим за него какие-то копейки, — но уже мы богачи, можем идти за книгами! И вот роемся в этих книжных развалах — а их было тогда немало — отбираем ему, мне. Да при этом еще и бабушке успевали принести ведро рыбы, чтобы и она ощутила тоже нашу помощь семье...

Ну а зимой... Зимой не было, конечно, такой воли, как в деревне. В маленькой учительской квартире мы, можно сказать, спинами задевали друг друга. Конечно, обычные зимние развлечения были: горки, лыжи... Лыжи в нашей семье пользовались большой популярностью: папа в молодости был спортсменом и нас тоже приучил к лыжам. И вот каждое воскресенье мы втроем (мама оставалась дома) вставали на лыжи, шли семь километров до Салтыковки очень быстрым шагом, катались там с гор до упаду, а потом возвращались. Но чтобы обратный путь не

был безрадостным, шли мы не спеша, любовались зимним лесом, рассматривали шишки, снежные шапки. И действительно, семь километров проходили почти незаметно...

А потом папа уже не ходил с нами, но стал ходить двоюродный брат, Саша. До сих пор помню эту картину: впереди Геннадий прокладывает лыжню, по середине я (под присмотром старших!), а сзади — Саша. Тут уж, хочешь не хочешь, а пойдешь в том темпе, который тебе задан...

В старших классах Геннадий увлекся спортом: копье, диск, ядро. Я выступала в роли «оруженосца». Бывало, он занимается метанием на школьном дворе, а я ему приношу брошенные снаряды. Или начинают силовые упражнения. Тут уж я выступаю в роли «утяжелителя» (вместо штанги), — брат усаживает меня на шею и начинает приседать, накачивая мышцы...

Общаться с Геной мне всегда было очень интересно. Ведь как обычно в жизни получается? Растут люди рядом, в одной семье, но у каждого своя компания, свои увлечения. У нас было не так: брат всегда, сколько я помню, был возле меня, рядом, вместе со мной. От этого мы жили с ним общей жизнью. Куда бы он ни шел, чем бы сам ни интересовался — всегда он старался привлечь к этому и меня. Когда стал студентом (а я была еще школьницей), этот обычай у нас остался. Студенческие встречи, вечера — везде я была рядом с ним. А когда начинались их «сплошняки» — своего рода авральные работы — тут уж собирались все, кто мог хоть чем-то помочь. Кто-то режет бумагу или картон, кто-то клеит, кто-то раскрашивает...

Позже, когда Геннадий познакомился с будущей матушкой Еленой (а тогда — Леной Старокадомской), мы, молодежь, стали часто собираться в их доме, где после бабушки и дедушки оставалась куча смокингов, цилиндров и тростей, подвенечных и бальных

платьев. И вот мы наряжались во всю эту красоту, брали с собой кружевные зонты, гитару — и гуляли по Ухтомке. Тут, конечно, сбегались все соседи, с любопытством нас рассматривали. А мне в эти моменты всегда вспоминалось одно и то же: мхатовские артисты, гуляющие по Малаховке...

Вообще, в матушкином доме мы много общались. Сама обстановка — сад, природа — располагала к душевному разговору, к песням под гитару, к общению неторопливому и вдумчивому. И удивительно: я никогда не чувствовала себя в их компании пресловутой «младшей сестрой». Хотя они и были людьми достаточно взрослыми, они общались со мной абсолютно «на равных».

Валентин Михайлович Самаров

Я познакомился с Геннадием году в шестьдесят седьмом. Года за три до этого я с родителями переехал в Москву, и вот мы, выпускники, а потом и студенты, часто ездили в Томилино. Там собиралась молодежь, молодые архитекторы проводили разные конкурсы (причем проекты могли быть вполне глобальные — например, Будапештский оперный театр!). Знакомы мы были вскользь, так как молодежи там собиралось всегда огромное количество.

Потом Ирина Огрызкова, моя будущая жена, зашла как-то к моей сестре, чтобы помочь ей в какой-то работе (они учились в институте в одной группе). Мы с ней увидели друг друга — и сразу поняли, что здесь что-то не то... Прошло некоторое время — и Ирина решила познакомить меня со своим братом. Ведь знакомство с родителями — вещь уж слишком ответственная, а с братом познакомиться — это как-то проще и легче!

И вот в очередной раз мы находились в какой-то многолюдной архитектурной компании. Я как раз стоял и разговаривал с Геннадием. В это время подо-

шла Ирина и говорит ему: «Гена, я хочу тебя познакомиться...» «Да-да, — говорит он, — ну, где же он, где?..» «Да вот он», — отвечает она, указывая на меня. Эффект был потрясающий...

Ну а на свадьбе Геннадия и Елены я познакомился с Лениным дедушкой, Михаилом Агафангеловичем. Это был удивительный человек, сыгравший, мне кажется, огромную роль в становлении отца Геннадия как священника. Человек старой культуры, преподаватель Духовной Академии (преподававший еще и историю религии в Высшей партийной школе), он знал свободно немецкий, английский, итальянский языки, в подлиннике читал основных мировых философов. При этом он был человеком, укорененным в Православии.

Поэтому когда Геннадий начал увлекаться восточной философией (а искал он в жизни очень много, да и учеба в Архитектурном располагала к некоторой философской свободе), именно Михаил Агафангелович очень тонко и ненавязчиво отвел его от этого интереса. А самое главное — переориентировал на христианство. И когда это произошло — Геннадий уже сознательно и твердо пошел по этому пути. Потому что любым делом в своей жизни он занимался серьезно... А когда он поступил в семинарию — я даже как-то и не заметил.

Ирина Александровна

Это тоже произошло удивительно. Училась я на Петровке, в МАТИ. А Геннадий работал совсем недалеко — в Музее революции на Пушкинской. Поскольку это рядом, у нас было в обычае — встречаться в обеденный перерыв, вместе пообедать, да еще и успеть забежать на какую-нибудь выставку. А если он в это время сам готовил выставку — мы обязательно шли к нему.

Институт я закончила, а тяга к центру осталась. И привычка заходить к брату на работу — тоже. И вот

возвращаюсь в очередной раз из командировки в Загорск (у нас там был испытательный полигон). Прихожу к нему в музей, захожу в отдел. «Здравствуйте, а где Геннадий?» «Геннадий? Уволился!» «Как уволился? Давно?» «Да нет, неделю назад. А сейчас он как раз экзамены сдает». «Экзамены?.. Интересно, и куда же?» «А вы про это ничего не знаете? Тогда и мы вам ничего не скажем!..»

Лечу домой, любопытство раздирает. И недоумение: ведь, судя по его открытому характеру, он ничего не мог скрыть. А тут — какая-то секретность, тайна... Решила, что родителям ничего говорить не буду, чтобы его нечаянно не подвести. Но сама сразу к нему, конечно: «Что такое? Что за экзамены?..» Тут уж он мне открылся и просил молиться за него. Ситуация у него, действительно, была крайняя: возраст позволял ему сделать только одну попытку поступления — ему шел тридцать пятый год.

А потом он поступил. Помню: радостный влетает домой: «Знаете, теперь уже я вам откроюсь, потому что скрывать нечего: я поступил в семинарию!..» Мама даже осела на стуле: «Что?..» А он ей: «Мама, да разве ты не рада этому?» «Нет, если честно, я, конечно, рада, — отвечает она, — тем более, что вся наша семья — люди верующие! Но ты и нас пойми, ведь мы с папой — преподаватели! Как нам теперь смотреть в глаза ученикам, как мне отвечать на вопросы о тебе? Ведь у нас здесь друг о друге все знают!» «Как отвечать? — говорит он. — Да просто, по-христиански! И потом — я взрослый человек, у меня может быть свой собственный путь в жизни. А самое главное — разве я совершил какое-то плохое дело? Разве твой сын — преступник, чтобы его стыдиться? Я думаю, ты можешь гордиться...»

Да, для всех это, конечно, был нелегкий перелом. Правда, папа отнесся к этому событию замечательно: «Лида, о чем нам переживать? Главное — наш сын

нашел себя! Немножко поздно — ну так что ж! Главное — что это произошло. Ты же помнишь, сколько он искал, сколько метался! А теперь — выбрал свой путь и пойдет по нему...»

В этом серьезнейшем шаге Геннадию очень помогла Лена. Отпуская учиться его, отца двоих детей, кормильца семьи, она, конечно, взваливала все на себя. И хотя мы, родные, старались как-то помочь, основная тягота ложилась на них. И твердость характера была главной основой успеха...

Валентин Михайлович

И мало того, в эти труднейшие для его семьи годы Геннадий не ждал утешения, а сам утешал и морально поддерживал нас. Встречались мы в то время не так часто, но каждая встреча была радостью: он приезжал веселый, с какими-то подарочками; ни о каком унынии с его стороны не могло быть и речи. Потом он стал священником, и этой радости у него только прибавилось. И к нам он всегда приходил со словом духовного утешения. Я в те годы шутил в разговорах с друзьями, что не я хожу в церковь, а церковь ходит ко мне. Я имел в виду, конечно, отца Геннадия...

Для семьи нашей, для нашего становления он сделал очень много. Соблазнов и искушений в любой жизни — немало, и разобраться в соблазнах, побороть искушения — задача не из легких. А он своим словом (и, конечно, своей молитвой) очень нам помог. Он был крестным отцом нашего старшего сына, Володи, он ввел в алтарь нашего младшего — Евгения.

Общались мы в последние годы не очень часто — ритмы жизни не совпадали. У него суббота и воскресенье — службы в храме, у нас — единственные дни отдыха. Он приезжает к нам порой за полночь — а нам вставать завтра в шесть или даже в полшестого... Но связь наша все равно была тесной, родствен-

ной. Я до сих пор нахожу книги, подаренные им, которые я все еще не успел прочитать. Получается, что связь наша, наш диалог, продолжается до сих пор. А в общем все идет в нужном направлении. Он сделал много не только для нас — он сделал много для множества людей. А то, что он не успел доделать — наверное, надо будет доделывать нам...

Ирина Александровна

Еще мне очень запомнилась свадьба Геннадия и Елены, и все, что было связано с этой свадьбой.

У Гены и Лены было обыкновение делать рано утром пробежку. Лена бежала из Ухтомки, Геннадий из дома, встречались на поле, вместе бежали на стадион, потом забегали к нам домой. У нас можно было принять душ. Потом брат провожал Лену до дома и встречались они уже в институте.

И вот как-то однажды они в очередной раз зашли к нам, сели на диван со смущенным видом, — сразу было видно, что есть у них для семьи какое-то важное сообщение... И Геннадий начинает: «Мамочка — папочка, вы ведь знаете, что мы с Леной давно дружим. И сегодня мы хотим вам сказать, что решили пожениться...». Мама обрадованно отвечает: «Ну, вот и славненько! Мы давно этого ждем, а поэтому очень рады вашему решению! А теперь скажите нам, когда вы собираетесь устроить свадьбу, чтобы нам заранее к ней подготовиться...» (А надо сказать, что шел семьдесят третий год, продукты достать было нелегко, а уж свадьба-то, конечно, была большой проблемой...). И тут Геннадий отвечает: «Да мы как раз и хотим, чтобы у вас было поменьше хлопот. Ничего готовить не надо. Мы вам специально говорим об этом сегодня, в понедельник, а регистрация наша назначена на субботу...» «Да как же так, ведь мы не успеем подготовиться! И даже зал в кафе накануне 1-го мая

снять нельзя!» «Вы только не волнуйтесь, — отвечают они, — как-нибудь все само устроится...»

И действительно, один знакомый предложил свою только что построенную мастерскую. Мы выносили оттуда груды мусора, вешали какие-то фонарики из бумаги, — в общем, проявляли фантазию, которой так много в молодости.

Но был еще один момент, вызвавший поначалу недовольство бабушки, Михаила Агафангеловича. Ведь эта неделя была не простая, а — Страстная. «Что же вы со мной-то не посоветовались, ребята?» — спрашивал он. На что они ему отвечали: «Ничего страшного, мы и этот вопрос продумали. Регистрация назначена на Страстную Субботу, тут уж ничего не поделаешь. (В те годы регистрация была делом нелегким, ее ждали по нескольку месяцев!) Но свадьба будет чисто символической — выпьем по бокалу вина, а потом разойдемся...»

Первый, кто встретил нас из ЗАГСа (а я была у них свидетелем), был именно дедушка. Он завел их к себе, основательно с ними поговорил, настроил их, а потом... Потом мы отправились на Пасхальный крестный ход!

Что это был за поход! Ночью, по Некрасовским отстойникам, в полной темноте мы шли в храм в Фенино, на крестный ход. Долго плутали, чуть не заблудились, но все же вышли в конце концов в Фенино и даже не опоздали на Пасхальный крестный ход. Такое начало их семейной жизни было, конечно, символическим: ночь, звезды, Пасхальная заутреня... Это запомнилось нам на всю жизнь, а уж им-то, наверное, тем более.

Ну а на следующий день была уже нормальная, веселая студенческая свадьба. Но все равно мы вспоминали этот ночной поход (а до Фенина было километров пятнадцать), звезды над головой и свечи в храме...

А позже, когда Геннадий учился в семинарии, на какие-то семейные праздники он обязательно старался попасть домой. Дело в том, что вся родня у нас поющая, голоса очень хорошие, и всякое застолье своей кульминацией обязательно имело хоровое пение. И Геннадий очень любил петь вот так, в семейном нашем «хоре». А любовь к песне проходила у него через всю жизнь. Любил он бардовские песни того времени, один из первых достал где-то кассету с песнями Окуджавы. Бачурина мы с ним могли слушать часами...

Валентин Михайлович

Когда я пришел в эту семью, меня поначалу удивляли некоторые ее обычаи. Например, как это взрослые люди собираются в компании, пьют только чай, а потом часами поют песни? Потом я понял, что именно общение было для них главным моментом в этих застольях...

А позже, когда наш Геннадий был уже отцом Геннадием, ему иногда необходимо было просто придти к нам, сесть в кресло и... и заснуть. Ведь нагрузка, которую он взвалил на себя, была колоссальной даже для его богатырского организма.

И еще одну деталь хочу вспомнить, очень характерную. Он любил к нам приходить, посидеть с нами, а потом, уже ночью, один шел домой. А идти надо было через поле, в темноте. И времена беспокойные, начало девяностых, самый разгул всего... И мой друг, Вячеслав, часто предлагал ему: «Отец Геннадий, давайте, мы вам охрану дадим?» Но отец Геннадий отвечал: «Меня охраняет Господь. И если Ему надо будет меня призвать — разве спасет любая охрана? Он все равно возьмет меня в тот день, в который нужно. Но пока я не чувствую, что этот день близок...»

И в этих словах, мне кажется, вся сущность нашего отца Геннадия...

ОДНОКЛАССНИКИ

...Эта встреча была встречей памяти. На нее собрались одноклассники отца Геннадия Огрызкова, чтобы рассказать о том, каким он был в те далекие школьные годы. За столом сидели Владимир Заваруев и Надежда Галанина, Валерий Видинеев и Александра Деткина, Евгений Лившиц и Наталья Зуева, Елизавета Карпова и Надежда Кузнецова. А во главе стола — как тридцать лет назад, как всегда — их классный руководитель Галина Кирилловна Пятикрестовская...

Г.К.Пятикрестовская

Мне кажется, классу, в котором учился Гена Огрызков, повезло. Повезло тем, что в нем собрались удивительно дружные и доброжелательные люди. Люди, сохранившие теплоту школьных отношений на долгие годы и десятилетия.

Что отличало именно Геннадия во все время его школьной учебы? Любознательность, желание овладеть знаниями, упорство в достижении знаний. Его никогда не интересовала отметка ради отметки. Конечно, и отметка была важна, но не сама по себе, а только как показатель твоих знаний.

И еще, что сразу бросалось в глаза — его страсть к рисованию. Рисовал он везде, где только возможно. Карандаш, бумага, акварель — все это у него практически всегда было с собой.

Конечно, это его стремление к знаниям воспитывалось не только в школе, но и в семье. Родители — тоже учителя! — с ранних лет направляли его на путь непрерывного труда.

Валерий Видинеев

Я бы хотел дополнить: не только знаниями стремился овладеть Геннадий. Мы мно-

го вместе занимались спортом — и в спорте у него было такое же упорство: он ставил цель и потом добивался ее.

Владимир Заваруев

Он был очень увлеченным человеком. Все мы, круг друзей, занимались вместе легкой атлетикой, а его в легкой атлетике интересовали древние виды — метание диска и копья, толкание ядра. Особенно плотно он занимался копьем.

Как мы с Геннадием познакомились? Был у нас в Косине “учительский дом”, где жили, вместе с другими, и Александр Сергеевич и Лидия Павловна Огрызковы с детьми. Дом стоял на холме, посредине холма был колодец, в котором все окрестные жители брали воду, а ниже колодца — наш дом, в котором я родился и вырос. Где-то возле этого колодца мы и встретились впервые с Геной Огрызковым. Встретились в тот момент, когда начали ходить. Оттого-то я и помню его столько, сколько помню себя. Встретились, познакомились и знакомство оказалось на всю жизнь...

О чем я хочу сказать особо, что вспоминается сейчас, спустя годы? В его характере никогда не было не то что агрессивности, а просто — недоброжелательности. Он органически не мог обидеть человека, сказать ему грубое слово. Тогда это было для нас в нем как бы само собой разумеющимся, а сейчас осознаешь, что это редкое, уникальное человеческое качество. Вообще, он был красивый человек.

Александра Деткина

Он был высокий, красивый, сильный. И еще что запомнилось по школьным годам — так это руки. Большие, теплые, добрые руки. И когда, на тридцатилетие нашего выпуска, он встречал нас в садике этого дома, где мы сейчас сидим, он обнимал нас теми же самыми большими и теплыми руками. Только они стали еще добрее...

И еще он остался в памяти как спортсмен, метатель копья. Одна из наших учительниц так и сказала: “Гену Огрызкова я помню высоким, красивым и с копьем в руках...”

Евгений Лившиц

У нас с Геной были очень тесные дружеские связи. Вместе учились, вместе отдыхали, вместе в походы ходили. Помню, закончили восьмой класс и пошли в водный поход, по Угре и по Оке. Вообще, на всех туристских слетах именно наш класс составлял основу команды, всегда мы занимали первые места.

Потом, после школы, наше общение не прерывалось. Гене не удалось поступить в Архитектурный на дневное, он учился на вечернем. Мне вообще в первый год не удалось никуда поступить, поэтому мы вместе с ним около года работали на Косинской фабрике. Потом пошли студенческие годы, потом — после окончания институтов — наше общение все равно не прерывалось. Встречались на выставках, сидели в кафе. Он тогда был человеком, если так можно сказать, светским. Хорошо разбирался в живописи, много читал.

Потом, когда они познакомились с Леной, я часто бывал у них в Ухтомке. Когда меня забирали в армию после института (надо было отслужить год), Гена был на проводах. Я до сих пор помню его тост за столом: “Желаю тебе, Женя, чтобы этот год прошел для тебя как день...”

Потом мы переписывались, и он сильно поддерживал меня своими письмами. К сожалению, письма эти не сохранились...

В.Заваруев

Мне вспоминается его обращение к своим друзьям, к товарищам. Все мы обращались к сверстникам по-разному: “Ребята, парни, пацаны...”

А он всегда говорил: “Братцы!” И больше никак. И вот эти “братцы” от него неотделимы.

Помню, я вернулся из служебной командировки, иду по улице и на площади встречаю Геннадия, который едет на велосипеде. Он остановился, обнял меня, троекратно по-христиански поцеловал. “Вовка, брат, ну как ты?” “Я нормально, а ты?” “Да, вот, понимаешь, я тебе как-то намекал в общем, я избираю другую философию...” Он не мог впрямую сказать, что уже избрал для себя путь священства... Я говорю ему: “Давай, расскажи как-нибудь поподробней!”

И вот мы с ним то в бане встретимся (а баню он любил, парился совершенно по-богатырски) и начинаем разговаривать...

В.Видинеев

В бане мы на все философские темы дискутировали. А какие там были идейные споры! Когда Геннадий уже был отцом Геннадием, как-то раз один интеллигент все пытался его подрезать — ну как же, батюшка, священник, философски неподкован!.. И вообще — что есть истина? Геннадий ему в конце ответил ясно и однозначно: “Истина есть Бог”. И тот замолчал. Тем более, что вся баня была за отца Геннадия — во-первых, свой, косинский, а во-вторых — смелый человек, мужественный. В то время, чтобы стать священником и не стыдиться своего священства нужно было мужество.

В.Заваруев

Да, нужно было мужество. Хотя бы и для того, чтобы повернуть, поломать свое мировоззрение. А ведь он перед священством работал художником-оформителем в Музее революции... Даже близким людям, мне, например, надо было привыкнуть к этому его поступку. Но зато потом я к нему с еще большей нежностью стал относиться, хотя и до этого всегда испытывал эту нежность...

Г.К.Пятикрестовская

Помню, на тридцатилетии выпуска в 1996 году Надя Петрова сказала: “Все мы пошли по жизни так, как она нас повела. И только один человек из всех нас знал, куда он хочет идти, куда нужно идти. Я говорю об отце Геннадии. Так давайте же, выпьем за него!” А он сидел возле меня и тут удивленно поднял голову и воскликнул: “Да вы что?.. За меня пить?.. Нет, давайте-ка мы с вами выпьем за нашу Россию!..” Его скромность была органична, он не любил, когда на него обращалось общее внимание.

И еще на этом тридцатилетии один эпизод был связан с нашим отцом Геннадием. Мы сидели долго в этом саду, было поздно. За отцом Геннадием приехал сын Павел. Мы распрощались, он уже пошел — и вдруг вернулся и сказал: “А можно, мы вам романс споем?” Мы, конечно, выразили общее желание. И они, вдвоем с сыном, спели нам “Белой акации гроздь душистые...” И уже после этого он ушел.

И это возвращение было символическим. Ведь перед этим мы говорили, что весной, ближе к лету, приедем к нему в Ухтомку на шашлыки... А приехали раньше, чем собирались. На его похороны.

В.Заваруев

В моей жизни с отцом Геннадием вообще связано немало. Так случилось, что женился я гораздо позже, чем... чем обычно женятся нормальные люди. И по поводу моей будущей женитьбы у меня было много вопросов и недоумений. И прежде, чем этот шаг совершить, я решил посоветоваться обо всем с отцом Геннадием. А он служил тогда на улице Неждановой, в храме Воскресения Словущего.

Как-то мы с Мариной, моей будущей супругой, оказались в центре и зашли в храм. Отца Геннадия еще не было, но служительница нам сказала, что “батюш-

ка вот-вот должен быть”. Его ждало немало народу и все — с нетерпением и явным почтением к нему. У меня внутри тоже поднялось волнение. Я думал: а как мы встретимся? Как мне себя с ним вести, как обращаться?..

Наконец он появился. Сначала был чем-то занят, потом вышел и увидел меня. “Вовка!.. — был его возглас. — Брат, ты здесь?..” Он обнял меня, потискал, расспросил, познакомился с супругой. Служащие на нас поглядывали — с кем это батюшка так долго занимается?

Закончилась служба, он рассказывал нам про храм и иконы, про венчание, супружество... Шла Страстная неделя, и он подробно разъяснил, когда можно венчаться, что для этого нужно... И все это было так по-доброму, с такой любовью...

Надежда Кузнецова

Доброта у него была необыкновенная. Помню, после многих лет я встретила его возле своего дома — он приходил соборовать жившую по соседству старушку. Я его узнала, окликнула: “Гена!” Он обернулся: “Надежда!..” И буквально сгрел меня (с моей-то комплекцией!) в свои объятия, так что я в них просто потерялась... В нем не было ничего поддельного, а доброта шла настолько от сердца, что была не просто чувством — она была стремлением помочь каждому, кто на его пути встречался...

Надежда Галанина

Я вспоминаю, как он, еще художник, пришел в наш детский сад, где я работала. Увидел наши унылые серые стены, изумился: “Надежда, да как же вы тут?.. Давайте, я вам все это распишу, давайте, устройте радость детям — ведь нельзя же им в таких стенах расти!..” К сожалению, заведующая наша не разрешила ему это сделать, а я была всего лишь воспитателем. Но это его желание сделать мир

светлее, чище и красивее в нем осталось и тогда, когда он стал священником. Мне кажется, он органически не мог никого обидеть или унижить. Наоборот, каждого человека он старался возвысить до... до своего представления о нем.

Елизавета Карпова

Я с отцом Геннадием встречалась периодически, совершенно случайно. В автобусе. Но динамика этих встреч была заметна и как-то осмысленна.

Первая встреча произошла лет пятнадцать назад, а может, и больше. Обычный в таких случаях разговор: “Как ты?” “А ты как?” Но уже в первую встречу он сказал: “Ты знаешь, а меня толкает на что-то другое...”

Следующая встреча случилась месяца три спустя. Тут уже был более подробный разговор. Он говорил: “Вот ты, Лиза, как живешь? Как мы вообще все живем? Ведь мы же ничего не делаем! А надо, надо делать. И мне кажется, я знаю, что я должен делать...”

Я тогда уже догадывалась, о чем он говорит, что подразумевает под этим “делом”. Потому что в то время я уже читала определенную литературу. Не только христианскую, конечно, а вообще — духовную...

Потом мы встретились, когда он уже был священником. Он приглашал меня в храм, где сам тогда служил. Говорил о том, что духовную работу, духовную жизнь надо начинать с перестройки сознания, и он может в этом мне помочь, потому что чувствует, что “ему дано”, как он говорил. Я вскоре пришла в храм, но его не застала. Батюшку все ждали (чувствовалось, что его там уважают и любят).

Священство было его судьбой, ему это было, что называется, на роду написано. Но ему мало было спасаться самому, он хотел еще спасти других — всех своих друзей, знакомых, незнакомых... И для него это было органично.

Наталья Зуева

Судьба сложилась так, что близкого общения с Геной после окончания школы у меня не было долгие годы. А по школе я его, конечно, помнила хорошо — высокого, удивительно красивого, чуть заикающегося и очень застенчивого. И очень умного. В школе он был всегда в тени.

В жизни моей он сыграл значительную роль, хотя встречи наши были буквально считанными. Я работала в центре Москвы, знала, что здесь рядом он служит священником в храме, но зайти туда, увидеть его как-то не приходилось.

И вот, наконец, я пришла. Он служил, а я стояла и просто смотрела на него. Смотрела и думала о своем, о своей боли, которая в моей жизни присутствует постоянно. Мы встретились с ним глазами, и я увидела, что он меня узнал (а не виделись мы много-много лет). Он узнал меня, но не подал вида, потому что шла служба.

Потом служба кончилась, его рвали буквально на части; я отошла в сторонку и просто стояла. Наконец он подошел и ко мне. И первое, что он сказал мне: “Какие у тебя грустные глаза...” Он увидел...

“Ты приходи”, — сказал он мне на прощанье. И я, действительно, вскоре пришла. Было 8 сентября, Натальин день, мои именины. Я пришла исповедоваться и причащаться. Но была я, конечно, довольно бесполовая и забыла надеть платок на голову, хотя, вроде бы, об этом и знала.

И вот я исповедалась, причастилась, подошла к кресту. И он, давая мне крест, тихонько и мягко, боясь обидеть меня, шепнул: “Ты в следующий раз в платочке приходи, ладно?”

А когда я пришла в следующий раз, то попала на его именины. Это было через пять дней, 13 сентября. И вот тут я увидела и поняла, как его любили... Цветы, подарки, но не в этом дело. Надо было видеть, как к нему шли люди, с какими лицами... Очень

много было известных людей, ведь храм-то в самом центре.

И так я прикоснулась к этой его стороне жизни. Потому что мы его, конечно, любили, он был свой, родной, но церковную его жизнь мы знали мало. И это большое упущение наше, я считаю.

И еще помню, как на встрече выпускников наша одноклассница сказала: “Вот мы здесь все рядом сидим, а в церкви люди счастливы, если только прикоснутся к отцу Геннадию...”

А.Деткина

Но от него об этом узнать было, конечно, нельзя. Когда мы встретились на тридцатилетии, мы у него спрашиваем: “А как теперь к тебе надо обращаться?” Он сразу рукой махнул: “Ну, здесь то можно и Геной называть. А вот уже в церкви — там отцом Геннадием...”

Н.Зуева

А когда он ко мне там в храме подошел, обнял меня, мы с ним сели — я удивилась, какими глазами все на меня смотрели. Как же, я была тогда в храме самая счастливая...

Н.Галанина

И когда были его похороны, и мы все пришли, после отпевания и прощания с ним надо было садиться в автобусы. Народу было — не протолкнешься, но как только мы сказали, что мы — одноклассники, — тут же всех раздвинули, подвинули и посадили нас на лучшие места. Даже одноклассники его — и то были уважаемыми людьми.

В.Заваруев

Помню, в те горестные дни я пришел к себе в Академию, на кафедру. Смотрю, одна из

наших сотрудниц, доцент, плачет навзрыд, а другие наши женщины собрались вокруг нее. “Надежда, что случилось?” — спрашиваю я у нее. Она плачет и не может ответить, а ее подруги говорят: “У нее горе. Умер ее духовный наставник”. Потом и она сама говорит: “Я потеряла самое дорогое, что у меня было — потеряла духовника...” “Ну а кто он? — спрашиваю я. — Как его звали?” — “Отец Геннадий...”

И так мы оказались в одном горе. Я не знал, работая вместе с ней на кафедре, что она постоянно к нему ходит, а она, естественно, не знала, что мы с ним были друзьями. И когда я ей сказал, что помню отца Геннадия с того момента, как помню себя, что познакомились мы когда-то на ледяной горке и потом всю жизнь были вместе, — она смотрела на меня такими глазами...

Потом мы с ней разговаривали, она мне рассказывала о своих отношениях с отцом Геннадием, и я почувствовал, сколько он для нее значил. Наверное, как ни один человек на земле...

Г.К.Пятикрестовская

Говорят, что мир тесен... Училась вместе со мной в институте Надежда Киселева, которая потом была известной артисткой, ведущей литературных передач на центральном радио. Виделись мы с ней очень нечасто.

Когда у меня дома случилось несчастье, она приехала, чтобы поддержать меня. Рассказала, что смерть мужа привела ее к вере, в Церковь. Рассказала, что есть у нее теперь и духовный отец. И оказалось, что это мой ученик, отец Геннадий... А в заключение она сказала: “Я даже не представляла, что в жизни моей может появиться такой человек. Человек, который возродит меня душевно и духовно...”

В.Видинеев

Помню, я со своими сыновьями приехал к нему в храм. У него были еще крестины,

он попросил нас подождать. Дождались, сели вместе с ним в его машину. А машина-то какая — тархтящий, трясущийся “уазик” — нет бы какой “мерседес!”...

И вот тронулись. Он тут же вытащил какую-то духовную книгу и начал читать ее моим ребятам. Кругом (на дороге) шум, гам, пробки, а он своим громким, зычным голосом читает, читает... Ему бы отдохнуть — но разве он может отдыхать, когда рядом есть люди, нуждающиеся в проповедническом слове!..

Приехали в Косино, он нас повез к себе домой, причем младший мой тут же нашел с ним общий язык, стал рассматривать его книги. И вот только тут я заметил, насколько он устал. Он был просто измочален...

Что о нем сказать? В храме, видя, какие люди его окружают, думаешь, что он просто недоступен, недосягаем. А подойдешь — и понимаешь, что ты для него — близкий и родной человек.

Иногда мы с ним ездили на этюды. Общаться с ним было всегда просто, легко. Я о многом собирался его спросить, но как-то все не было случая. А когда встречались — все вопросы отпадали сами собой, от одного его вида...

Он никогда не навязывал своих взглядов, своих мнений. Но он так говорил, что вовлекал в свой мир, в свою жизнь, и это было, наверное, самым убедительным...

Н.Зуева

Еще один случай из моей жизни вспоминается. Два года назад в Москве были мощи Великомученика и целителя Пантелеимона. А мы встретились с отцом Геннадием. И он сказал: “Эти мощи — великая сила. Ты сходи, Наташа, приложиться, обязательно сходи!” И я пошла. Но не одна пошла, а вдвоем с сыном. Сын у меня — больной человек. И мы стояли в очереди семнадцать часов.

Понимаете? Семнадцать! И это само по себе было чудом, потому что ни я, ни, тем более, сын, не могли выдержать такого испытания. И, все-таки, выдержали.

А какие люди стояли с нами в той очереди!.. Да нет, они, наверное, были обычными людьми, но сама атмосфера, сам дух — возвышали всех нас. А выдержали мы, конечно, только потому, что он сказал: “Ты сходи, Наташа!” Вот это его благословение и придало нам силы. И впоследствии это мне очень помогло внутренне.

В.Видинеев

Вспоминается такой эпизод. Как-то мы с ним вышли из бани. Дело было днем — осень, солнышко, листочки желтые... Я говорю ему: “Слушай, а давай, рванем-ка с тобой на этюды?” Он говорит: “А что? Давай! Сейчас возьму этюдник, а через час встречаемся!”

Через час встретились, пошли на этюды. Выбрали место, расположились недалеко от храма, начали работать. Но у него что-то не получалось: давно не работал, отвык, а потому нервничал, мне это было заметно. Долго он так мучился, и вдруг подошел ко мне и как-то смущенно спросил: “Валер, а у тебя сигаретки нет?”

Я дал сигарету, он отвернулся от храма, спрятал ее в свою огромную руку и несколько раз затянулся. Как школьник, прячущийся от учителя. А был большим, уважаемым всеми человеком...

Н.Галанина

Это было вскоре после института. У нашего одноклассника умерла жена. Мы ходили по поселку и собирали у друзей и знакомых деньги на похороны. Нас было несколько девушек и с нами — Геннадий. Было уже темно, мы шли через поле. Вдруг Геннадий спросил: “Девчонки, а вы смотрите когда-нибудь в небо? Вы видите звезды?” Мы

удивились: “Чего это ты вдруг?” А он продолжал: “Знаете, мне предложили работу в Лавре, реставрировать храм. Если б вы знали, что там за люди! Люди, с которыми можно говорить обо всем — о самом высоком...” Наверное, он тогда еще не думал о священстве, но... но уже двигался к нему. А работал в Музее революции, сто пятьдесят рублей оклад, двое детей, жена...

В то время он для нас среди других наших ребят не выделялся. Точнее, мы его любили так же, как и всех остальных. А мы их всех очень любили и очень крепко дружили. Вообще, мы очень счастливые...

А когда хоронили Сашу Петрова — первый раз увидели отца Геннадия в сане. Он его и отпевал в нашей Косинской церкви. И после отпевания, прощаясь со всеми нашими ребятами, он притягивал каждого к себе, обнимал его голову, благословлял... И столько любви было в это жесте, во всей его позе...

Г.К.Пятикрестовская

А когда он приехал на те похороны и подошел к нам, то первые слова его были: “Скажете, кто деньги собирает?” Хотя священник, приехавший отпевать человека, мог об этом и не думать...

Н.Кузнецова

Я ехала в Люберцы, к сестре. Смотрю, на одной из остановок за автобусом бежит отец Геннадий вместе с сыном. Догнали, прыгнули в автобус, — и тут он увидел меня: “Надежда!” Так сгрэб меня в объятия, что на нас весь автобус смотрел. “А это вот мой старший сын, Сергей. Знакомьтесь!.. Надежда, а ты-то как?..” И все это на протяжении буквально двух остановок, Ухтомка-то рядом.

Г.К.Пятикрестовская

Еще не наступил сороковой день со дня его смерти, когда я увидела сон. А сны, надо сказать, мне не снятся вообще никогда.

И вот вижу: наша Большая Косинская улица, лето, солнце. Я одна, на улице ни души. Иду и вижу: навстречу мне идет он. Высокий, красивый, в священническом облачении, с длинной своей бородой. Идет, смотрит на меня и улыбается. И в глазах любовь. Я, удивленная и обрадованная, говорю ему: “Гена! Ты живой?.. А мы тебя похоронили...” Он идет, улыбается — и молчит. И, не доходя до меня шагов пять — исчезает... И я просыпаюсь с полным ощущением, что это был не сон, что встреча наша состоялась наяву...

Е.Лившиц

Я приехал к нему, когда он служил еще в храме Воскресения Словущего. Приехал — и узнал, что именно в этот день его увезли в больницу. Потом приехал позже, через некоторое время, и мне сказали, что отец Геннадий теперь — настоятель Малого Вознесения. Храмы эти находятся в пяти минутах ходьбы друг от друга, я, конечно же, пошел туда.

Подхожу — и что вижу? Почти руины: какая-то рухлядь, перегородки, лестницы, все развалилось... Помню, я ему сказал: “Отец, ты себе здесь памятник воздвигаешь...” К сожалению, так и получилось. Я теперь, когда проезжаю по Большой Никитской, каждый раз думаю: “А вот — памятник отцу Геннадию...” Сколько же он туда сил вложил...”

Н.Галанина

Помню, однажды мы всем классом собирались что-то праздновать. Домик был таковой, недалеко от озера. Конечно, засиделись и вдруг видим: идут к домику Лидия Павловна и Александр Сергеевич Огрызковы! “Гена! За тобой родители идут!” Что делать? Бедный Гена схватил какой-то сервиз в охапку (а мы посуду приносили на этот праздник с собой) и помчался по берегу озера домой, чтобы рань-

ше родителей оказаться у себя. Да вот беда, не повезло: оступился на бегу, упал — и весь сервиз вдребезги... Конечно, без наказания в тот раз он не остался.

В. Заваруев

У нас была особая компания. Кто-то из наших сверстников собирался, чтобы похулиганить, кто-то чтобы вина попить, кто-то еще зачем-то... А мы собирались, чтобы заниматься спортом, запускать ракеты (слава Богу, хоть все они взрывались на высоте 3 метров, ни одного покалеченного не было!), строить махолет (то есть крылья), кататься по озеру на лодке с помощью запущенного на километровую высоту змея... И Гена был среди всех этих затей самым активным участником. И очень простым человеком.

САМЫЕ СЧАСТЛИВЫЕ

Матушка Елена Огрызкова

Детство у нас с братом было простое: мы жили в родительском доме здесь, в Ухтомке. Родители заботились о том, чтобы мы без особой нужды не бродили по улице, поэтому, стараниями их, у нас всегда были развлечения: летом — шалаш в саду, а зимой — ледяная горка и ледяное же решето, на котором мы с нее катались.

А душой дома и семьи был дедушка, Михаил Агафангелович Старокадомский. Он старался объединить весь наш род, поэтому, пока он был жив, в доме собиралось очень много людей — родственники, знакомые. Порой приезжал на постоянное место жительства кто-то обедневший или разорившийся из родни. Сохранялся старый, традиционный уклад жизни: бабушка готовила на большую семью, готовила по-домашнему, просто и вкусно, а дедушка любил, чтобы за столом собирались все мы без исключения. Для него общая трапеза имела большой смысл. Ког-

да мы закончили школу и учились в институте, собираться всем вместе стало труднее, и он очень скорбел по этому поводу.

Дедушка вообще занимал огромное, определяющее место в жизни семьи. И в нашей детской жизни — особенно. Он читал нам книги — очень много из русской истории, Горбунова, например. Как я понимаю теперь, он сознательно и устремленно занимался нашим образованием, формированием нашего сознания.

Дедушкой определялся весь уклад жизни: он распределял средства семьи, решал, какие дела надо делать в первую очередь. К нему приезжало много людей — друзья, знакомые, бывшие ученики. В его комнате проходили их конфиденциальные беседы, а потом бабушка накрывала чай в гостиной. В общем, весь строй нашей жизни определялся дедушкой и был ему подчинен. Конечно, тогда я была человеком неверующим, да и не очень понимающим какие-то глубины смысла нашей жизни, но общее ее течение, безусловно, влияло и на нас, детей.

До пенсии дедушка был школьным учителем, преподавал географию, историю, астрономию. А когда вышел на пенсию, то, отказавшись от пенсии, начал преподавать в Лавре — в Семинарии и Академии. У него самого было академическое образование, хотя он и не был рукоположен. И вот несколько раз в неделю он уезжал в Лавру, где преподавал.

Я помню его комнату, в которой на одной стене висела карта Европы, а на другой — карта полушарий. И мы с братом забирались на диван и рассматривали эту карту, изучали ее. Вообще, я большую часть времени проводила именно в его комнате, когда он отсутствовал, меня туда тянуло. В детстве я не понимала причины этого, да и не задумывалась о ней. А теперь понимаю: он, может быть, единственный из всей семьи, ежедневно молился. У него и икона в комнате была. Часто, забегая вечером к нему,

мы оказывались в полной темноте и натывались на него — он молился в темноте, чтобы никого не смущать. Вот эта намоленность, прежде всего, наверное, и привлекала ребенка. Ну, а кроме того, в его комнате было просто интересно: множество книг и журналов, которые он выписывал.

Вспоминается дедушкино отношение к родственникам. У него был племянник, дядя Костя. Человек он был с трудной судьбой: сын священника, с институтской скамьи попал в Воркуту, потом был отправлен в Казахстан, где закончил Университет, учился рисованию.

Несмотря на свою судьбу, он был неверующим. Дедушка очень любил его, и когда дядя Костя приезжал к нам из Казахстана в очередной отпуск, они подолгу, целыми вечерами, беседовали. Цель дедушки была одновременно и проста, и сложна — доказать своему племяннику бытие Божие! Он использовал для этого огромный материал вплоть до новейших научных открытий. Но дядя Костя упорно оставался при своем мнении. Самое же удивительное во всем этом — что разговоры их никогда не становились спорами, они были именно тихими, душевными беседами, и это свидетельствовало о глубокой деликатности, о такте нашего дедушки.

А когда дядя Костя умер, и мы с мамой ездили в Караганду его хоронить, мне пришлось разбирать и сжигать полученные им письма. Большинство их было от дедушки...

В общем, самое важное в нашей детской жизни происходило на внутреннем уровне. А внешняя жизнь протекала, как и у всех: школа, подруги, книги, которые все читали, фильмы, которые все смотрели, музеи, которые все посещали. Тем не менее, дедушкино влияние не пропало бесследно. И даже тогда ощущалось. Помню, вечером я ходила по саду, горел костер, я смотрела на него и думала о том, как, подобно этому костру, погаснет когда-нибудь наше

солнце... Или забирались на снежную гору и с нее изучали звезды... В общем, философский настрой присутствовал...

Родителей мы видели значительно реже: они были учителями, в школе были заняты с утра до вечера, поэтому маму в те годы я помню исключительно с тетрадками, которые она проверяла. Надо сказать, что поначалу мама училась в аспирантуре, хотела заняться научной работой, а не останавливаться на поприще учителя. Но Господь судил иначе: в аспирантуре она тяжело заболела, не закончила ее и на всю жизнь осталась школьным учителем. Ребят она любила, проводила с ними много времени, даже спектакли ставила. А на Доску почета мою маму сфотографировал Александр Сергеевич Огрызков, папа будущего отца Геннадия, с которым мы тогда даже и знакомы не были...

Еще в школе, читая дедушкины книги, я заинтересовалась астрономией. И даже решила, что пойду учиться в Университет на астрономический факультет. Но дедушка был этим не очень доволен: он был не только теоретик, но и практик и, конечно, рассуждал, что полезнее для женщины в ее реальной жизни. Впрочем, от астрономии я постепенно и сама отошла: погружаясь все глубже в эти бесконечные нули, я в какой-то момент поняла, что из этих бесконечных бесконечностей может быть лишь два выхода: либо сумасшествие, которого я, естественно, не желала, либо — Бог, Которого я тогда, по своей глупости, еще не могла признать. Тогда я даже веру дедушки и бабушки (о которой догадывалась) оценивала так: пожилые люди, что ж, в их времена верить в Бога было принято, эта вера и осталась в них по привычке...

В это же примерно время я увидела какой-то фильм о строительстве в тайге — тогда таких фильмов было немало. Там среди деревьев выросло здание — обычное кафе — «стекляшка», но мне оно

тогда показалось чем-то необыкновенным, почти чудом. И я подумала: «Пожалуй, я буду строить. Стану архитектором».

Дедушку такой поворот моих мыслей устраивал значительно больше, тем более, что приближалось окончание школы. К тому же, строителей в нашей семье тоже немало, как и учителей — отец мой был мостовик, брат мостовик, еще несколько ближайших родственников.

Срочно нашли преподавателей рисования, а человеком я была достаточно упорным. Рисовали линии, потом головы... В общем, поступить в архитектурный мне удалось, но сказать, что рисование было моей страстью, или что я много рисовала — нельзя. В институте живопись давалась мне легко, я ее чувствовала, а вот рисунок хромал.

Позже, уже вместе с отцом Геннадием, мы больше упирали на идейную сторону архитектуры, на полет мысли. Участвовали в различных конкурсах, но думали не столько о требованиях потребителя и заказчика, сколько, наверное, о выражении своих архитектурных идей. Поэтому и премий особенных не получали. Да и жили мы не столько семейной жизнью, бытом, сколько идеями творчества.

С отцом Геннадием в архитектурный институт мы поступили в один год (это был 1966-й), но я на дневное отделение, а он на вечернее. После первого курса надо было ехать на практику и вместе с нами поехало несколько человек с вечернего — они переходили на дневное отделение. На практике мы и познакомились. Но факультеты у нас были разные: у него — факультет градостроительства, у меня — жилищно-общественного строительства.

Столкнувшись впервые на практике, мы быстро познакомились, тем более, что жили в одном месте. Ехали вместе электричкой, потом автобусом... Помню, я догнала его, окликнула — и мы пошли рядом, и уже были друзьями. Знакомиться с ним и дру-

жить вообще всем было легко, настолько он был доброжелателен и прост с каждым.

Потом мы ездили вместе в институт, мы вдвоем с подругой и он. Нельзя сказать, что это были какие-то особые симпатии или планы, просто мы были молоды, расположены к общению. Подруга моя была родом из-под Михайлова, где и он родился, это еще более всех нас сближало.

Потом я летом на практике сломала ногу и вынуждена была взять академический отпуск. С этого момента я училась уже на курс младше. Мы долго не виделись, но, спустя год, снова была практика, после практики мы встретились, так же втроем, и стали захлеб рассказывать друг другу, где были и что видели. Каждый пытался убедить других, что именно у него было самое интересное лето...

И с этой встречи отец Геннадий стал часто бывать в нашем доме. Тем более, что их квартирка была очень тесной и места для занятий у него, в сущности, не было. Мы здесь и этюдами занимались, и проекты вместе делали, и с тех пор практически уже не расставались. Интересно, что вскоре после того, как мы познакомились, он сказал мне: «Давай, пойдем вместе». На это я сделала вид, что ничего не поняла и ответила: «Мы и так вместе». Никаких планов определенных у меня тогда еще не было. Он, конечно, привлекал к себе, но чем? Я думаю, привлекал какой-то силой и одновременно — чистотой. Он был большой ребенок.

Помню, сижу в библиотеке. Большой зал, все сосредоточены. Но открывается дверь, входит Геннадий — и вокруг него, как вокруг какого-то центра, сразу начинается бурление. Притягательная сила у него была очень большая.

В институте тогда был теоретический кружок, многие в нем состояли. Меня тоже пытались привлечь, и хоть теоретик я была никуда не годный, я все же присутствовала, но уже как знакомая Геннадия.

Институт мы закончили в разное время, я на год позже. Помню диплом Геннадия. Проектировал он удивительным образом: его жизненная легкость отражалась во всем. Если мне для составления проекта нужно было долго думать, сосредотачиваться, даже переживать, то он мог проектировать чуть ли не на пустом месте. Помню, ему надо было сделать проект города. Он подумал, потом взял рисунок человеческих легких, что-то раскрасил, что-то подрисовал и — проект готов!

А диплом его был — университетский центр в городе Горьком. Он ездил на ситуацию, изучал местность, тем не менее, диплом его был ярким примером самовыражения: большая живописность, смещенные, по сравнению с реальностью, масштабы... И при этом — полная художественная убедительность. Это было очень красиво, фантазмагорически красиво...

Отец Геннадий всю жизнь был очарован всем — окружающей природой, людьми, архитектурой начала века. Вся его жизнь была постоянным наблюдением, впитыванием и воплощением. И воплощение составляло важную часть жизни: он постоянно рисовал, раскрашивал, клеил, писал, делал графику. У Александра Сергеевича сохраняется много слайдов его работ.

И вот, при этой всеохватности, разбросанности и хаотичности, в нем порой открывалась какая-то интуитивная глубина, ясность, подлинный талант.

Когда он работал в ЦНИИП жилища и они проектировали какой-то очередной «дом нового быта», отец Геннадий сделал макет. Как всегда фантастический и чуточку формальный... Но оказалось, что именно в его макете уже заключался, по сути, весь проект. Отталкиваясь от макета, они сделали такой проект, который даже взял премию на каком-то конкурсе. А ведь макет делался достаточно абстрактно, не имея еще никакой реальной привязки! За внешним образом он умел увидеть весь организм в его сложной и

многоплановой жизни. В свое время он очень увлекался испанским архитектором Гауди, его стремлением приблизить свои объекты — иногда достаточно формальные — к природе, вписать их в контекст живого мира.

И гениальность Творца, выраженная в природе, его всегда потрясала.

Вообще, учили нас сложно. Традиционной архитектуры тогда не преподавали, нас учили на западных образцах, причем по журналам — Корбюзье и прочие. А душа стремилась к чему-то постоянному, если не к своей русской традиции, которую мы почти не изучали, то к традиции Высшего Творца, которую мы все же могли почувствовать в окружающем мире...

Отец Геннадий был безусловно талантлив как архитектор, тем удивительнее, что ни как архитектор, ни как художник он долгое время не находил своего места. Видимо, это тоже было проявление Божьего Промысла о нем, постепенное приготовление его для священства.

Поженились мы после моего окончания института, в семьдесят третьем. Отец Геннадий всегда старался найти себе работу с ненормированным режимом, если уж не дня, то хотя бы недели, чтобы иметь возможность самосовершенствования. А я работала в Моспроекте и страдала ужасно: дни были похожи один на другой как близнецы, к концу дня сил не оставалось уже ни на что...

Потом пошли дети. Они, с одной стороны, спасли, с другой — затащили в обыденные семейные заботы. А мы, как-никак, еще мечтали о творчестве. Может быть, мы были и не очень толковыми родителями, но дети были свои и требовали внимания. Я ушла с работы, была дома, и он иногда мне завидовал в этом.

Когда родился старший, Сережа, у нас еще были какие-то «архитектурные движения». Мы пытались участвовать в конкурсах, вместе что-то делали, пока с

сыном сидели бабушки и прабабушки. Это было радостно, но, очевидно, это были уже последние радости такого рода. Дальше пошли прогулки с колясочкой, да изредка этюды. Архитектуры в нашей жизни стало меньше, а больше всякого рода теорий...

А в общем жили мы как у Христа за пазухой. Нам помогали родители и мои и его. Вообще, помогали нам столько, сколько, наверное, не помогали никому. В то время мне не приходило в голову сравнивать нашу жизнь с жизнью других людей — мы просто жили и наслаждались жизнью. Но позже, думая об этом, я поняла, что мы были тогда очень счастливыми. Самыми счастливыми... Интересно, что в последнее время и отец Геннадий часто спрашивал меня: «Скажи, правда, мы самые счастливые?..» Я даже немножко пугалась: «Ну зачем же об этом говорить!..» Но, конечно, надо постоянно благодарить Бога за прожитую жизнь, потому что жизнь эта была, по сути дела, райской. Нет, у нас были и конфликты, и недовольства — в реальной действительности довольных вообще не бывает! — но этот дом, его отдельность от всего окружающего мира...

О доме хочется сказать особо. Он принадлежал когда-то брату моего дедушки, который жил здесь вдвоем с женой; детей у них не было. Они были старенькие, потом брат дедушки умер, а за вдовой стала ухаживать моя мама. После смерти вдовы мама переписала дом на меня. Он был уже тогда достаточно ветхий, обстановка была довольно аскетическая: много подрамников, холстов, готовых работ. А когда мы поженились, то стали жить в нем уже постоянно. Отопление в доме было, но все оборудование было в таком состоянии, что старший сын Сережа, подрастая, как-то спросил: «Мама, а почему у всех все новое, а у нас в доме все старое?..»

Вскоре после нашей женитьбы Лидия Павловна, мама Гены, очень хотела, чтобы мы избавились от этого дома и как-нибудь получили обычную кварти-

ру. Но прошло некоторое время, они с Александром Сергеевичем стали часто приходить сюда — почти каждый день! — и утешались и отдыхали душой от многолюдства и суеты.

Мы, конечно, не занимались ни садом, ни огородом. Но дедушкин брат был садовод, выписывал в свое время растения со всего мира, и в те годы эти растения еще пребывали в нашем саду, хотя уже и в одичавшем состоянии. И в этом смысле у нас тоже был рай. Я помню, время от времени в саду что-нибудь неожиданно созревало и на голову тебе падали какие-нибудь плоды. А в один год собрали столько яблок, что полкомнаты от подоконника до середины комнаты было завалено яблоками...

И все это вместе, действительно, оставило на всю жизнь ощущение пребывания в раю. И я знаю, что это ощущение рая будет теперь со мной до конца. Наверное, именно это ощущение старался затвердить отец Геннадий, напоминая мне о нашем счастье...

Иногда у меня спрашивают, как произошел поворот отца Геннадия к вере, к Православию, спрашивают, правда ли, что он в свое время увлекался восточными учениями. Чтобы ответить на эти вопросы, надо вспомнить время, в котором мы тогда жили. Это было время официального атеизма, и одновременно — поиск очень многими людьми чего-то большого, определяющего, смысла жизни. Архитектура само собой, но в архитектуре главного нам не давали. А образование, тем не менее, было на уровне университетского, и это заставляло думать, заставляло искать какой-то высший смысл.

К тому же, жизнь в Москве всегда была бурной. И отец Геннадий тоже был бурной натурой. А его духовный потенциал притягивал самых разных людей — охваченных или даже зараженных самыми разными идеями. Ему-то, при его цельности, это, наверное, было не так опасно, а я иногда ощущала на себе, что не все люди, приходящие в наш дом и что-то проповедующие, несут в нашу жизнь добро...

Было и увлечение Рерихом, и художественные выставки, ему посвященные, были и книги по йоге, но отец Геннадий, может быть, и интуитивно, никогда не погружался во все эти философии слишком глубоко, все было на поверхности. Наверное, это был определенный путь, через который в то время проходили очень многие. Достаточно сказать, что из среды наших близких знакомых, интересовавшихся самыми разными учениями, вышло потом четыре священнослужителя: отец Геннадий, отец Василий Строганов, отец Георгий Савин, отец Александр Мумриков...

Отец Геннадий одним из первых пришел к христианству, сначала только теоретически. Но вскоре появился человек — им был Павел Демиденко — который привел нас к будущему нашему духовнику. И с этого момента жизнь наша изменилась, приобрела свой настоящий вектор.

Впрочем, уже и до этого отец Геннадий прикоснулся к церкви, к молитве. С рождения Паши жить стало совсем трудно, и отец Геннадий должен был зарабатывать деньги. Через знакомых его пригласили подновлять храм в Голутвине, по нашей дороге. После этого они белили храм и колокольню в Чехове. И вот там их работало четверо: трое стали священниками, один — иконописцем. Там они уже молились, сознательно погружались в церковную жизнь. Отец Геннадий, вернувшись из Чехова, уже молился, открыто и искренне. Он и меня призывал к этому, но я человек более сложный, осторожный... Да и путь его был, видимо, более конкретным и прямым.

В 1981 году мы начали ездить к своему духовнику в Лавру, а в 1982-м отец Геннадий — а тогда еще Геннадий Огрызков — уже поступил в семинарию. Самому ему в то время такая мысль в голову вряд ли могла придти, но когда ее высказал наш Батюшка, отец Геннадий не сопротивлялся. Хотя зрелому человеку тридцати пяти лет, архитектору с направле-

нием, отцу двоих детей, совершить такой резкий поворот в своей жизни было, конечно, нелегко.

Помню такой случай: Геннадий в Лавре исповедуется Батюшке, а я стою и жду своей очереди. Мимо проходит женщина — не знаю, блаженная или нет. Взглянув на них, она вдруг говорит: «Батюшка у батюшки исповедуется...» А он тогда еще и в семинарию не поступил. Или другое: когда его однокурсник по институту узнал, что Геннадий поступил в семинарию, то воскликнул: «А кому же еще, как ни ему!..» Очевидно, его путь, действительно, был определен для него уже давно.

Менялся ли отец Геннадий с годами? Почти нет. Ни обращение к вере, ни даже рукоположение в священник сан его никак не изменило, наверное, в каких-то своих качествах он был с самого детства, если так можно сказать, совершенным человеком. Меняться он стал в последние годы, когда стал настоятелем Малого Вознесения. Тут уж сама жизнь, его новый настоятельский крест заставляли меняться. Заставляли — хочешь не хочешь — проявлять свою волю, вступать в новые отношения с людьми.

Но человечески, по отношению ко всем близким людям, которых у него было великое множество, он всегда оставался один и тот же: настоящий, простой, заботливый. Ну, а что касается какого-то внутреннего, глубинного слоя — тут отец Геннадий никогда не стоял на месте, все время двигался. Я не знаю, надо ли это движение называть изменением, но удивительно, что всю свою жизнь он впитывал. Он мог читать лежа, сидя, стоя, в очередях, в транспорте, в общем, он читал, не останавливаясь. Когда был художником — рисовал, писал, лепил, клеил, раскрашивал — и снова читал. Как пылесос втягивает воздух, так он втягивал в себя весь окружающий мир. Естественно, что качественные изменения в нем происходили. В конце своей жизни он мог обсуждать практически любой вопрос, говорить на любую тему —

и все это со знанием дела. После его смерти я поразилась тому, что даже ученые мужи, монахи, не могут так глубоко говорить о столь многом, как говорил он...

Его потребность охватить все оставляла ему немного времени для отдыха: будучи сторонником ночных бдений, он ложился спать часто в 3-4 часа ночи, а вставать порой приходилось рано. Спал он всегда очень мало.

И еще: он ни от чего своего, родного никогда не отказывался, оставался верен. Он вообще был верным человеком, во всем. Помню, как-то раз мы с отцом Романом, ныне тоже покойным, устроили чистку бумаг отца Геннадия, отбирали и сжигали все, что касалось восточных религий. Отец Геннадий при этом присутствовал и смиренно терпел. Перебирая бумаги, я нашла письмо, написанное ему еще до нашей женитьбы, прочла его, села и заплакала... Он удивился: «Ты что плачешь?» Я протянула ему письмо. Он взглянул, вспомнил, что это за письмо и протянул мне: «Ну иди, сожги...»

Ездили мы с ним вместе мало, в основном, летом в Бердянск, отдохнуть у моря. Но в последнюю поездку он, почему-то, очень решительно меня взял: «Ты обязательно должна ехать. Обязательно!» Я не знаю, предчувствовал ли он что-то, но через неделю после поездки его не стало...

Помню период, когда дети пошли в школу, я оставалась дома, а отец Геннадий каждый день служил очередным священником в храме Воскресения Слоущего. К тому же каждые две недели, а то и чаще, мы ездили в Лавру. А Лавра — это такая высота и такая сила... В общем, молитвами нашего Батюшки, молитвами служившего каждый день отца Геннадия я жила опять как в раю. Правда, когда появился щенок, Верный, и ему надо было ежедневно варить кости, запах этих костей несколько разрушал мои ощущения. Но скоро я и к запаху этому привыкла и не замечала его...

Труднее стало, когда отец Геннадий стал настоятелем. Тут уж наш дом стал центром. Было постоянное присутствие такого количества народа, что ощущения блаженства уже не наступало. И все-таки, я не могу сказать, что в жизни нашей были какие-то особо трудные периоды. И даже когда язва на ноге не позволяла мне выходить из дома — она меня не то что не тяготила, а даже иногда и радовала: все было благодатно...

А потом стал болен отец Геннадий — и опять мы жили своей внутренней жизнью. Были, конечно, какие-то доносящиеся извне события, отголоски, переживания, впечатления — но это были только отголоски. Потом дали храм, надо было устроить лавку — чем мы и занимались — но никогда, несмотря на множество забот, не было ощущения тяжести. Конечно, каждый конкретный день нес с собой и тяжести, и переживания, и войну — внешнюю и внутреннюю — но это был путь. Путь, который после его смерти перешел в другое состояние. И опять каждый день ставит перед тобой проблемы, которые ты стараешься, хуже или лучше, решить...

Конечно, очень различалась наша жизнь до того, как отец Геннадий стал священником и другая, священническая. Но и тогда мы все несли своему духовнику — и плохое, и хорошее. И он молился за нас...

Для большинства людей отец Геннадий был и остается священником, и это естественно. Но для меня, когда я пытаюсь осознать главную идею его жизни, представляется, что прежде всего и ранее всего он был художником. Я не хочу сказать, что он был выдающимся или знаменитым художником. Нет, он был художником по своей сути — очарованным жизнью, очарованным миром Божиим человеком. И даже когда подошла пора ему стать священником, он внутренне сопротивлялся — он хотел быть художником...

А потом он стал художником-священником. И восхищение внешней красотой мира сменилось у него восхищением красотой внутренней, красотой душ человеческих. Потому что он видел красоту действительно в каждой душе. И пытался эту красоту очистить от посторонних примесей. И многие люди возрастали под его крылом.

Вот эта его очарованность красотой мира и души человеческой придавала особую красоту его собственной душе...

Дополнение о городе Михайлове, где родился отец Геннадий.

Михайлов — небольшой городок под Рязанью. Многие в городе — сродники. Течет и вьется по городу речка Проня, из-за которой и города-то не видно: кругом все Проня, да Проня. Есть в городе и свои горы — Черная и Голубая. Черная — из-за монастыря, который когда-то на ней стоял, а Голубая — от цветов, трав или озера рядом — неизвестно.

Взойдешь на Голубую гору — и вдруг замечаешь, что тени нет (Архистратиг близко!), да и город, наконец, виден становится — город Михайлов. На гербе города — крыло: город Архистратига Михаила. Единственная церковь, не закрытая во времена гонений — Михайловская. В нее водила бабушка к Причастию маленького Геннадия; здесь находится чудотворная икона Матери Божией «Взыскание погибших».

Именно к бабушке в Михайлов приехал отец Геннадий за благословением на поступление в Семинарию. А после ее смерти приезжал ежегодно служить панихиды на могилке. Он любил родной город, любил своих близких и родные могилы.

В трудные годы войны семья матери осталась без кормильца, хлебнули горя. Жизнь приучала к терпению, смирению, экономии, надежде на Бога. Как-то зашла монашенка, принесла молитву «Живый в по-

мощи Вышняго...» (псалом 90). А спустя годы, на экзамене в Семинарию у отца Геннадия спросили именно эту молитву. Случайно ли? Ведь она всю жизнь ему путеводительствовала, ее одну он тогда знал наизусть...

ВПЕРЕДИ — ВЕЧНОСТЬ...

Дмитрий Соколов

Не знаю, воспоминания это, размышления, — но первое, что приходит: отец Геннадий всегда выше и впереди. Ближе к цели, к людям, к радости.

И сейчас, когда он ушел, я в растерянности: значит, скоро. Ведь он всегда — первый.

Урок смерти: каково ему было в предутреннем пятичасовом мраке, в собачьем вое и одиночестве уходить, задыхаясь. Страшно... Урок: теперь жить для смерти. Для вечной ее жизни. Готовиться — ведь теперь все серьезно, и шутки кончились. И как это в один год — он (еще нет пятидесяти), отец, брат, друг...

Первое воспоминание о нем — как о детстве: солнце, лето, трава, деревня, геодезическая практика и кто-то большой, светлый, веселый — с вечернего отделения переходит к нам на дневное, на первый курс.

Год был 1966, двойной выпуск школ (одиннадцатый и десятый классы сразу), а мы поступаем в МАИ — Московский архитектурный институт. Тогда он еще не назывался МАРХИ, в его названии не было никакой ухмылки (“ХИ”); тогда у нас преподавали Брунов, Бунин, Душнин, Тургенев, Мовчан, — даже не зная, кто они такие, человек уже, слыша эти фамилии, испытывал уважение к их носителям и владельцам.

Гена поступил сначала на вечерний и потом сразу, как-то легко и естественно, — на дневной. На

факультет градостроительства. Он никогда не мелочился — если уж проектировать, так сразу целые города и веси. Ведь он был крупный не только телом, но и душой, разумом, интеллектом. А вот интеллигентом он не был никогда. Порода была крепкая, крестьянская, хотя родители — учителя. Чему они его учили — не знаю, но и в 10 классе его могли поставить в угол. И он стоял — большой, красивый и... кроткий. Уж чего-чего, а спеси или гордости в нем не было вовсе.

Вспоминается последняя наша поездка в деревню перед Великим Постом 1997 года. То ли мы разливали коньяк и кто-то опрокинул его рюмку, то ли кто-то не дал сказать ему тост, а сам за него говорил, но он совершенно естественно, как-то даже не вслух, а про себя вздохнул: “Да, не достоин я, окаянный... Куда уж мне...” Я даже задохнулся, когда осознал эту глубину его смирения...

Но вернусь в институт. В здании на улице Жданова мы почти не общались: разные факультеты. А встречались, как правило, в доме Лены Старокадомской (будущей матушки Елены), нашего тогдашнего комсорга. Мы учились с ней в одной группе на факультете жилого и общественного строительства (ЖОС).

Общение наше было разное — словесное, философское, “папиросное”, иногда винное, иногда — “акварельное” или рисовальное. И всегда — природное. Всегда были прогулки: Косино, озера — Белое и Святое, а то и дальше: на Пасху ночью куда-то во тьму пешком, пешком, а там — свечи, свечи, звезды, народ, толпа. И потом обратно — еле живые, ничего не понимающие, но любящие друг друга и счастливые. “Дерева вы мои, деревья...” — поет отец Геннадий (Гена, Геночка, Генуша!). И потолок расходится, стены расступаются, становятся видны сад, стол, вселенная и отец Кирилл, слушающий эту песню в июле 1996 года.

Разве могли мы, студенты, предположить, что доживем до этого! А потом — умрем...

Потом — диплом. Отец Геннадий сделал какой-то потрясающий макет, защитился первым и до объявления оценок мы пошли по февральской утренней Москве. А пришли?.. Пришли в кафе “Садко” рядом с театром оперетты. Оперетта... Что-то совершенно непостижимое. Настолько же, насколько понятно всем “Садко”, русская сказка. В тот раз сказка происходила наяву. В кафе, куда в иное время нам было и заглянуть страшно, в этот час не было ни одного посетителя, пахло хризантемами в саду и ананасами в шампанском. Мы пили “Хванчкару”. Настоящую...

А в последний раз в деревне, в феврале 97-го, еще не доехав до места, мы остановились и вышли из машины. Есть там у нас такой косогор, обрыв, с которого, кажется, видно всю землю до самого края. Мороз был градусов 20 и, полюбовавшись этой красотой, чтобы не сорваться в пропасть, надо было хоть чем-то закусить, а кроме селедки у нас ничего не было. Я содрогался от одной мысли, что ее надо есть. А отец Геннадий молча взял нож и стал чистить эту селедку на морозе, голыми руками. Так и помню его: с селедкой в вытянутых руках (чтобы не забрызгать подрясник), на самом краю, улыбается, от дыхания — пар, а за ним — дивная, голубая от мороза и солнца земля; его земля...

Он уставал нечеловечески, невероятно. Но никто этого не знал, кроме матушки. О храме не мог забыть ни на минуту. Приходит к нам на Тверскую, чтобы отдохнуть, — и сразу за телефон. Мало того, что его все одолевают, разрывают на части, еще и он сам обо всех переживает. “Отче, — говорю, — ты же не в храме — успокойся, отдохни!” “Дима, — отвечает он, — ты знаешь, что такое приход? Это же люди, живые люди...” И снова — звонить, назначать время, договариваться о сроках.

Покою он не имел. Искренне радовался чужой удаче, соболезнавал горю, молился. Но радоваться ведь еще труднее, во всяком случае, нам, русским. Такого сорадования, как у него, на моей памяти больше не было...

После диплома было распределение, потом работа. Денег не было. По современным понятиям денег у нас не было вообще никогда. Но отца Геннадия это не волновало. Зато его трогало, если можно так сказать, бедственное положение негритянских рабочих. Но только не свое собственное. “Надо — заработаем!”

...И поедem на Кавказ. Как он нам рассказывал про Кавказ, про аланов, про нашу прародину. Горы он очень любил. Наверное, это от его малой родины, от Касимовских просторов и круч. Жаль, не побывал я там, когда он звал, но наверняка есть там окские косогоры и дали.

А его заумные идеи и теории? Ведь и не поймешь иногда, что он говорит, только с умным видом слушаешь, да поддакиваешь... Горы книг, горы бумаг, планшетов, дров, картин... Абсолютное отсутствие равнины.

Потом он спасает меня в очередной раз. Через два года после своей защиты защищает меня. Потому что я ухожу из института. На дипломе. Профессор Бархин раздает всем задания: кому что делать на дипломе у Соколова. А Соколова нет — уходит он. И тогда отец Геннадий пишет цветными точечками — метр на метр — планшет интерьера моего диплома. Самый красивый на курсе. Такая работа у нас называлась “рабство”. И сделать ее могла только любовь. Такая, как у него.

После этого я, конечно же, не ушел. Не мог уйти от отца Геннадия, от воли, от благодати.

В 1973 году они с матушкой поженились. Но ничего не изменилось. Ни народу у них не убавилось, ни стихов, ни песен. Ни гор. Только появился Сережа, а спустя время — Паша. Дом оставался тот же и сад тот же.

Писались картины — и тут же дарились. Читались книги, общались люди, светились глаза. Но надмирные теории стали понемногу превращаться в мирные. Что-то потихоньку менялось, как вдруг... Мы оказались в Лавре, сами того не заметив. Какой-то ласковый батюшка, неимоверно длинная служба, исповедь, — и вот уже Геночка в семинарии. Но год не 97-й, а 83-й и надо таиться. И само слово-то — “семинария” — у родителей под запретом. А уже двое детей, жена — все есть хотят. А есть им надо много, все больше. Но: претерпевший до конца спасен будет...

Как трудно, например, было бросить курить, по ночам снилось! Вот говорят: последний Император к лику святых причислен быть не может. Курил, мол, стрелял, животных убивал. А Мария Египетская еще и не то по молодости делала! Но: претерпевший до конца.... Разве это легко?

Помню, одна сокурсница — архитекторша сказала про наши семьи — отца Геннадия и нашу: “Вы с Геной в разных масштабах — 1:2”. Ведь их семье и еды-то надо было в два раза больше. И эту еду надо было добыть. Или — перетерпеть ее отсутствие. Претерпевший до конца...

Мою супругу Ирину Ивановну он тоже спас. В 1985 году она нехорошо заболела. Сделали операцию. Отлежалась. Еще одну операцию надо. А сил уже нет. Она попросила отца Геннадия ее пособоровать. Он у нас дома вместе с ней молился, соборовал. А потом... Потом операция стала не нужна. Классический случай, обычное чудо — врачи разводят руками и не понимают, что произошло...

Поражало всегда его целомудрие. Архитекторы народ “свободный” — хочу люблю, хочу уйду... В этом смысле он архитектором не был.

Помню, мы — на зеленом холме, где-то у Крутиц, у Новоспасного, под нами Москва. Он еще не семинарист, работает в Музее революции. Что-то рассказывает мне о науке, о системах проектирования, я,

как всегда, не понимаю; тогда мы просто любимся Москвой, молодостью, радуемся.

Потом мы у него на террасе, Никола Вешний, а он уже батюшка. Батюшка — значит, уже есть благословение на духовное водительство. Я в кои-то веки приехал к нему в Ухтомку, и вот — солнце, сад, приобильная благодать. Он уже мудрый: позади учеба, владыка Питирим, зарубежное путешествие — Венеция, море (сборы, проводы, встреча). На столе солнечный зайчик, и он улыбается, обнимает, хлопает по плечу: “Как же хорошо, как же хорошо, радёмый, ты только посмотри, посмотри!..” (“Родимый” он говорил через “а” и “ё”, производя его, наверное, от слова “радость”).

Потом его именины, которые сливались с днем преподобного князя Даниила (и с Даниловым монастырем) и превращались как-то в Торжество Православия. Это было такое празднество, к которому готовились чуть ли не весь год. И каждый был отмечен, обласкан, обрадован и утешен. Несмотря на многолюдство, никогда не было шума. Царила тихая радость. Утишение. И бедная матушка, став уже почти тенью, незаметно, но с улыбкой подносила все новые перемены блюд и напитков, а братия, дружно удивившись искусству кулинарии, едва успевала оценить ее мастерство.

Отец Геннадий сидел счастливый, огромный, раскинувшийся обнять нас всех сразу, как дерево обнимает своими ветвями, и тихо-тихо укачивать, баюкать, как спеленутых младенцев баюкает мать...

Он вмещал всех нас, а мы все — не могли вместить его одного. Потому он и ушел. И смертью своей стал помогать нам еще больше, чем жизнью. Потому что наступает время смерти. Мы должны научиться смерти, чтобы жить вечно. Такой смерти, какая была у отца Геннадия: такой жизни, которая есть у него сейчас.

Дай нам, Господи!

Но да будет воля Твоя.

ВСТРЕЧА

Т. Турина

С молодым архитектором Геннадием Огрызковым мне довелось познакомиться в пору студенческой юности, когда я училась на третьем, а он — на четвертом курсе. Это был высокий, красивый, белокурый и застенчивый молодой человек, слегка заикающийся. Он обладал широким кругом друзей в институте, но повод для нашего знакомства был несколько специфический: моя сокурсница, зная, что мне хочется заниматься в каком-нибудь научном кружке, порекомендовала побеседовать именно с ним.

Вспоминая теперь нашу первую встречу, могу сказать, что отличительные черты нашего любимого батюшки проявились уже тогда: чрезвычайная скромность, доверие, уважение, даже благоговение перед чужой личностью и в то же время твердость в отстаивании того, что он считал необходимым.

Этот незнакомый мне молодой человек, которому я была представлена подругой, тут же отговорил меня заниматься в другом кружке, и пригласил в тот, который посещал сам, причем решающий довод привел следующий: «Ты познакомишься там с моим другом N., таким умным человеком!»

Дело было решено, и мы начали заниматься. С сожалением должна признать, что за годы существования нашего научного кружка, состав которого со временем расширился, это, столь не характерное для амбициозных студентов-архитекторов поведение — скромность, постановка себя на второй план, восхищение остальными — обманчиво скрывало от меня (думаю, что и не от меня одной) масштаб личности, с которой нас свела жизнь.

Шла эпоха научно-технической революции: 69-72 гг. Мы много читали популярной литературы из разных областей знаний: наука и искусствоведение,

история и теория архитектуры, литературоведение — все было интересно. Приезжали стажировавшиеся за рубежом архитекторы и рассказывали о перспективах развития кибернетики и вычислительных машин, исследований по психологии творчества — самое радужное будущее, казалось, было не за горами.

Помню, что меня очень удивил на этом фоне интерес Геннадия к категориям средневекового мышления — для некрещеной и относительно атеистически настроенной студентки это было не вполне понятно, но запомнилось.

Шли годы, основные члены кружка защитили дипломы и закончили институт, я заканчивала годом позже. У всех появились семьи и наши встречи становились все реже, а через несколько лет прекратились, но накопленный багаж долго был мне подмогой в профессиональной деятельности. Тем не менее, впоследствии лень и скептицизм, неожиданно проявившийся во мне, заставили бросить все эти занятия.

Поэтому удивительной и запомнившейся была и случайная встреча с Геннадием в скверике на Петровке, когда первое, что он спросил, касалось того, что я читаю и я получила новые рекомендации, восторженные, касающиеся вышедших недавно, ранее бывших под запретом, научных трудов. «Еще чего, — подумала я, — с этим покончено».

А сердце будущего батюшки не остывало — он продолжал поглощать знания со студенческим пылом.

Началась война в Афганистане, резкие изменения в политической и культурной жизни страны. Эти годы совпали и с нашим возрастным кризисом — тридцатилетием. Много тяжелого пришлось пережить каждому и забылась еще одна встреча, которую уже вместе мы вспоминали впоследствии, — когда будущий священник впервые попытался меня пре-

достеречь от опасного шага — очень тактично, что тоже было его характернейшей чертой. Совета я не послушала, а такт запомнила на всю жизнь — и когда настало время покаяния — я твердо знала, что этот человек не обидит, а сострадать будет так, что впору его пожалеть за наши грехи.

Однако неожиданное известие о том, что Геннадий стал священником, изумило меня. Мы не виделись многие годы и я не знала конкретных фактов, приведших его к этому решению.

Друзья рассказывали, что работая после выпуска в научно-исследовательских институтах, они столкнулись с такой информацией, которая впоследствии не одного человека заставила придти в храм.

Но ведь было и увлечение живописью! Мы помним выставки на Малой Грузинской, где фамилии Симакова, Линицкого, Огрызкова встречались постоянно. Геннадий, в основном, выставлял пейзажи, казалось, далекие от всяких модных страстей.

Я ничего не понимала — что произошло с человеком, и даже заходить в храм, где он служит, отказывалась, тем более, что и креститься я вовсе не собиралась, хотя странным образом об этом стали говорить со мной многие мои друзья.

Может быть, из этих обрывочных рассказов видно, что на самом деле отец Геннадий стремительно получал энциклопедическое образование: 6 лет учебы в лучшем архитектурном вузе страны; участие в студенческих кружках; годы самообразования; образование живописца — все это *до того*, как он закончил семинарию и Духовную Академию Свято-Троицкой Сергиевой Лавры!

«ТЕБЯ ПРИВЕЛИ В ХРАМ БАБУШКА И ДЕДУШКА»

С годами мои друзья постепенно воцерковлялись, а наши родители старели, в том

числе и мои бабушка и дедушка, на руках которых я выросла и жила с ними всю жизнь: родители были в постоянных командировках. В 20 лет я потеряла отца, маме приходилось много работать.

Бабушка и дедушка (по материнской линии) родились в Тамбовской губернии в конце прошлого века и получили христианское воспитание; бабушка — в гимназии, а дедушка — в церковно-приходской школе, а также, естественно, и дома. Они венчались и прожили вместе долгую и очень сложную жизнь, проведя около 30 лет в Средней Азии (с 1927 по 1956 годы). За эти годы они утратили традицию посещения храма и молитвы, но морально-этические ценности их были незыблемы, и, безо всякого пафоса, понятны обоим. Мама была крещена во младенчестве. Отец же мой — коммунист и, как будто бы, атеист — единственный из всей семьи (по воспоминаниям родственников) цитировал Евангелие. Мне он рассказывал о катакомбных христианах первых веков.

Бабушка весной пекла «жаворонков», а ближе к 1 мая — куличи и делала пасху, рассказывала о крестных ходах, но я все это воспринимала как ее детские воспоминания и не задавала сама вопросов.

К тридцати годам я уже не сомневалась в присутствии Бога в нашей жизни, но даже ни разу не поинтересовалась, крещена ли я.

Наконец и у меня возник этот вопрос и бабушка сказала, что в младенчестве не решила меня крестить, не зная реакции отца, и оставила решение до моего повзреления. Я заявила, что она и есть мой ангел-хранитель, успокоилась и забыла об этом...

Не могу объяснить логически, почему все учащающиеся разговоры со стороны друзей о необходимости моего крещения я восприняла в штыки — но сопротивлялась очень упорно.

Бабушки не стало. Возник вопрос об отпевании — а мы ничего не знаем и не умеем! Приехала из далекого Ташкента бабушкина племянница — дочь священника, и заказала все, что полагается. И вот в час заочного отпевания (который был мне неизвестен) вдруг ужасная тяжесть меня отпустила и стало легче. Очень многое мне было в этот момент открыто, но креститься я не пошла.

Через два года не стало и дедушки. Тетя уже не могла приехать. Уговоры со стороны друзей посетить отца Геннадия (еще до смерти дедушки) на меня не действовали. Необходимость отпевания и сорокоуста были уже мне ясны, но как мне поступать, я не знала.

И вот произошло событие, которое теперь я воспринимаю как чудо (столь при этом характерное для отца Геннадия), а тогда сочла или уловкой или чистой случайностью: наши общие друзья пригласили меня к себе, чтобы взять у них Псалтирь и читать дома самой (им казалось, что это будет лучше, чем ничего не делать с моей стороны). И вот в момент моего посещения к ним вдруг позвонил отец Геннадий.

«Иди — сказали они. — Тебе повезло — батюшка звонит и хочет с тобой поговорить!»

«Вы же это все подстроили!» — сказала я.

«Ты что, у него нет телефона и он звонит нам очень редко — раз в полгода!»

Я пошла к телефону.

Батюшка пригласил меня в храм Воскресения Словущего, где служил иереем.

«Приходи — сказал он. — Мы сделаем все, что нужно».

Никогда не забуду свой первый приход в этот храм. Это была родительская суббота! Все отвечало моему состоянию. И когда я увидела батюшку — золотоволосого, в черном облачении — первая мысль, кото-

рая меня пронзила, — касалась не того, что это мой старый знакомый, которого я давно не видела и который, скажем так, очень изменился — нет, первая мысль была очень ясная и сильная «если бы я в детстве, как бабушка, жила в Тамбове и у меня был такой батюшка — вся моя жизнь пошла бы по-другому!».

С этого мгновения и навсегда я относилась к батюшке как чадо к отцу, хотя до моего крещения оставался еще целый год. А ведь иерею Геннадию не было и сорока лет и мы были почти ровесники!

Должна сказать, что одна наша сокурсница буквально в тех же словах рассказала мне о своей первой встрече с отцом Геннадием после его рукоположения. «Когда я его увидела священником, — сказала она, — я поняла, что при таком духовнике в молодости у меня вся жизнь пошла бы по-другому!». Думаю, что сердце нас не обманывало.

Когда, вскоре после совершения надо мной Таинства Святого Крещения, мы с батюшкой беседовали о моей семье — он вдруг сказал: «Тебя привели в храм бабушка и дедушка». Я ничего не поняла — ведь я была крещена уже после их смерти!. «Ну, это красиво сказано, конечно, — подумала я, — но не более того».

Прошло девять лет. На Благовещение 1997 года не стало и батюшки. Те, кто тяжело пережил сорок дней после его кончины, помнят слова священника отца Артемия Владимирова на отпевании: «Духовные чада батюшки Геннадия потеряли в его лице сразу и мать и отца».

В ночь на сороковой день я почти не спала. Утром — Причастие Святых Таин, панихида, посещение дорогой могилы. А в ночь с сорокового на сорок первый день — неожиданный сон: веселая бабушка и ее сестра, наставляющие меня, как себя вести в конкретной жизненной ситуации. На следующий день

гостившая у нас моя троюродная сестра, ни о чем не подозревавшая, говорит: «Знаешь ли ты, что твоя бабушка Тоня хотела тебя крестить, когда тебе было 12 лет и ты тяжело болела? Она рассказала об этом моей бабушке (своей золовке) — и та ответила, что если такой обет не будет выполнен, то на тебя, Тоня, ляжет тяжкий грех!»

Тут же я вспомнила слова батюшки о том, кто привел меня в храм. Бабушку и дедушку он мог помнить еще с институтских времен. Много же было ему открыто, о чем мы не можем и догадываться...

Может быть, следует добавить, что день смерти дедушки совпал с днем, на который пришлось позже память прославленной через год святой Блаженной Ксении Петербургской, которая имеет благодать помогать умершим без покаяния и принятия Святых Таин.

СЛУЧАЙНОСТЕЙ НЕ БЫВАЕТ

Батюшка был глубоко убежден, что случайностей не бывает и часто повторял нам эту мысль. Поэтому хочется рассказать о некоторых якобы «случайностях», которые свидетельствуют о связи его с тем духовным миром, который был ему, может быть, роднее нашего повседневного и о котором он целомудренно молчал, лишь иногда в репликах проявляя свое видение.

Вскоре после второго обретения мощей святого Преподобного Серафима Саровского мы с батюшкой беседовали об этом великом подвижнике. Так как мои родственники по матери жили прежде в Тамбове и его окрестностях, то бабушкину сестру, а также племянницу водили в детстве пешком на могилу прославленного в начале века святого. Я слышала эти рассказы и относилась к нему, как к родному, так

что когда после крещения друзья подарили мне акафист Преподобному Серафиму, я восприняла это как должное.

«Я так мечтаю поехать в Дивеево!» — поделилась я с батюшкой своим заветным желанием. Был замечательный солнечный день, мы стояли на крылечке дома причта в тихом дворике храма Воскресения Словущего (это в центре шумящей Москвы). Батюшка ласково и как-то с прищуром улыбнулся, ничего не сказал.

Наступил 1992 год. Отца Геннадия назначили настоятелем храма Вознесения Господня (Малого), что на Большой Никитской.

Прошло какое-то время и я попала в Дивеево вместе с батюшкой и постоянными прихожанами нашего храма, причем мое присутствие казалось мне чистой случайностью, так неожиданно, в последний момент узнала я об отъезде автобуса от одной из прихожан. Оставив дома записку, что уезжаю на два дня, я помчалась поздно вечером к храму. Автобус был набит битком, кое-кто стоял, и все же поехали.

Мы должны были попасть в Арзамас и Дивеево к утру, но проплутали в дороге. Переезд, на который рассчитывал водитель автобуса, оказался закрыт и мы возвращались кружным путем. Стояла чудесная мягкая августовская погода, все дали и перелески были залиты солнцем, казалось — нас приветливо встречают эти места, тем удивительней было наше затянувшееся путешествие. В Арзамас мы прибыли только в середине дня, а затем уже в Дивеево.

На следующий день мне попала Дивеевская газета о перенесении мощей Преподобного. Каково же было мое удивление, когда я посмотрела на маршрут, которым переносили мощи святого из Москвы — мы проехали точно по этому пути! Удивленная, я показала газету батюшке. Он молча прочел ее.

Не буду говорить о том, что многие прихожане чувствовали связь нашего батюшки со святым Преподобным Серафимом — этому есть их свидетельства.

Хочу сказать только о «случайностях», которые происходят уже теперь, когда нет нашего батюшки.

В августе 1998 года (спустя более чем год после его преставления) мне пришлось впервые попасть в дом к родителям батюшки. Это посещение было незапланировано и связано с отъездом в Сибирь одной из его духовных чад, гостившей у его родителей. Нас было несколько человек, весьма смущенных тем, что мы обременим родителей батюшки своим визитом (все были у них впервые). Накануне поездки ко мне пришла подруга, знавшая о.Геннадия еще по институту, рассказала, что он ей приснился, подробно расспрашивал о детях (одна из ее дочерей поступала в этот момент в институт), а затем спросил обо мне и сказал: «Передай..., пусть придет». «Куда?» — задала я вопрос подруге. «Не знаю», — ответила она. Вечером последовало приглашение к родителям батюшки.

Наш визит оказался очень затянувшимся благодаря теплому приему, оказанному его родными. Батюшка, которого мы все вспоминали, казалось, был среди нас...

Через неделю приехала моя троюродная сестра. «Ты, наверное, очень удивишься — но я попала чудом в Дивеево!» — начала она рассказ. Ее поездка, действительно, была очень насыщенной и необыкновенной; она привезла оттуда воду из источника Преподобного и другие Дивеевские святыни. «Я там всех поминала и, конечно, батюшку», — сказала она.

День ее пребывания в Дивеево оказался тем самым воскресным днем, когда мы были в доме, где вырос батюшка и когда мы вспоминали его так живо...

ВЗЫСКАНИЕ ПОГИБШИХ

Нина Дмитриевна Морозова

Наша семья знала отца Геннадия Огрызкова, когда он еще не был иереем. Уже и тогда от него исходила какая-то необъяснимая душевная красота. Он не был, конечно, лишен внешней земной красоты, но душевная затмевала внешнюю!

Уже тогда наши взгляды тянулись к нему — от него веяло каким-то умиротворенным покоем. При исконно-русской богатырской фигуре — мягкая, несколько смущенная улыбка.

На церковные праздники мы часто собирались у моей сестры, жившей в Загорске (как тогда назывался Сергиев Посад). Обычно Гена Огрызков восседал рядом с игуменом Алексием (теперешним архимандритом, наместником Свято-Данилова монастыря). Уже тогда видна была между ними какая-то невидимая связь. А рядом с Геной — его жена Лена. Они тоже были схожи между собой — то ли мягкостью характера, то ли особым духовным настроением — и всегда были как одно целое.

Помню, за какую-то провинность батюшка Алексий наложил на Лену епитимью — весь Великий пост не есть совсем подсолнечного масла. Так Гена нес эту епитимью вместе с ней, добровольно.

Несмотря на мягкость характера Гены и его застенчивость, именно он был всегда душой нашего общества. И когда мы собирались за праздничным столом — забывалось все плохое, и тепло и радостно становилось на душе...

Жили мы тогда в Москве на Пушкинской улице: приходским нашим храмом была церковь Воскресения Словущего с чудотворной иконой Матери Божией “Взыскание погибших”. Жили в плохой комнате в “коммуналке”. Родилась вторая моя внучка —

Лена. Крестить было сложно — сообщали на работу родителям.

И вот в этот нелегкий период в храм Воскресения Словущего присылают нового священника — отца Геннадия. И мы с великой радостью узнаем в нем нашего дорогого Гену Огрызкова! Я срочно еду в Лавру к отцу Алексию за благословением: просить отца Геннадия, чтобы он крестил нашу Лену на дому и сам стал ее крестным отцом. Благословение получено, отец Геннадий согласился: и вот наша Леночка крещена, и у нее замечательный крестный отец.

А года за два до этого радостного события моя дочь Наташа и ее муж Саша начали молиться перед иконой “Взыскание погибших” о перемене квартиры. Лишние полметра площади не давали им возможности встать на учет, а значит — выехать из коммуналки. Куда только ни обращались — все безрезультатно из-за этого полуметра!

И вот заказывают они молебны, слезно просят помощи у Матери Божией. Молюсь с ними и я. А главное — молится за них теперь молодой иерей отец Геннадий.

А дальше — начинаются странные события... Приходит комиссия, осматривает дом. Дом ветхий, и его ставят на капитальный ремонт — но без выселения. Ребята мои убиты, как и все остальные жильцы. Ведь “без выселения” — означает, что в этой коммуналке придется жить всю оставшуюся жизнь, да еще с маленькими детьми!..

И тут Наташа и Саша замечают в углу своей комнаты какое-то пятнышко. На него и внимание-то обратить трудно, а в это время в других квартирах их дома вообще потолки валятся! Но, очевидно, Сама Мать Божия подсказала Наташе вызвать техника-смотрителя. И Наташа его вызывает. Техник-смотритель, женщина, даже не входя в комнату, сразу замахала руками: “Выселить, немедленно выселить!..”

Что ей там показала Мать Божия — в этом крошечном пятнышке, которое с порога и не разглядишь — неизвестно. Но дело закрутилось.

Конечно, дела такого рода никогда не делались у нас быстро. Справки, чиновники, смотровые ордера... Все мы были на нервах. Как вдруг Наташу вызывают за ордером. 18 февраля (ордер так и датирован этим числом!). Да ведь 18 февраля — это праздник Матери Божией “Взыскание погибших”!..

По милости своей Мать Божия даже дала нам знак, что молитвы перед ее иконой не остались бесплодными. И молитвы не только наши, а еще и молитвы иерея Геннадия Огрызкова...

Квартира оказалась превосходной и в хорошем месте — возле самых Борисовских прудов. Кругом яблоневые сады. А еще Мать Божия позаботилась о том, чтобы дача наша была недалеко от квартиры. И оказалось, что между квартирой и дачей — 20 минут езды по Каширке...

И вот, наконец, у нас новоселье! Освящал квартиру батюшка Алексей, а после, за столом, опять сидят рядом отец Алексей и отец (теперь уже!) Геннадий. А Дима Соколов — крестный отец моей старшей внучки Машеньки и “однокашник” батюшки Геннадия — нарисовал на всех стенах святым маслом кресты, необходимые для освящения жилища.

Отец Алексей и отец Геннадий сидят рядом за столом и поют. Как же замечательно они поют! Соседи наши были ошарашены — ведь пели они духовные песни! И все соседи высыпали в коридор — так хотелось им посмотреть на этих странных певцов. А когда батюшки выходили от нас и все увидели монашеское одеяние отца Алексия — соседи были просто шокированы! Такое было время...

С той поры и стали соседи наши считать нас за чужаков — ведь все они были неверующими. И даже когда рядом с нашим новым домом открыли храм,

никто из нашего дома так и не начал в него ходить, хотя по воскресеньям храм обычно бывает полон молящихся. Так мы и живем до сих пор в окружении неверующих соседей. Наверное, по нашим грехам.

...Вскоре после нашего новоселья в храме Воскресения Словущего открылась воскресная школа, одна из первых в Москве. И батюшка Геннадий устроил туда моих внучек, еще маленьких. Как там было радостно, какое необычное общение между детьми! А нас с внучками даже сфотографировали для журнала "Вестник"...

Через год или полтора воскресную школу перевели в храм Вознесения Господня у Никитских ворот (где венчался Пушкин), и мы стали реже видеться с отцом Геннадием, хотя свой старый храм продолжали посещать. Но вскоре и самого батюшки Геннадия там не стало — его назначили настоятелем в церковь Вознесения Господня (Малого), что на Большой Никитской. Конечно, за ним потянулись его духовные чада, да и просто знакомые, любившие любвеобильного пастыря.

В это же самое время батюшку Алексея перевели из Лавры в Данилов монастырь наместником. А мои дети занялись коммерцией. За недостатком времени они уже не ездили к отцу Геннадию, да и к отцу Алексию стали ездить реже. Но к праздникам они не забывали снабжать Данилов монастырь цветами, а дочь передавала через меня суммы денег отцу Геннадию на восстановление храма. И он несколько раз говорил мне: "Как бы я хотел видеть Наташу и Сашу!"

Перед летними каникулами 1996 года я попросила отца Геннадия: "Батюшка, благословите со следующего учебного года водить внучек в вашу воскресную школу!" (у него в храме уже года два-три работала воскресная школа). Он даже как-то обрадовался и благословил.

Но человек предполагает, а Бог располагает... Сразу после приезда с дачи я заболела гриппом. Потом

началось осложнение — мерцательная аритмия, болезнь отца Геннадия. Потом я сломала ногу, долго выздоравливала, а потом — еще дважды эту же ногу повреждала. Так пролетела зима. А в светлый праздник Благовещения нас поразило скорбное известие о его смерти...

Мне было стыдно и горько: Господь послал нам в близкую духовную родню такое чудо как отец Геннадий, а мы толком даже не смогли с ним подружиться...

Из-за больной ноги я даже не смогла попасть на отпевание любимого нашего батюшки, а Наташа и Саша поехали, но из-за великого множества народа не смогли войти в ограду храма. Ведь одних только священников со всей России съехалось проститься с отцом Геннадием не то семьдесят, не то сто человек...

ВСПОМИНАЮТ СВЯЩЕННИКИ

ЧИСТЫЙ ЧЕЛОВЕК

Архимандрит Алексей (Поликарпов)

Отца Геннадия я помню с того момента, когда он подошел ко мне в Троице-Сергиевой Лавре и сказал, что он и есть тот самый Геннадий, о котором мне говорили. Тогда было принято, да принято и сейчас, что духовника люди находят обычно через друзей: одни друзья говорят другим, те — третьим, и вот так выстраивается эта цепочка узнавания...

Он пришел в Лавру — мне помнится, это было зимой — и ночью остался на исповедь. Весь его облик — такого большого, красивого и чистого человека — говорил о том, что сердце его горит любовью к Богу. Он пришел в Церковь с полным осознанием своего поступка, с большим желанием.

Постепенно он стал приобретать духовный опыт, а чуть позже привез в Лавру и свою жену, Лену. Потом они стали ездить в Лавру с детьми. Младшему, Паше, было тогда три года. И вот отец Геннадий стал ездить на исповедь регулярно, довольно часто. К исповеди он относился очень серьезно, воспринимал ее как большое и важное дело; впрочем, не только он один, — так они расценивали исповедь вместе с женой.

Иногда, особенно в воскресные дни, народу на исповедь бывало очень много; для того, чтобы переговорить минут пять — десять, приходилось ждать долгие часы, — отец Геннадий ждал всегда очень терпеливо. И теперь, подводя итог его жизни и видя, в

какого он вырос замечательного духовника, мы можем сказать, что плод он получил сообразный своему терпению. Как говорят старцы, кто долго ждет — тот получает настоящий плод от беседы.

Детки, конечно, были маленькими, капризничали, у них не было тогда терпения отца Геннадия. Даже Паша, который сегодня выглядит таким огромным и сильным, тогда был маленьким и робким мальчиком, много пугался. Один иеромонах, проходя мимо и видя, как он капризничает, сказал: “Вот я тебя сейчас в рукав посажу!” Паша испугался и заплакал...

Но вот эти-то поездки, которые отец Геннадий предпринимал из любви к Богу, из любви к Преподобному Сергию, постепенно привели его к мысли, что теперь он должен служить Церкви безраздельно, оставив свои мирские занятия.

Я хочу подчеркнуть, что у него никогда не было разочарования в своей профессии архитектора. Наоборот, он любил ее и понимал; он вообще в душе был художник, видел красоту мира, умел восторгаться этой красотой... Нет, он не разочаровался, он просто оставил свое мирское служение ради служения высшего, служения Богу. И он решил пойти в семинарию, в священники, решил на подвиг. Действительно, в его положении это был подвиг — имея семью, имея маленьких детей, родителей, которые поначалу были не очень согласны на такой его шаг. Нет, потом-то и они воцерковились и поняли, что сын их стал большим и нужным очень многим людям человеком, а поначалу, когда я беседовал с его мамой, Лидией Павловной, она сетовала, что Генины друзья ведь не идут в священники, а вот он собрался. Она и не знала, что кое-кто из друзей его сына, может быть, очень хотел бы служить Богу в священном сане, да обстоятельства... обстоятельства не позволяют.

А вот отцу Геннадию Господь привел быть в священстве. Годы семинарии были годами и легкими и

трудными. Легкими, потому что студенческие годы всегда и живы, и интересны. Трудными, потому что он был уже не молод, обременен семьей и после занятий торопился скорей домой — к детям, к жене...

Вот так постепенно, день за днем, год за годом отец Геннадий познавал богословие, впитывал его — впитывал не только умственно, но и сердечно, что гораздо важнее. Познавал, что это такое — служить Богу, служить людям; что это такое — быть пастырем.

Пришло время, его рукоположили, он начал служить в Москве. Но, уже будучи пастырем, он был очень смиренным, часто смущался, чувствовал себя как бы виноватым перед людьми, говорил: “Ах, я, недостойный!..” И вот это смущение его, это искреннее смирение еще более привлекали к нему людей. Потому что людей привлекает все настоящее, подлинное. А терпение и смирение у отца Геннадия были настоящими, хочется это подчеркнуть.

Да, он был человеком талантливым, одаренным, но никогда это не показывал, наоборот, старался скрыть, искренне считая себя “рабом неключимым”.

Уже будучи священником, приходя на исповедь, он испытывал, действительно, подлинное глубокое покаяние: поставлял себя пред Богом, видел свои грехи и искренне каялся в них, был сокрушенным.

Ну а пастырский облик его мы видим: это облик служения людям, служения ближним. Он целиком отдавал себя храму, у него было много забот; он в них погружался, стараясь утешить всех и каждого. Случалось, конечно, что он забывал о чем-то и тогда сердечно сокрушался: “Вот этого я не сделал и об этом забыл...” Но намерения его при этом были самыми добрыми, а ведь Господь смотрит не только на дела, но и на все намерения человека...

И вот это его улыбающееся, светящееся лицо осталось навсегда в нашей памяти и сегодня нам его очень недостает...

Он очень любил путешествовать, любил рассказывать о своих путешествиях. Иногда, возвратившись из очередной поездки, он говорил: “Батюшка, а вот если бы нам вместе поехать!” И он так умел рассказать о тех местах, где бывал, что, действительно, поехать с ним очень хотелось. А эта его последняя поездка в Константиново, — он так рассказывал о ней, что с той поры и у меня есть желание съездить в Константиново и увидеть то, что увидел там отец Геннадий...

Что еще сказать о нем? Он был замечательным человеком. Вот и его семья... Сказать, что семья идеальная — да нет, идеальных семей, я думаю, вообще не бывает — семья была тоже и продолжением, и отображением отца Геннадия. Как и этот дом, и этот тенистый сад. К отцу Геннадию можно было приехать в любое время, и он всегда был рад любому человеку. Его дом встречал любого гостя с любовью — встречал, встречает и, кажется, будет встречать.

Невозможно представить, что он кого-то мог не принять, кого-то отправить обратно, что кто-нибудь мог быть ему неинтересен. О любом человеке он говорил: “Господи помилуй, русская душа!..” Я помню, мы были с ним вместе на Азове, под Бердянском, шли по улице. Навстречу попался мужичок, отец Геннадий поздоровался с ним очень приветливо, как с самым лучшим другом. Я поинтересовался: “Отец Геннадий, ты его знаешь?” “Да нет, но русская душа!” “А вон того ты знаешь?” “Ну, может и не знаю, но он тоже человек хороший...” Для него так и было: каждый человек был хорошим; он умел увидеть в нем красоту.

И не только в людях он видел красоту, но и в каком-нибудь сломанном дереве. Он его рисовал — и тебе хотелось пойти и посмотреть на это дерево. А кладбище кораблей, куда он любил ходить — тоже ведь романтика! Идет, рассказывает нам что-то, здороваются с каждым прохожим. С каждым челове-

ком он был ласков, добр, внимателен, все у него друзья.

И друзья любили его. Один из них говорил мне: “Я многих терял в жизни, самых близких людей терял. Но эта потеря — невозполнимая, особая. Конечно, нет отчаяния, нет безнадежности, но, вместе с тем, и нет человека — столь дорогого и любимого...”

Да, мы скорбим об этой разлуке, но надеемся, что путь отца Геннадия продолжат его сыновья. Один уже пошел по его стопам, учится в Академии, а другой, мы верим, тоже встанет на этот путь.

* * *

Когда мы приехали в Малое Вознесение на отпевание отца Геннадия, ко мне подходили многие прихожане храма, духовные чада отца Геннадия. “Батюшка, мы сироты!.. Батюшка, мы осиротели!..” — так говорил каждый из них. Но чувство сиротства рождается только тогда, когда ты теряешь по-настоящему близкого человека. И эти люди, ощущавшие себя сиротами, конечно же, имели такого близкого человека. Настоящего духовного отца...

У отца Геннадия было особое видение мира. Мало того, что он был художник и умел во всем увидеть красоту. Но он имел еще тот редкий дар, когда не только в каждой вещи, но, главное, в каждом человеке, ты подмечаешь хорошее, доброе, светлое. В Евангелии сказано так: “Если око твое чисто, то и все твое тело чисто будет”. То есть чистый взгляд на мир — свидетельство чистоты сердца и одновременно — путь к очищению своей души.

Умение видеть красоту было в нем очень сильно. В Бердянске, где у отца Геннадия была небольшая хижина и куда он приезжал отдохнуть каждое лето, он рисовал не только море, или деревья, или небо, — один и тот же разваленный сарай мог занимать его внимание каждый год. И каждый год заново он находил в нем какие-то неведомые остальным красоты...

Но особенно это умение видеть добро в каждом распространялось на людей. Оттого и люди платили ему ответной любовью. Идя по Бердянску, он то и дело здоровался, часто — совсем с незнакомыми. Встретит какого-нибудь пьяницу, остановится, поговорит, а, расставаясь, скажет: “Эх, русская душа!..” В эти слова он вкладывал многое: не просто хороший человек, а шире и глубже — и добрый, и несчастный, и терпеливый... В общем — русская душа...

Вот этим-то своим теплом он так согревал людей, что они тянулись к нему, часто даже неосознанно.

Большое видится на расстоянии, говорят. Это правда. Пример жизни отца Геннадия — подтверждение этим словам. Его великое сердце мы тоже увидим не сразу. Мы будем понимать его постепенно. И чем дальше мы будем отходить от него живого, тем больше мы будем осознавать его редкое сердце, которое вмещало всех, приходящих к нему за поддержкой и помощью. И потому — не выдержало...

Отец Геннадий, говоря словами апостола, был всем для всех, чтобы спасти некоторых.

Но удивительно и другое: этот необычайный человек прошел совершенно обыкновенный путь верующего нашего времени. В церковь пришел через книгу отца Александра Ельчанинова, потом поступил в семинарию, стал священником. Впрочем, в отличие от большинства из нас, он прошел этот путь, не останавливаясь на полдороге, до конца. Он вообще был верным человеком во всем, оттого был цельным и простым.

И привычки его были привычками простого человека. Например, вставал он всегда рано, как бы поздно ни лег, как бы ни устал накануне. А встав, сразу шел заниматься делом. Любил он и ходить “по неведомым местам”. В том же Бердянске есть кладбище кораблей. Собственно, их там всего несколько, да и на самом деле это, скорее, просто катера. Но с каким увлечением рассказывал о них отец Генна-

дий! С каким интересом ходил туда сам и водил нас, своих гостей...!

И все-таки, что бы мы о нем ни вспоминали, мысль будет возвращаться к главному: он был пастырем. Именно добрым евангельским пастырем. Сердцем своим он понял, прозрел, что нынче люди нуждаются прежде всего — в утешении. Не в обличении, не в поучении, не во вразумлении, — в утешении. И вот именно это утешение было его главным делом. Сначала он утешал, согревал, покрывал человека своей любовью, а уж потом и научал, и наставлял, и направлял его. И даже обличал, если это было нужно. Но и обличение, растворенное любовью, действовало на человека не как режущий нож, а как врачующий елей...

И вот этим своим качеством он напоминает, наверное, отца Алексия Мечева. И вообще, кажется, что среди московских приходских священников сегодня отец Геннадий Огрызков стал одним из самых ярких, светлых и бесспорных явлений...

ВИДЕТЬ КРАСОТУ

Священник Алексей Грачев

...Думаю об отце Геннадии, и, прежде всего, вспоминается его обращение при встрече: «Братцы мои дорогие!..» Такими словами он встречал своих братьев-священников, да, думаю, и не только их, а всех близких своих друзей. А близких у него было так много, что, наверное, нельзя и сосчитать...

Мне не так часто приходилось сослужить отцу Геннадию, но одну его особенность я давно знал, и привык к ней. Да, наверное, не только я, но и другие друзья-священники. Особенность эта состояла в том, что главное для отца Геннадия была исповедь. То есть, не исповедь, конечно, как процесс сам по себе, а

исповедь как облегчение сотен и тысяч душ человеческих, исповедь, как реальная и зримая помощь его — священника, батюшки — своим грешным и слабым чадам духовным. И ради этой помощи, ради их облегчения он жертвовал всем.

Исповедовать он, как правило, начинал задолго до начала службы. Но вот мы, сослужащие ему, начинаем Часы. Кончились Часы, третий и шестой, начинается литургия. Отец Геннадий исповедует, не сходя со своего места, не прерываясь. Подходит Херувимская. Обычно уж на Херувимской-то любой настоятель с исповеди приходит в алтарь. Мы переглядываемся — где отец Геннадий? Он так и не появился — выслушивает чьи-то беды, скорби, и сам скорбит с кем-то о его грехах...

Потому что о грехах своих бесчисленных духовных чад он именно скорбел, переживая чужую боль как свою. Да и нельзя так сказать — «чужая боль», потому что для него любая боль была его болью.

И вот эта его бесконечная отзывчивость придавала особые черты его священническому облику. На приходе своем он был, конечно, настоящим отцом. Но этого мало. Он был не только отцом, он был любящей матерью для своих духовных детей. Именно матерью, готовой всегда жизнь свою за своих чад положить. Впрочем, теперь все увидели, что он не только готов был это сделать — он это сделал. Положил жизнь за други своя...

Вообще, к жизни своей он относился не то чтобы небрежно, — нет, так сказать нельзя, потому что жизнь он любил и умел наслаждаться ею. Но за жизнь он никогда не цеплялся. Невозможно представить отца Геннадия, бегающего утром трусцой «ради здоровья». Совершенно невозможно. В жизнь он бросился как отважный пловец в море житейское. Бросился, чтобы плыть, бороться с волнами, чтобы достичь берега. И вот — он его достиг...

Вообще, он умел видеть в жизни красоту. А ведь это очень редкое качество сегодня, когда все наши

взгляды, все помыслы наши устроены так, чтобы прежде всего подмечать и видеть что-то другое. Видеть красоту в жизни — это великий дар Божий, и он этим даром обладал. Красоту он видел во всем — в природе, которую любил как художник. В людях, которых любил как человек, как пастырь. В любом человеке прежде всего он подмечал доброе, а зла как будто вовсе не умел увидеть. Пусть каждый проверит себя — так ли это легко, видеть в людях хорошее? А он так жил, и жить так для него было естественно, как дышать...

Потому-то, наверное, от этого чувства любви и уважения у другому человеку, от отца Геннадия невозможно было услышать какого-то нецеломудренного, легкого, унижающего хоть кого-нибудь слова. Вот это-то внутреннее целомудрие и свидетельствовало лучше всего о благородстве его души. «Русская душа!» — говорил он о человеке. И в этих словах было все — и любовь, и всепрощение, и готовность за эту русскую душу принять на себя страдания крестные...

Еще добавлю. Как художник, архитектор отец Геннадий очень любил Псковскую архитектуру — древнюю, строгую. И мне всегда казалось, что он с ней, этой архитектурой, удивительно как-то сочетался. Внешне он вообще вышел как бы из другого века. Ведь род Огрызковых происходит, кажется, еще от стрельцов. Вот там, где-нибудь в семнадцатом веке, я представляю отца Геннадия очень хорошо.

Впрочем, я верю, что он не только в любом веке, но и в вечности будет на своем месте...

ОН БЫЛ РОДНЫМ

Игумен Мелхиседек (Артюхин)

С Божией помощью хочу рассказать несколько слов о моем приснопамятном друге и отце, протоиерее Геннадии. Познакомились мы с

ним примерно в 1982 году, когда я нес послушание пономаря и алтарника в Преображенском храме села Богородского, где хранится чудотворная икона Божией Матери Тихвинская.

И вот как-то летом к нам пришел будущий отец Геннадий, а тогда еще — светский человек Геннадий Огрызков. И настоятель нашего храма попросил меня помочь ему разобрать Третий и Шестой час, которые читаются перед литургией.

Что меня поразило в нем уже в первую встречу? Прежде всего, само появление такого молодого русского богатыря в церкви в то время было случаем незаурядным. Но еще больше поражала совершенно неподдельная его кротость и смирение. Делая ошибки при чтении церковнославянского текста, он так потом извинялся, так просил потерпеть его невежество, что это не могло не запомниться...

Потом я ушел в армию, а придя в отпуск — услышал, что отец Геннадий уже учится в семинарии. Это был серьезный поступок. Ведь если бы он поступал, но не поступил, или если бы учился, но потом ушел оттуда — «волчий билет» на всю жизнь был бы ему обеспечен. Значит, человек решился на все, человек решил служить Богу, невзирая на последствия.

Впоследствии, когда я уже был насельником Оптиной пустыни, я часто видел там отца Геннадия. Он приезжал, чтобы помолиться, причаститься, припасть к дорогим могилам оптинских старцев, которых глубоко чтил всю свою жизнь. Поклонение православным святыням вообще было для него духовной потребностью.

Когда он приезжал в Оптину, нам приходилось достаточно долго беседовать. И поражало опять — при его богатырской комплекции, при его громадном авторитете среди людей — это смиреннейшее желание поставить себя всегда на последнее место. И в любом разговоре — отдать последнее, главное суждение другому человеку.

И это великое умение — поставить себя ниже другого и смотреть на него снизу. Потому что, когда мы смотрим на ближнего сверху — нам почти невозможно (за нашей самостью) разглядеть его нужду, его боль, его душу. Умение стать совершенно таким же, совершенно родным другому человеку отличало отца Геннадия всегда.

И еще его отличительное качество — «страннолюбие Авраамово», гостеприимство. Впоследствии, когда я бывал в Москве, мне часто доводилось посещать его храм и заезжать к нему домой. Иногда после службы мы вместе ехали к ним в Ухтомку. И он совершенно возрождался — как будто не было позади этого бесконечного дня, этого бесчисленного числа исповедников с их скорбями и неудачами (потому что мы редко несем нашим духовникам радости!)

Но сердце его, конечно, не могло не болеть — ведь это сердце вмещало в себя столько чужой боли, это сердце было таким отзывчивым на чужую беду. Да, собственно, для него и не было чужой беды и боли — все это становилось его собственным. Ведь именно этот подвиг — подвиг любви и подвиг принятия в свое сердце других судеб (и очень многих судеб) — и был главным содержанием жизни отца Геннадия. И при этой отзывчивости на чужую боль в нем всегда жили крепкая вера и несомненное упование на Бога. Он был убежден сам и умел убедить другого, что Господь, несмотря на все скорби, в конце концов устроит все наилучшим образом, устроит все обстоятельства — к нашему спасению...

И вот это радушие, эта глубина, эта отзывчивость притягивали к нему на только мирян, но и священников, которым (как людям) тоже не хватает душевного общения, полного взаимопонимания, сердечной теплоты. Родственности вообще всем нам не хватает в жизни, мало ее. А он был родным для каждого, с кем сводил его на его пути Господь.

Но это не значит, что он мог быть в чем-то неискренним человеком. Наоборот, его искренность была

абсолютной. Если с чем-то в твоих речах он был несогласен — он выражал это несогласие деликатно, но прямо. Никогда он не мог поступиться Истиной ради удовольствия общения.

Отец Геннадий ушел от нас, но оставил нам свой светлый образ. И теперь мы молим, чтобы Господь вселил его в селениях праведных и даровал бы спасение и упокоение его смиренной, его братолюбивой, его любвеобильной, его простой душе, которая уподобляла его тем самым евангельским детям, «каковых есть Царствие небесное». Аминь.

ПРЕИМУЩЕСТВО СВЯЩЕННИКА

Священник Сергей Николаев

Невозможно представить отца Геннадия праздным. Он всегда занимался делом, с раннего утра до поздней ночи. А дел у него хватало. Одни только священнические требы занимали, на-верное, полжизни.

Когда думаешь сейчас: а какое качество было у него главным, определяющим, то, почему-то, приходит на ум слово «бесконфликтность». Действительно, он был настолько гармоничен, что никакой конфликт как бы не входил в его мир, не возмущал его. И это при том, что каждая исповедь сваливалась на него горами слез, ссор, обид, взаимной нелюбви! Уж он-то, казалось бы, узнав так много плохого о человеке, должен смотреть на мир не через розовые очки! А он и не смотрел через розовые очки. Любые иллюзии, любая экзальтация была чужда его здоровой душе. Просто за шелухой повседневного сора он видел мир в его существе, в его чистоте. Той первоначальной чистоте, которая была при начале творения... И не только мир природы, но и мир человека.

Оттого и все его пейзажи совершенно бесконфликтны. Ведь он рисовал просто прекрасный Божий

мир. Если слово «просто» подходит к столь невозможному, к столь трудному занятию.

Вот и в церкви, где он был настоятелем, у него была одна главная цель — сохранение мира. А ведь это — самое трудное в любом человеческом общении.

Мы, люди, так или иначе, но любим обсуждать других, пересуживать, осуждать. Отец Геннадий поглощал все. Он был сделан как будто из ваты, и все наши острые углы, все наши колючки и камни, как-то терялись и успокаивались в нем... Одна прихожанка сказала о нем: «Он нас смирял своим смирением». Это точно сказано, очень точно.

...Я хотел бы рассказать один случай, связанный с его отношением к священству. Не к своему только священству, но вообще — священству как таинству.

Как-то раз, вскоре после своего рукоположения во священники, я в очередной раз приехал к нему. Не помню, о чем шел разговор, но я, выражая какие-то свои тяжелые переживания, сказал: «А у меня такое чувство, что я не спасусь». Отец Геннадий не просто удивился моим словам, он как-то даже возмутился: «Как ты можешь так говорить? Ведь ты же священник!..»

Я, в свою очередь, опешил от его слов и замолчал. Что же получается? Неужели он считает, что мы спасемся только потому, что мы — священники? Неужели уверен в своем спасении и не боится Суда? Этот вопрос так меня занимал, что я буквально мучился им. И когда мы снова встретились какое-то время спустя, я, наконец, смог задать ему вопрос, который не давал мне покоя: «Отец Геннадий, а священник на Суде имеет какое-то преимущество?» И он убежденно и твердо ответил мне: «Никакого!».

И все встало для меня на свои места. Я понял, что он хотел сказать мне в прошлый раз. Я священник, и, значит, я теперь уже не имею право на безнадежность, уныние, отчаяние. Я священник и, значит, на

мне лежит сугубая ответственность и сугубый долг. И единственное мое «преимущество» на Суде состоит в том, что с меня спросится гораздо больше и гораздо строже...

Он был человеком, талантливым во всем. И это привлекало к нему многих, меня в том числе. По годам он был старше меня немного, но духовно, человечески я всегда ощущал его больший опыт. Я любил у него бывать. В то время, когда я становился как верующий, не всегда имелась возможность быстро добраться до своего духовника. А до отца Геннадия — почти всегда. И у него я мог получить совершенно верный, совершенно православный ответ на любой свой вопрос. Мало того, он как бы подлечивал любую душу уже самим фактом своего существования.

Вспоминаю еще: как-то раз мы с ним ездили за грибами. В машине было четыре человека, я за рулем. Недавно прошел дождь, и я заехал нечаянно в какую-то большую грязь — и там застрял. И тогда отец Геннадий вышел из машины, подошел к заднему бамперу, взялся за него, как мне тогда показалось, одним пальцем — и машина оказалась на сухом месте. При этом он зашел в грязь в каких-то легких летних ботинках, но даже этого не заметил. И в этом тоже был отец Геннадий — мне кажется, весь...

Он был простым, большим — и очень органичным человеком.

НЕБЕСНЫЙ ДОМ

Игумен Евграф (Меметов)

Отец Геннадий много строил — храм восстанавливал, а до того был архитектором... Не все он успел достроить до конца. Но это здесь, на земле. А там, на Небе, мне кажется, он уже достроил свой дом. Потому что тот, кто богатеет здесь в Бога, по евангельскому слову, тот создает себе небесный

дом. А на Небе все строится гораздо быстрее, чем на земле.

И когда небесный дом отца Геннадия был достроен — Господь призвал его жить в этот дом. Потому что, если дом готов, в нем должен быть хозяин. Конечно, отец Геннадий мог бы здесь, на земле, помочь еще очень многим людям, но он уже созрел для Царствия Небесного, а мы знаем, что это самое главное...

Духовных чад у него было небывало много. И когда сегодня спрашивают: как они теперь будут идти по жизни без него, хочется ответить словами одного прихожанина: «Отец Геннадий зажег в нас свечечки, а уж нам их теперь нести по жизни...» И конечно, отец Геннадий молится теперь за всех нас, потому что... Потому что такова природа Любви.

РУССКИЙ БАТЮШКА

Иеромонах Иннокентий (Ольховой)

Я крестился во время своей службы в армии. Первым батюшкой, с которым я встретился, был отец Артемий Владимиров. Своим добрым отношением он меня совершенно покорила. Его тогда недавно рукоположили, паствы у него было сравнительно немного, и он мог уделять каждому достаточно времени и внимания. Мы, например, часто бывали у него дома.

А потом получилось так, что жена моя стала ходить к отцу Геннадию, а я исповедовался у отца Артемия. А иногда мы вместе шли то к одному, то к другому, в зависимости от обстоятельств. Постепенно получилось, что оба мы начали ходить на исповедь к отцу Геннадию. Ну, ходили и ходили, но никакого окончательного решения не принимали. Впрочем, скоро случилось так, что решение это было принято почти помимо нашей воли.

Как-то раз мы пришли в храм с необходимостью срочно разрешить какой-то вопрос. Но отца Генна-

дия в тот день не оказалось. Зато был отец Артемий. По старой памяти я подошел к нему и задал свой вопрос, прося его совета. На что отец Артемий деликатно, но вполне определенно сказал: «А вы, кажется, ходите на исповедь к отцу Геннадию?..»

И этими немногими словами он сразу дал мне понять, что у человека может быть только один духовник...

В конце восьмидесятых я закончил службу в армии, и встал вопрос, что же делать дальше. В это время я серьезно изучал итальянский язык, и отец Геннадий попробовал устроить меня в издательский отдел Патриархии. Но итальянский язык был как-то не очень нужен. И тогда меня благословили быть иподиаконом у владыки Питирима. В один из зимних праздников, кажется, на святителя Спиридона, меня ввели в алтарь, надели стихарь, дали в руки рипиду, — и я стал иподиаконом. А чуть позже Владыка взял меня на работу в издательский отдел, в английскую редакцию.

Очень скоро отец Геннадий стал для нас совершенно непререкаемым авторитетом. И когда внезапно заболела наша младшая дочь — первой нашей мыслью было просить совета у отца Геннадия.

Я поехал к нему домой. Долго плутал по Ухтомке, наконец, нашел нужный адрес. Но в доме было темно и пустынно. На стук мой выбежал Паша, тогда еще маленький мальчик. Он открыл мне, мы зашли в дом. Чуть позже пришла матушка. Она предложила мне прочесть канон Ангелу хранителю, потом что-то еще. Мы стояли и молились, и я думал о том, какие серьезные здесь люди, какие молитвенники.

Наконец, пришел отец Геннадий, и молитвенная атмосфера как-то немножко разрядилась. Он посадил меня пить чай — и тогда я узнал, что такое «пить чай» у отца Геннадия, когда стол стал буквально уставляться всевозможными закусками и закусточками, приготовленными матушкой...

И вот такое общение вне храма, домашнее общение со своим духовником было для меня своеобразным открытием. Во-первых, я увидел, каким простым человеком может быть священник. Во-вторых, я увидел человека, который даже в самом обыденном быту, каждой минутой своей жизни свидетельствовал о Православии. Идя по улице, сидя за столом — в общем, в любой ситуации он был прежде всего русским батюшкой. Крепким, могучим и в то же время — необыкновенно добрым и мягким. Недавно о ком-то я прочел слова, которые вполне приложимы к отцу Геннадию: «Входя к нему в дом, каждый чувствовал, что здесь его любят больше всех...»

Общение с отцом Геннадием было для меня серьезной школой, даже открытием. Ведь не имея серьезных церковных корней, очень трудно человеку, пришедшему к вере, соединить в себе самую веру, Церковь — и обычную жизнь. После того, как ты в очередной раз выходишь из храма, встает вопрос: «Ну, а дальше что? А жить-то теперь как?..» А он был поразительным примером того, как в любой ситуации можно быть, прежде всего, христианином, — и в то же время оставаться человеком.

Помню, как-то раз мы приехали к отцу Геннадию с большой компанией. Причем компания была весьма специфическая — московские хиппи. И что же? Нам накрыли стол в саду, откуда-то появился огромный арбуз, завязался душевный разговор. И сердца наши буквально оттаяли. Мы вдруг увидели, что Православие — это не только и не столько правила поведения или духовные книги. Это — вся полнота жизни, исполненной добра, света, любви.

Как-то однажды мы с женой пришли на службу, причастились, а потом еще хотели с ним побеседовать. Но он был занят, и у нас образовалась пауза. Надо бы пообедать, да денег нет. Мы решили: подойдем к батюшке, может, у него найдется рубль-два (по

тем временам нормальные деньги). Отец Геннадий как раз давал крест. Я подошел и говорю: «Батюшка, надо бы поесть, а денег нет...» Он тут же воскликнул: «Конечно, конечно, как же я забыл...» То есть он тут же признал, что кормить нас — входит в его прямые обязанности... И вытащил 50 руб. Огромные деньги по тем временам, половина зарплаты. И говорит: «У меня других нет, вы идите, покупайте...»

Мы поели, я принес ему то, что осталось. А случай запомнился. Запомнилась его готовность брать на себя все попечение о нас.

Потом в моей жизни наступил нелегкий период. Обстоятельства сложились так, что надо было избрать какой-то путь. Я долго стоял на перепутье, не мог решиться на что-то определенное. И однажды отец Геннадий сказал мне фразу, которая в тот момент была мне не очень понятна: «Вот когда ты сам выберешь для себя, на какой ты находишься стороне — тогда все в твоей жизни станет просто и ясно». Я даже удивился: мне казалось, что я давно уже выбрал — выбрал Церковь и церковную жизнь. Но оказалось, он говорил о другом.

И позже, когда я выбрал монашество, я пережил то, о чем говорил отец Геннадий: как будто пелена спала с глаз и все стало просто и ясно. А отец Геннадий тем временем мягко и незаметно передал меня «с рук на руки» своему духовнику, который с тех пор стал моим духовником...

У меня был долгий и счастливый период, когда я жил рядом с отцом Геннадием, снимая комнату. По утрам ко мне стучалась матушка и говорила: «Гена, иди завтракать!» Жили мы буквально одной семьей. Я был батюшкиным водителем, везде его возил — в храм, на требы, по делам, в гости — и постоянно был рядом с ним. Я вспоминаю этот период, как какое-то счастливое духовное детство. Все было просто и доступно, любой вопрос разрешался немедленно.

Ну и, конечно, великим утешением были бани с отцом Геннадием. К бане готовились загодя. Старались этот день освободить ото всего, чтобы можно было помолиться, почитать книги, а вечером — в баню... И в парной отец Геннадий был таким же широким человеком, каким был он во всем остальном.

Вспоминаю случай, меня потрясший. Был у нас в храме сторож, а у него была жена и маленький ребенок. Ребята были молодые, из той среды, которую называют «неблагополучные». Ходили к отцу Геннадию на исповедь, но очень близкими не были.

И вот однажды, когда мы собирались уезжать по какому-то делу, вдруг приходит этот сторож, и сообщает, что жена собралась ехать в Питер на машине со своими друзьями. Поездки такие были у нее в обычае, но в этот раз отец Геннадий как-то заволновался. И сказал: «Поедем к ней!» Я возразил, что нас уже ждут в другом месте, по важному делу. Но он возражений не слушал.

Мы поехали, я остался в машине, а отец Геннадий ушел поговорить. Его не было час. Я сидел и недоумевал: почему он придает всему этому такое значение? Да к тому же, срочное дело ждет!..

Но вот он вышел, устало сел в машину и сказал: «Ну, тут уж только руками развести...»

Она все-таки поехала и — разбилась насмерть. Одна из всей большой компании, остальные, кажется, даже не пострадали.

Тут и для меня открылась его настойчивость. Он до последней минуты боролся за эту душу, старался использовать любую возможность, чтобы спасти совсем молодого человека «от напрасной смерти». И отступил только тогда, когда понял, что на это спасение нет воли Божией...

Я не могу утверждать, что это была прозорливость. Но, конечно, отцу Геннадию, как духовнику, любящему своих чад, Господь открывал по его молитве многое о них, о их жизни.

И еще: очень многие люди, говоря от отца Геннадия, подчеркивали такое его качество как смирение. Но сказать о ком-то: «Он смиренный человек» — это очень много. Можно быть добрым, незлобивым, деликатным. Но быть смиренным — это огромный труд и настоящий христианский подвиг. Ведь именно смириться для большинства из нас — самое нелегкое. И ладно еще, если ты в чем-то неправ. А если ты очевидно, абсолютно прав, а тебя обижают заведомо несправедливо? Как тут смириться?..

Так вот отец Геннадий смирялся всегда. Не различая, прав он или неправ. Даже никогда не желая в этом разбираться. Просто всегда он смирялся первым. И это — один из самых больших уроков, который он нам дал.

А еще один урок — отношение к своему духовнику. Перед духовником он, уже будучи настоятелем храма, окормляющим сотни душ, становился буквально ребенком, советуемым о любой мелочи. Но именно эта безусловная, детская вера своему духовному руководителю стала залогом его спасения...

Много можно говорить о смирении отца Геннадия.

Был такой случай: мы приехали в храм на службу, приехали рано. А в то время в храме были проблемы с уборщицами — никак они не могли поделить, кому и когда убирать храм.

И вот мы входим — а храм не убран. И никого нет. Конечно, отец Геннадий, как настоятель, мог призвать виновных к ответу и так далее... Но он только сказал: «Слушай, храм-то грязный!..» И тут же нашел тряпку, набрал ведро воды и начал мыть пол. Я сразу присоединился. Позже подошел еще кто-то. Мы едва убедили его бросить тряпку и идти готовиться к службе. Но главное, что и в этом поступке не было для него ничего неестественного, специального. Просто он всегда брался за самое трудное и самое необходимое в тот момент дело, невзирая на то, кто должен это дело делать...

«ЕДИНЫМ СЕРДЦЕМ...»

Священник Николай Парусников

Обычно, когда вспоминаешь свои отношения с каким-нибудь человеком, на память приходят, прежде всего, случаи курьезные, конфликтные. А наши взаимоотношения с отцом Геннадием напоминают историю из одного Патерика: жили долгие годы вместе два монаха, жили в мире и любви. Но однажды один из них сказал: «Слушай, отче, в миру все люди ссорятся. Надо бы нам испытать, что такое ссора. Давай, поссоримся!» Его товарищ спросил: «А как это — ссорятся? Из-за чего?» «Да хотя бы из-за какой-то вещи. Один говорит, что эта вещь его, а другой не хочет отдавать. Давай, поссоримся хоть из-за этой чашки! Ведь она твоя?» «Ну да...» «А я говорю, что она — моя!..» «Брат, ну так возьми же ее себе...»

Так они и не смогли поссориться. Вот и с отцом Геннадием поссориться было абсолютно невозможно. А когда совместное служение происходит в мире и любви, то вспоминать как будто даже и нечего. Вспоминается только то, что на твою долю выпало в жизни счастье служить вместе с человеком, который сейчас находится на небесах...

Я до сих пор обращаюсь к нему как к живому. Прошу его помощи, прошу его молитв. Потому что молитва была чуть ли не главным делом отца Геннадия.

Много лет назад был такой случай. Собрались в нашем доме люди на какой-то праздник. Гостей — полный стол: отец Геннадий, отец Алексей, отец Сергей. Беседуем, поем песни. И тут звонит кто-то из духовных чад: с ребенком неприятность — упал, повредил голову и непонятно, что будет дальше.

И отец Геннадий как-то так легко и просто встает из-за стола и спрашивает: «Отец Николай, у тебя канон о болящем есть?» «Есть». «Пойдем, прочтем...»

И мы с ним идем в мою комнату и читаем канон. И вот эта его любовь к молитве, готовность и стремление молиться всегда, на любом месте очень привлекала к нему людей. Вспоминаю свое диаконское служение рядом с ним. Это было духовное общение, общение в молитве.

Вообще, школа для меня в храме Воскресения Словоущего была хорошая. Отец Борис, тогдашний настоятель, учил четкому и истовому исполнению своих обязанностей. Как бы ты ни устал, но если перед тобой гора записок — ты обязан прочитать каждое имя о здравии и о упокоении. А отец Геннадий учил молитве и смирению.

Я помню чуть ли не единственный случай, когда меня вывело из себя пение нашего левого хора. С левым хором в храме были постоянные проблемы, а тут они, что называется, «превзошли самих себя». И я сказал отцу Геннадию: «Отче, я больше терпеть не могу. Я пойду сейчас и сделаю им замечание!»

(Надо сказать, что основания для этого были. На левом хоре певали порой такие певцы... Как-то одну женщину спросили: «Слушай, ты каким голосом поешь — первым или вторым?» И она, ничтоже сумняшеся, ответила: «Где-то между первым и вторым». И это была суцая правда!..)

И вот я собрался делать им выговор. Я знал, что и отца Геннадия их пение коробит, потому что он, хотя специально музыке не учился, обладал совершенным слухом и прекрасным голосом. Я не помню случая, чтобы он, невзирая на огрехи любого хора, мог служить не в тон.

Но какова была его реакция? Он, слегка заикаясь и даже как-то несколько испуганно, сказал: «Не надо!..» Потом помолчал, помолился и добавил: «Ведь еще хуже будет...»

Пожалуй, один раз у отца Геннадия все же случился спор с настоятелем. Он тогда только пришел к

нам в храм из семинарии, только что был рукоположен. А отец настоятель знал, «как надо». И он раздраженно выговаривал что-то отцу Геннадию. А тот стоял, мялся и смущенно возражал: «Нас в семинарии учили по-другому...» «Мало ли чему вас учили! А я настоятель, и я велю делать так и так!» На что отец Геннадий недоумевающе говорил: «Но ведь я же иерей!..»

Ощущение своего пастырского долга в нем было очень сильным с самого начала, с первых дней служения. Но неплохо бы вспомнить, какое это было время. Время, когда священнику и диакону разрешалось сопровождать гроб с телом отпеваемого христианина только до дверей храма. А выход на улицу уже считался «несанкционированной демонстрацией», религиозной пропагандой. Время, когда запрещены были крестные ходы и колокольный звон. Ведь еще только спустя годы Святейший Патриарх Алексий скажет ясно и прямо о возрождении приходской жизни и пастырского попечения о пасомых.

А тогда... Тогда надо было иметь громадную силу любви, чтобы вот так, как это делал отец Геннадий, добровольно брать на себя это попечение... К тому же, противодействовали этому попечению буквально все служащие храма, от старосты до уборщицы. Я помню, как одна из них, видя, что отец Геннадий в почти пустом храме после всенощной кого-то исповедует, выливая ему под ноги ведро воды и говорила: «Батюшка! пора храм убирать!»

И тогда он брал аналой, у которого исповедовал, переносил его в другое место и продолжал исповедь. Она и здесь его настигала, тогда он переходил еще раз. И все это тихо, безропотно — и при этом совершенно мужественно и стойко.

А другая сотрудница храма, причем, вроде, и человек на вид церковный, говорила по поводу этих поздних исповедей: «Молодые батюшки себе дешевый авторитет зарабатывают!» У одного из этих «моло-

дых батюшек» были на ногах трофические язвы от нескончаемого стояния, у другого — большое сердце. И этот «дешевый авторитет» обходился им очень дорого...

Вот так, пробиваясь через почти всеобщее сопротивление, молодые священники поколения отца Геннадия возрождали тот истинный облик пастыря, который сегодня нам так привычен.

А знакомство наше и вовсе было удивительно. Можно сказать, что будущего отца Геннадия я полюбил еще до того, как узнал. Мы поступали в семинарию в 1982 году. В промежутках между экзаменами абитуриенты занимались кто чем — кто книжки читал, а кто и кино бежал смотреть. И вот на этом фоне мне бросился в глаза высокий человек с обликом какого-то былинного богатыря, с серьезной складкой на лбу, который ходил по Лавре с этюдником и делал эскизы. Один, другой, третий... И так он был сосредоточен, так органичен, что сразу пришелся мне по сердцу...

В семинарии мы сидели за соседними партами. Правда, я-то сидел редко — не всегда меня отпускали из Издательского отдела, где я тогда работал. Но вот пришла пора идти на прием к владыке ректору с прошением о рукоположении. Идти — а у меня и формы нет: семинарское начальство, зная, что на занятиях я бываю редко, решило мне форму не шить.

Как быть? Подыскали мне что-то с чужого плеча, я примерил. Мои наставники руками замахали: «Что ты! В таком к владыке в кабинет идти?..» И тут отец Геннадий (тогда просто Геннадий) дал мне свою форму. В его-то пиджачке я и получил благословение у владыки ректора на рукоположение в диаконы.

А уж когда мы с ним встретились на первой службе в храме Воскресения Словущего — он священник, я диакон — то-то была радость!.. Служба с отцом Геннадием была тем, что называется «Единым сердцем и едиными усты...»

ДАР РАССУЖДЕНИЯ

Священник Алексей Кузнецов

Тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год, осень. Мое крещение. Первое впечатление от отца Геннадия... У меня в жизни тогда был тяжелый период, настоящий коллапс по всем направлениям. Я был человеком некрещеным, и хотя старался жить по каким-то правилам чести, но Бога в этих правилах не было. И вот мне подсказали, что выход можно найти в крещении.

Я пришел в храм, увидел отца Геннадия. Он мне показался каким-то... слишком простым, что ли. Видимо, я ждал чего-то более «выдающегося». Какого-то подавляющего впечатления не было. Спустя годы я понял, что именно эта легкость, это неподавление другого человека — самое важное и трудное в общении.

Отец Геннадий сразу располагал к себе. Но располагал не специально, не какими-то приемами (это ему было чуждо в принципе!) — он располагал тем, что с ним каждый человек чувствовал себя давно знакомым, давно своим. А с другой стороны, кроме этой простоты, был в нем еще и природный аристократизм. Этот аристократизм позволял ему с человеком любого ранга быть «на равных» с первой минуты общения.

Мне трудно судить, насколько это было природным качеством, а насколько — приобретенным. Но я знаю, что еще не будучи призван, не будучи священником, он всегда был центром любой компании — центром и духовным и душевным. И это была, наверное, та опора, на которую Господь мог опереться, чтобы войти в его душу, чтобы сделать из него пастьра...

Конечно, в любых воспоминаниях люди ищут каких-то случая прозорливости, чудес. Я убежден, что у отца Геннадия в жизни было множество этих слу-

чаев, — но я также знаю, что все это он старался скрыть. Что касается лично меня, то он, можно сказать, предсказал мне священство. Но предсказал как-то мягко, ненавязчиво. Помню, еще когда я начал работать в храме сторожем и дворником (и это был предел моих мечтаний, последняя соломинка!), мы встретились с ним в коридоре, где висели облачения и он спросил: «Ну а о священстве-то ты не задумываешься?» Я тогда просто отмахнулся от этих слов, как от чего-то несбыточного, но в памяти-то они остались. Позже, когда мы с ним вместе бывали где-то в домах (он часто служил молебны, соборовал, исповедовал), он то давал мне почитать, то прочитать Апостол. А слова его, тем временем, видимо, потихоньку прорастали...

И последняя наша встреча. Я, уже в сане диакона, пришел в храм Воскресения Словущего на праздник. Все ушли после службы в трапезную, а я задержался. И тут кто-то из прихожан попросил меня помазать его маслом от лампадки. Помазал одного — потянулись другие. В это время в храм вошел отец Геннадий с кем-то из своих прихожан. Увидел меня, подошел и тоже подставил лоб. Я смутился, пытался отказаться, но он твердо сказал: «Благословляю!» И я его помазал. Позже я понял, что этим своим действием он показал мне, что я, как священник, буду помазывать святым елеем людей...

Еще одно яркое его качество — умение сопереживать. Причем сопереживать не только твое горе — это, все-таки, довольно просто — но и радость. А переживать вместе с тобой твою радость могут очень немногие — это каждый из нас может подтвердить...

Крестил меня отец Геннадий не сразу, а дал месяц для подготовки. В этот месяц он велел мне выучить «Символ веры» и каждый день, по возможности, быть в храме. Но я и сам туда стремился — я чувствовал, что чудотворная икона Божией Матери «Взыскание погибших», которая там находится, взыскала меня, и

я не могу жить, не видя ее... А в те годы давать некий испытательный срок перед крещением было совсем не в обычае, — и это тоже как-то запало в душу...

Время было особое. Время после крещения... Все оно было наполнено, может быть, и маленькими, но чудесами.

Все основные, серьезные поступки тех лет я совершал по благословию отца Геннадия. По его благословию я пошел работать санитаром в больницу (хотя внешне это получилось как бы случайно, как бы само собой...). Помню, в тот период я решил подать документы на развод. Собрал необходимые бумаги, но по дороге в суд зашел к отцу Геннадию за последним благословением. Он долго мялся, а потом спросил: «Ну а тебе так необходимо делать это именно сейчас, или ты можешь отложить все на другое время?» «Могу», — ответил я, подумав. И он посоветовал мне отложить. И через его слова, как я понял позднее, мне была явлена Божья воля.

А вообще-то, я получил для себя важный урок: если ситуация действительно безвыходная и тебе просто приходится что-то сделать — то надо делать. А если ситуация позволяет ждать — лучше не совершать никакого резкого, изменяющего жизнь поступка.

Потом, спустя несколько лет, моя жена начала заходить в храм, познакомилась с отцом Геннадием, и он в одном из разговоров с ней посоветовал нам вновь соединиться. Но при этом он вовсе не ставил непременным условием для этого наше венчание. Я был тогда настоящим неопитом и в моих глазах такое решение было чересчур большой вольностью. Только позже я понял, как мудра была эта его осторожность и мягкость.

Ему изначально был свойствен тот дар рассуждения, который Антоний Великий, например, вообще ставит на первое место, превыше всех даров. Про-

стой пример: стоят перед батюшкой два человека. Одного он благословляет с завтрашнего дня бросить курить (даже под страхом отлучения от Причастия!), а другому — ничего не говорит. И внешне это был совершенно нелогичный поступок. Но в этом виделось другое зрение — духовное, которое дается немногим.

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ

Священник Артемий Владимиров

Думаю, в Москве, а может быть, и на всем белом свете такого батюшки, как отец Геннадий, больше не было в это последнее десятилетие.

Я познакомился с ним в небольшой, но хорошо известной москвичам церквушке, прячущейся за домами неподалеку от Тверской улицы. В этом храме Воскресения Словущего на Успенском Вражке отца Геннадия невозможно было не заметить, а заметив и познакомившись с ним, не полюбить. Батюшка напоминал собой святорусского богатыря из доброй русской былины. Невольно благоговей перед громадностью его фигуры, вы робко заводили с ним разговор, и лицо его вдруг озарялось такой искренней, добродетельной и немного смущенной, почти что девичьей улыбкой, что на душе вмиг поселялись отрада и безграничное доверие к этому человеку.

Подлинно, в мужеском теле отца Геннадия жила удивительная душа, кроткая до готовности во всем видеть лишь свою вину, любящая до нежности, впрочем, всегда деликатной и ненавязчивой. Вот почему всюду, куда приходил батюшка, воцарялись свет и тепло, а вы рядом с ним чувствовали себя дома, когда душа свободна от страхов, мнительности, лицемерия и тому подобного.

У каждого из нас есть свои душевные недуги и слабости, может быть, их не был лишен и батюшка Геннадий. Но с одним согласятся все, кому выпало

счастье его знать и с ним общаться: отец Геннадий никогда и никого не обижал. В нем слишком много было сердечной теплоты, жалости, способности сопереживать и сострадать. Отец Геннадий умел любить в каждом человека образ Христов, потому и смотрел на мир очами Господа, «хотящего всем спастись и в разум истины придти!»

Скончался дорогой нам пастырь в ночь на Благовещение, и ничто, казалось, не предвещало этой кончины: так радовался батюшка накануне Богородичному празднику и так готовился разделить эту радость вместе с прихожанами у престола Божия.

Не знаю, возможно ли описать отпевание настоятеля Малого Вознесения в его собственном храме. Десятки священников, собравшихся сюда со всех концов России, растерянные лица прихожан, не желавших поверить в то, что произошло: может, кто другой, но не они готовы были в одночасье расстаться с добрым пастырем, не жалевшим ни времени, ни сил на своих словесных овечек. Одно скажу: отпевание отца Геннадия стало для всех торжеством веры. Он слишком живой, чтобы ему умереть. Над такими людьми смерть не властна. Ей не дано права коснуться их душ, еще при жизни тела осененных Божественной любовью.

И мы верим: отцу Геннадию и сейчас дарована дивная власть — прощать и разрешать, очищать от грехов и примирять с Богом тех, кто на Страшном Суде вновь увидит незабвенного духовника и услышит его радостный, насыщенный любовью голос: «Се аз и дети, еже ми даде Бог»...

СКОРБИ БЫЛИ

Священник Сергей Симаков

Батюшка Геннадий изменялся прямо на глазах, особенно последние полгода. Как раз в это время Господь меня сподобил часто с ним

видеться и сослужить ему в его храме. Мы подолгу разговаривали, он делился со мной своими скорбями. А скорби были, конечно. Его душа не могла не болеть о том, что нам мешает жить, о наших внутренних нестроениях. Да и чья душа об этом не болит...

Мы говорили о трудностях нашего времени; ведь еретическая сила буквально одолевает, когда ее гонят в дверь, она лезет в окно... От всего этого не может быть покойным сердце.

Сегодня, когда его не стало, я остался без духовного руководителя. Остался, можно сказать, в полном одиночестве. Потому что все, что я имею, все духовное разумение я получил от него, от отца Геннадия. Я и священников-то, кроме него, почти не знаю.

О прошлой жизни, когда оба мы были художниками, у меня немного воспоминаний. Ну, бывало, сделаю хорошую работу, сдадим ее, соберемся вместе отметить это событие. Сидим у него в саду до утра, поем песни, читаем стихи. Или он ко мне придет на дачу (мы с женой снимали дачу летом) и тоже — сидим, поем, решаем глобальные вопросы... Собственно, все радости у нас были вокруг наших творческих удач, поскольку людьми мы были тогда творческими. Проект сделали, картину кто-то написал...

Батюшка меня сильно поддерживал. Поддерживать он умел, умел радоваться удаче другого человека. И вот эти похвалы его, порой, может быть, и не очень заслуженные, придавали мне силы.

«БУДЬТЕ КАК ДЕТИ...»

Священник Алексей Круглик

Как гнетет нас жестокий, коварный, развращенный мир, охватывающий, оплетающий каждого человека со всех сторон!

Но есть в нашем мире зарницы, сверкающие из какой-то иной, чистой и прекрасной жизни. Это дети.

Но еще прекраснее — дети, воспитанные на твердых христианских началах. А прекраснее всего — взрослые дети, те, кто, повзрослев, в сердце своем остался чистым и невинным ребенком.

Таким и был настоятель нашего храма отец Геннадий. Именно про таких, как он, сказал Господь: “Таковых бо есть Царствие Небесное”.

Воспитанники нашей воскресной школы прекрасно чувствовали в отце Геннадии такое же, как и у них, детское восприятие жизни. Достаточно было увидеть, как они бежали, чтобы получить его благословение, с какой радостью шли к нему исповедоваться и причащаться, с каким вниманием выслушивали его поздравления на праздничных утренниках, как любили получать из его рук подарки...

В большом (и детском!) сердце отца Геннадия находилось место для многих сотен взрослых, — но всегда оставалось достаточно пространства и любви для детей. Наверное, можно обмануть взрослого, который не разглядит под маской улыбки и ласковых слов истинную душу собеседника. Но детей не проведешь, они своими чистыми сердцами сразу чувствуют родную душу, а почувствовав — доверяются ей целиком, без остатка.

Такой родной душой для всей нашей воскресной школы был отец Геннадий. Но, будучи для детей настоящим другом и ласковым отцом, он был в то же время и строгим пастырем. “Блюдайте, да не презрите единого от малых сих”, — сказал Господь. Отец Геннадий боролся за каждую маленькую душу. Он постоянно просил преподавателей нашей школы учить детей любить храм, бывать по возможности чаще на службах, как можно чаще исповедоваться и причащаться. Как переживал он и молился за ребенка, когда видел, что тот не на правильном пути! И какой лаской и любовью светились его глаза, когда он причащал своих маленьких прихожан!

Каждый из детей нашей воскресной школы может сказать, что именно его батюшка любил больше

всех. И в этом отец Геннадий тоже был школой для наших детей...

А как любил он детские праздники! Как живо и радостно воспринимал каждый стих, каждую рождественскую колядку! Детские рисунки и поделки приводили его в умиление, он мог разглядывать их часами.

Очень любил батюшка и пение детского хора. Тот, кто видел его в эти минуты, помнит, как добродушно и ласково он улыбался, как переживал, если что-то не ладилось и все повторял: “Это Ангелы поют, Ангелы...”

Незадолго до смерти батюшки регент детского хора спросила у него, надо ли им петь на Пасху. “Обязательно!” — твердо ответил он. И эти слова для детского хора звучат теперь как его завещание: петь, хвалить Бога, радовать людей и помогать всем нам познать простую и глубокую истину: “Будьте как дети...”

ПОЛУЧЕННЫЙ ДАР

Иеромонах Глеб (Давыдов)

Прошло немало времени со дня кончины нашего настоятеля отца Геннадия. И сейчас, оглядываясь назад, следует оценить в полной мере тот дар и тот талант, который мы получили через отца Геннадия и который нам теперь предстоит пронести через всю нашу жизнь.

И вот сегодня его образ важен для нас всех, погруженных в разную мере в свой личный эгоизм, как пример того, как человек может всего себя без остатка раздавать людям, каждому человеку без исключения. А он, как никто, умел взыскивать каждую погибшую овцу, независимо от степени ее строптивости... И независимо от своих личных пристрастий, симпатий или антипатий, в плену которых оказываемся даже мы, пастыри, как немощные люди.

Так получилось, что отца Геннадия я знал примерно четырнадцать лет, со времени его определения в храм Воскресения Словущего. Я помню его молодым, коротко постриженным. И помню, что он сильно выделялся из тогдашнего окружения владыки Питирима своей скромностью и застенчивостью. Любой из иподиаконов мог сделать ему какое угодно замечание, и он все принимал застенчиво и смиренно и у каждого просил прощения.

Для меня покойный настоятель явился тем человеком, который, можно сказать, вторично возродил меня к жизни уже после принятия мною Таинства и благодати Священства. Потому что, столкнувшись наяву с этой невероятной силой и с этой глубокой тайной, я почувствовал себя совершенно немоощным и неспособным нести по жизни эту благодать, этот Крест Христов.

Потому что Священство, действительно, Крест, как Крест и совершение каждой литургии. Это очень сокровенные вещи, и сокровенны они для каждого из пастырей.

И вот, благодаря отцу Геннадию, я смог укрепиться на этом пути, разобраться в самом себе, понять, что есть я, каковы мои личные качества и как они соотносятся с тем, что требует от меня Господь и Христос мой, Пастыреначальник...

ПАСТЫРСКИЙ КРЕСТ

ВСЕОХВАТНОСТЬ

Наталья Васильевна Нестерова

...Когда отец Геннадий скончался на Благовещенье, в храме нашем наступило, мне кажется, достаточно сложное время. Потеряв духовного отца, все мы растерялись. Мы не знали, как нам жить дальше...

Конечно, отец Геннадий был не обычный пастырь. И именно смерть его это подтвердила, хотя мы, его духовные чада, знали это всегда. Этот нескончаемый поток людей, которые хотели с ним попрощаться; беспрестанные панихиды с утра до поздней ночи; отпевание, которое собрало около сотни одних только священников и несколько тысяч верующих...

В храме нашем много интеллигенции, людей искусства, науки, образования. И по будням, конечно, прихожан не так много — все работают. Но в такой день, каким стали похороны нашего батюшки, мы, наконец, увидели воочию, как нас много и как мы близки друг другу...

Алексей Попов

Случилось так, что мы зашли в храм Воскресения Словущего на улице Неждановой. Кстати, до сих пор не знаю, почему мы зашли именно туда? Случайно или нет?

Наталья Васильевна

Нет, не случайно. Просто рядом находится дом Антонины Васильевны Неждановой,

она много делала для становления этого храма, а наша семья связана с ее именем...

Алексей

Так вот, когда мы зашли в этот храм, увидели все это великолепие, то, признаться, немножко оторопели: ну вот, мы зашли в храм, но ведь это не все, надо что-то делать дальше, а как — непонятно... И вот тогда мы увидели впервые отца Геннадия. Собственно, мы и не знали, как его зовут, не знали, кто он, что он, — просто мы увидели что-то очень большое и очень красивое. Причем в первый раз мы увидели его со спины. Я не знаю, как у Наташи, но у меня ощущение было очень своеобразное: я увидел его не как обычного человека, которого рассматриваешь, пытаешься понять по глазам, расположен он к тебе или не расположен... Нет, я просто увидел в углу эту большую спину, и вдруг меня потянуло к этому человеку, к этому батюшке...

Потом мы с ним, конечно, разговорились. Первый контакт был очень важен для нас, но, очевидно, дело было совсем не в словах, которые произносились — как раз слов-то в памяти и не осталось! — а в том, что стояло за этими словами, что было над словами. Было полное ощущение, что батюшка нас собой объял — совершенно нас не зная, совершенно не представляя даже, зачем мы пришли в храм. Просто — объял своей добротой и своей любовью...

Наталья Васильевна

Потом мы объяснили ему, зачем пришли и попытались договориться о дате венчания. И тогда он нам сказал: «Ну, ребятки, дожить надо...» И это его «ну, ребятки» дополнило те необычные ощущения, которые возникли от нашей с ним встречи.

Алексей

Собственно, и встреча-то эта произошла, казалось бы, так недавно — лет шесть или семь

назад. По обычным меркам — очень немного. Но с этого момента, момента обращения им нас к Православии, началась другая жизнь, другой отсчет времени.

Наталья Васильевна

Да, в нем все было необычно. Даже — это его обращение ко мне: «Натальюшка Васильевна». Не Наташа, не Наталья, не Наталья Васильевна, наконец, а именно так, как мог назвать он один: «Натальюшка Васильевна».

Когда он узнавал, что мне предстоит очередная поездка, тут же говорил: «Молебен! Обязательно молебен перед дорогой!..» Я приезжала к нему в храм, а если он был дома — домой, и мы служили молебен о предстоящем путешествии.

А бывало так, что уже в день отъезда — звонок. Звонит Михаил Христофорович. Оказывается, по просьбе батюшки он рано утром уже съездил к нему домой и теперь везет мне книгу для передачи Алексе. Я даже помню ее до сих пор: «Священник Александр Ельчанинов. Записи». Такая это была забота.

Алексей

Известна всем поэтическая формула — «большое видится на расстоянии». В случае с отцом Геннадием она, эта формула, особенно верна — такого большого человека мы, конечно, будем все больше понимать и осознавать с течением времени. А сейчас вспоминаются какие-то случаи, детали. Например — проход отца Геннадия от алтаря до правого придела. Ну что там пройти-то? Пятнадцать секунд, больше не надо! У него же этот путь занимал очень долгое время — ведь столько желающих было сказать ему хоть несколько слов! При этом, когда он разговаривал с кем-то одним, совсем не было ощущения, что он в это время забывал про других. Нет, он как бы всех одновременно охватывал своей заботой и любовью... И эта всеобъемлющность была, как все мы теперь понимаем, одним из самых главных его качеств.

Когда он приходил к нам в дом, то не нужно было никаких слов. Ему достаточно было сидеть где-то тихонько в уголке — и все-таки он всех видел, всем оказывал свое внимание и участие. А если у кого-то из нас происходили какие-то не самые лучшие события в жизни, то порой ему было достаточно покачать головой, погладить бороду и сказать задумчиво: «Ну надо же...» И этого хватало. Хватало тем, кого это касалось непосредственно и тем, кто просто был наблюдателем.

Наталья Васильевна

Хочется сказать еще об одном его качестве — деликатности. Деликатность его была такова, что он не только никого и никогда не обижал — но, мне кажется, он и не мог никогда никого обидеть. Просто по своей человеческой природе не мог. Он был деликатен во всем и со всеми. С каким-нибудь самым маленьким ребенком он был деликатен так же, как со взрослым. Потому что в каждом он видел прежде всего образ Божий. И деликатность его была не деликатностью воспитания, поведения, эта деликатность происходила из великого его смирения и любви...

Алексей

Иногда спрашивают: «Какую роль играл батюшка в вашей жизни, какое место занимал?» Я думаю, такая постановка вопроса не совсем удачна, так как предполагает какое-то сравнение. А батюшка не вписывается в сравнительные категории. Он был абсолютен. И все его проявления были абсолютны. Он отдавал себя каждому человеку целиком.

В момент его смерти я был далеко от Москвы. И когда Наташа позвонила мне и сказала о том, что случилось, я испытал совершенно небывалое состояние, которое помню до сих пор. Это была смесь недоумения, как это могло произойти, и — радости. Радости о том, что батюшка наконец-то идет в то место, которому он всегда принадлежал, живя среди нас. И

уже в первом телефонном разговоре родилась простая, но важная мысль: раньше батюшка мог помочь кому-то из нас выборочно (кто был рядом с ним в тот момент), а теперь он будет помогать всем нам сразу... И ощущение его абсолютности стало после его смерти еще полнее.

Наталья Васильевна

Его рука — теплая, благословляющая... Все помнят последнее наше прощание с ним во дворе храма. Когда я подошла поцеловать его руку, я подумала, что, наверное, сошла с ума — рука была теплая! Но потом, когда я сказала об этом кому-то из близких, оказалось, что все буквально обратили на это внимание. Он остался с нами теплым до конца...

6 апреля, накануне Благовещения, он был у нас, отдыхал между утренней и вечерней службами. Посмотрел фильм, сделанный нашей студией, раздал всем присутствующим иконки Петра и Февронии и уже на выходе наклонился ко мне и шепнул: «Натальюшка Васильевна, вот бы сейчас гаркнуть «Многая лета...», а?» Я засмеялась: «Так давайте, гаркнем!»

И он во всю мощь своего богатырского голоса спел всем, кто был, «Многая лета...» Поцеловали мы его теплую руку — и он ушел, наказав завтра обязательно быть в храме, потому что завтра — Благовещение...

Его звонок к нам часто записывался автоответчиком. И в каждом звонке, в конце, он говорил: «Это грешный отец Геннадий». И ударение всегда делал на слове «грешный».

«НАУЧИ МЕНЯ ЛЕТАТЬ!..»

Дм. и Н. Величкины

Мы познакомились в 1993 году. У нас была достаточно тяжелая семейная ситуация,

и один из моих знакомых взялся свести меня со священником, чтобы эту ситуацию как-то разрядить. Он рассказал обо мне отцу Геннадию и тот пригласил меня к себе домой.

Я приехал в Ухтомку, мы сидели на террасе его замечательного домика и я рассказывал ему о своих трудностях. Он вздыхал, как только он умел вздыхать: «Да, брат... Как же так...»

И вдруг я понял, что впервые в жизни встретил человека, которому поверил сразу — и без остатка. И до сих пор я не могу понять, как это произошло. По профессии своей архитектурной мне приходится общаться с очень многими людьми, но даже с хорошими удается установить контакт не сразу, постепенно. А тут — сразу и навсегда.

Я рассказал ему все, он выслушал. И сказал: «Ну что ж, тебе обязательно надо креститься. И хорошо бы — по Апостольскому чину. Я попрошу на это благословение своего духовника».

Через несколько дней благословение было получено, о чем мне сообщил все тот же знакомый. Назначили день крещения. Я, конечно, готовился внутренне и даже не спал ночь.

И вот ранним утром я сажусь в машину, чтобы ехать креститься. А машина не заводится... Новая машина!

С каким-то трудом я ее все-таки завожу, приезжаю к отцу Геннадию. Все садимся (он еще сына Сергея взял с собой), а машина опять не заводится!

«Ну что ж, — говорит отец Геннадий, — обычное дело, надо молиться. Сережа, читай молитву!» Сережа начал читать молитву, машина завелась чуть ли не сама собой, — и мы поехали. Приехали в Косино, на Святое озеро. Отец Геннадий разложил все принадлежности прямо на капоте машины и окрестил меня в озере.

Я помню странное, какое-то двойственное состояние: с одной стороны — необыкновенную легкость, с

другой — какую-то небывалую прежде ответственность. Я до сих пор помню слова, которые он сказал мне после крещения: «В войске Христовом прибавился один воин». После этого он повел меня в храм, причаститься...

Несколько дней я был совершенно окрыленным. Было удивительное чувство — будто я во всем белом и боюсь испачкаться. Конечно, мне хочется поделиться этим чувством с другими. На работе я начинаю всем его рассказывать. На меня смотрят, меня слушают, сочувственно кивают, — но при всем том, как я соображаю сейчас, не очень-то понимают, о чем я говорю.

Замечаю и еще один нюанс, которого прежде не было: в первые дни я особенно много думаю о сказанных священником словах, об ответственности за каждое свое слово. И вот, приезжаю на стройку, где от меня ждут какого-то решения, и начинаю пасовать, уходить от проблемы, а не решать ее...

Мало того, я начинаю видеть, как меня обманывают, а я, зная это, никак не протестую. В общем, стараюсь жить по законам какого-то «непротивленчества»...

Мне становится очень плохо. Не только морально плохо, но даже и голова начинает болеть. И я прихожу к отцу Геннадию и все ему рассказываю. «Как же теперь быть? — недоумеваю я. — Ведь сказано: не судите, а я все время вынужден судить тех, с кем работаю!» «Нет, брат, ты не прав, — отвечает он мне. — В своей профессии ты должен отстаивать свою правоту и объективную правду. Ты должен соответствовать тому месту, на которое поставлен...»

И после этого разговора мне становится очень легко. И весь первый год после крещения у меня пролетает как на крыльях.

Каждый раз, когда я к нему приезжал, со мной происходила странная метаморфоза. Только что на стройке я был уверенным, сильным, строгим челове-

ком, которого побаивались строители, а перед ним я становился маленьким, кротким, и кротость эта возникла как-то совершенно естественно. И еще: каждый раз, идя на исповедь или просто в храм, я боялся, что он меня за что-нибудь осудит, или строго на меня посмотрит, но этого ни разу не произошло. Только иногда, слушая меня, он начнет сокрушенно качать головой: «Брат ты мой, ну что же ты так?..» И тут же побежит в алтарь, вынесет огромную просфору или еще какой-нибудь подарок...

Когда мы встречались в компаниях, за столом, меня поражало это невысказанное соединение детскости и даже какой-то наивности — с необыкновенной твердостью и ясностью убеждений и веры, которую невозможно пошатнуть ни в какую сторону. Мне приходило в голову сравнение с огромным дубом, который невозможно сдвинуть с места ни на миллиметр, потому что он корнями врос в эту веру...

Мой родной отец был очень строгим человеком. Когда я шел к нему, то всегда испытывал и трепет, и определенное чувство вины. А когда я шел к отцу Геннадию... Может быть, трепет я тоже испытывал, но все покрывалось любовью. Его любовью ко мне.

Прошло почти два года со дня его кончины, — а меня до сих пор временами мучит совесть: как будто я чего-то не успел, чего-то для него не сделал. Какой-то долг не вернул...

Вспоминаются какие-то забавные эпизоды. Ну, например. Прохожу как-то мимо храма и вдруг, неожиданно для себя, решаю зайти. Захожу, отец Геннадий сидит в вагончике. Увидел меня, обрадовался: «Заходи! Давай, кофе вместе попьем?» Достает откуда-то банку растворимого кофе, раскладывает по чашкам — и тут входит кто-то из храмовых женщин. «Отец Геннадий! Вам кофе нельзя!» Он сразу тушует: «Ну, ладно, давай хоть чаю выпьем, что ли...»

И начинает мне рассказывать: «Знаешь, я тут пристрочку к своему дому хочу построить; надо бы со-

браться всем, да обсудить проект. Как думаешь, из чего бы лучше строить? Я вот тут кирпича дешевого купил...»

И рассказывает уже более детально. Я не перебиваю, слушаю. И вдруг понимаю ясно, что все его рассуждения настолько наивны, что если я не вмешаюсь прямо сейчас, немедленно — у него вообще ничего не получится с его пристрочкой.

Предложил ему сделать проект у себя в мастерской. Он, конечно, с радостью согласился. Я набросал эскиз, один из моих сотрудников сделал чертеж, показали ему. Ему очень понравилось, но... Но я-то практикующий архитектор. И понимаю, что одного проекта мало — нужны средства. А средств тоже нет, даже минимальных.

Разговариваю с одним из своих друзей, приглашаю его в инвесторы. Едем с ним к отцу Геннадию, смотрим дом, обсуждаем проект. «Ну, хорошо, — говорит мой друг, — в рамках означенной суммы я готов помочь».

Для чего я рассказываю эту историю? Чтобы подчеркнуть важнейшую черту батюшкиного характера — его наивную и крепкую веру в то, что Господь все устроит, что все само собой сделается. И Господь действительно устраивал, и батюшкины планы осуществлялись...

Нина Величина

Мы познакомились с батюшкой на переломном для нашей семьи этапе. Помню, как Дима уехал к нему в первый раз. Его очень долго не было, я уже начала беспокоиться. Наконец, он вернулся, и я буквально не узнала его: изумленные глаза, весь вид какой-то перевернутый. «Ты знаешь, — сказал он мне, — произошло удивительное событие. Я впервые встретил человека, который живет так, как говорит...»

Потом произошло Димино крещение. Крещение, как и любое таинство, вообще чудо, но когда оно происходит в сознательном возрасте — человек меняется буквально на глазах, зримо.

Мне иногда приходилось слышать от знакомых ироничные замечания: «Легко вам с вашим батюшкой! Что бы вы ни сделали, он вам все простит, — ведь он у вас добренький!» А на самом деле люди просто не понимали, что такая доброта — высший дар. Благодаря ей ты идешь за своим духовником — и даже не замечаешь, что идешь. Потому что на тебя не давят, не приказывают тебе, — тебя просто привлекают к себе этой добротой и ведут.

А потом, спустя некоторое время, он заговорил о венчании. Причем говорил, почему-то, каждый раз именно со мной. «А венчаться когда?» — спрашивал в очередной раз. «Не знаем еще», — отвечала я.

И вот однажды после службы вышли из храма. Солнышко светило, мы стояли с ним, он нас благословлял. И потом снова тихонько так спросил у меня: «Ну, а венчаться-то когда думаете?» И тут я откровенно ответила: «Ой, батюшка, боюсь я венчаться...» «Боишься? — спросил он. — Ну не знаю, не знаю... Грешить, значит, не боишься, а венчаться боишься?..»

Он меня не обвинил, не обличил, — но у меня чуть ноги не подкосились. И три дня, не меньше, я вспоминала его слова. Для меня все сразу встало на свои места после этих тихих слов, ведь мне никогда не приходило в голову так поставить вопрос...

И вот мы решили венчаться и вместе с ним назначили день. Оказалось, это был Илья пророк. В день венчания батюшка благословил нас исповедаться и причаститься. Когда дошла очередь исповеди до меня — я начала плакать навзрыд. После безуспешных попыток меня успокоить батюшка сказал: «Ты иди, погуляй во дворике, потом приходи». Я вышла, «погуляла», снова вошла. Он посмотрел на

меня и снова отправил. И так я уходила «гулять» раза три или четыре...

Катя, наша дочь, в то время была маленькая и очень подвижная. Настолько, что кое-кто из церковнослужителей ее просто опасался. Но удивительное дело: как только на амвон выходил отец Геннадий, наша Катя подходила, садилась рядом с ним на ступенечку и могла просидеть, замерев неподвижно, хоть целый час.

Помню, Катя меня в то время донимала разными вопросами и просьбами. Например, она говорила: «Мама, научи меня летать! Я так хочу научиться летать!..» И вот как-то она сидела на коленях у отца Геннадия и спросила теперь уже у него: «Геннадия! (она его звала не Геннадий, а Геннадия). Научи меня летать! Научишь?» И вдруг он совершенно серьезно и глубоко ответил: «Да, Катя. Я научу тебя летать. А для этого нам с тобой надо научиться молиться...»

Дмитрий Величкин

Помню, как-то раз они с матушкой остались у нас ночевать. Мы встаем достаточно поздно, часов в девять. Но знаем, что они всегда вставали рано. И вот девять часов, мы встаем, а в доме — полнейшая тишина. Хотя, если бы они спустились из мастерской — мы бы обязательно услышали.

Мы забеспокоились, я поднимаюсь наверх посмотреть, в чем дело. И что вижу? Они сидят в разных углах — и читают. С шести часов утра читают! И тихо-тихо так сидят, как в читальном зале... Оказывается, боятся нас разбудить...

И еще вспоминается, последний их визит к нам. Сидели за столом, разговаривали, потом они собрались уходить. И уже на выходе, в прихожей, отец Геннадий вдруг падает передо мной на колени и говорит: «Прости меня, грешного!» Я буквально онемела. Потом и сам встаю на колени и говорю: «Батюшка, да это я у вас должен прощения просить!»

«Нет, — настаивает он, — прости меня, грешного...»
Такое, конечно, не может забыться.

Нина Величина

Помню, у Димы только-только появился тогда первый гонорар. И он поехал к отцу Геннадию, чтобы пожертвовать какую-то сумму на нужды храма.

Отец Геннадий сердечно поблагодарил, но потом как-то смутился, начал топтаться, покраснел и, наконец, сказал: «Дима, а можно из этих денег что-то на семью взять? А то в доме сейчас буквально ни копейки нет...»

Дима, конечно, ответил: «Батюшка, разумеется, возьмите! И вообще, распоряжайтесь как вам удобно!»

Но отец Геннадий на этом не успокоился. Он снова начал топтаться, вздыхать, краснеть. И, наконец, спросил: «А сколько мне можно взять, Дима?..»

Мне кажется, нормальный человек не мог его не полюбить.

Дмитрий Величин

В момент его смерти мы были в Париже. Долго мы туда собирались, но сначала не было денег на такую поездку, потом времени. И вот в марте 97-го все сошлось и появилась возможность на неделю попасть в этот город. Поехали к батюшке за благословением. Он сначала даже осерчал немного (давно не были у него на исповеди), но потом потеплел, порадовался за нас и благословил на поездку. Только об одном спросил: «А вы самолетом?» «Самолетом». «Плохо... Сколько сейчас самолетов разбивается...» «Да ведь на дорогах, батюшка, еще больше людей погибает!..» «Ну да... Ладно...»

Позже мы поняли, что в этом беспокойстве за нас проявилось его предчувствие разлуки. И еще он благословил нас в Париже обязательно найти отца Николая, его знакомого, и передать ему поклон.

Первые три дня в Париже прошли замечательно. Этот город создан специально для наслаждения жизнью. А на четвертое утро нам в гостиницу позвонили из Москвы. И сказали, что батюшка умер...

Сначала мы опешили, онемели. А когда чуть-чуть пришли в себя, поняли, что надо немедленно лететь домой, чтобы успеть на похороны. Но было уже 8 апреля, а похороны были назначены на 9-е...

Нина Величина

И тут Париж повернулся к нам совсем другой стороной. Пока ты был благополучен, тебе все улыбались, все были тебе рады. Но как только на твоих глазах появляются слезы и тебе нужна помощь (а плакали мы все — двое взрослых и Катя) — ты сразу наталкиваешься на ледяную стену. Нам так и не помогли поменять билеты и улететь. Для меня вместе с отцом Геннадием тогда умер и Париж...

Потом мы дозвонились в Москву, нам сказали, что в день похорон все духовные чада батюшки должны исповедаться и причаститься. И тут мы вспомнили о наказе батюшки — разыскать отца Николая.

С огромным трудом мы его отыскали. И назавтра, 9 апреля, исповедались у него и причастились. Потом нас пригласили на трапезу — и тут мы впервые со вчерашнего утра чуть-чуть отошли душой... Отец Николай хорошо знал и очень любил отца Геннадия. И когда он говорил о нем — он сразу начинал улыбаться. А нас он представил своим прихожанам очень просто: «Это дети отца Геннадия». И этого было достаточно. Отец Геннадий объединил нас даже в Париже...

Дмитрий Величин

Помню, когда отец Геннадий приехал к нам в первый раз — мы испытали совершенно небывалые ощущения. Подъем был такой, что

весь следующий день мы с Ниной перезванивались (я был на работе, она дома) и делились своими впечатлениями...

Нина Величина

И где-то к вечеру я сказала Диме: «Как хорошо было бы, если бы отец Геннадий смог бывать у нас как можно чаще!..» И тогда он подумал и ответил: «Ты знаешь, тогда бы мне пришлось бросить работу. Ведь когда есть отец Геннадий — уже ничего больше не нужно...»

«ХОТЕЛ Я СОБРАТЬ ДЕТЕЙ...»

Наталья Сопова

...Пожалуй, главное, что вспоминается, когда я думаю об отце Геннадии — это наше с ним знакомство.

Храм Воскресения Словущего, он — молодой, только начавший служить священник. И я, в своем состоянии ошпаренности: у меня долго и тяжело болел муж и вот теперь он умирал. Умирал — и не был крещеным... Я в то время уже была верующей, ходила в храм не один год, и он никогда не был противником моей веры, он был даже сочувствующим, но... но сам креститься не хотел. Возможно, это происходило из-за его очень серьезного отношения к такому огромному шагу. Да еще играла роль армянская традиция, по которой крещение нельзя принять из рук жены...

Я окормлялась тогда у другого священника, в церкви Апостола Филиппа, что в Афанасьевском переулке. Это был хороший батюшка, но он держал меня на некоторой дистанции, а мне, в этот тяжелейший период, видимо, не хватало простого человеческого участия. Поэтому я часто заходила в храм Воскресения Словущего и всех, кого знала, просила помолиться о моем муже.

И вот я пришла в очередной раз в Воскресение Словущего, увидела нового батюшку — молодого, русоволосого, красивого — и подошла к нему: «Батюшка, у меня умирает муж, но он не крещен...» «А как его зовут?» Я назвала и сказала: «Как бы я хотела, чтобы вы помянули его в алтаре...»

И он пообещал мне, и я потом сама не раз слышала, как он произносил это имя.

Прошло время, я стала духовным чадом отца Геннадия, мы узнали друг друга ближе — и тут только я поняла, как он строг во всем, что касается церковных канонов и правил. Поняла — и поразились задним числом: как же мог он тогда поминать в алтаре некрещеного человека? И однажды я сказала ему об этом. И тогда он поразился в свою очередь: «Да разве твой муж был некрещеным?..» «Да, и я вам об этом говорила!..»

Отец Геннадий был очень удивлен. А я долго размышляла об этом и поняла: отец Геннадий просто не слышал, — не хотел слышать! — того, что могло помешать ему о ком-то заботиться, за кого-то молиться...

(Точно такой же факт произошел с другой нашей прихожанкой: она просила молиться за ее некрещеного отца, батюшка молился, а потом как бы заново с удивлением узнал, что человек этот не крещен...)

Я крестила своего мужа сама, за два часа до смерти — от меня, видимо, требовалось тогда такое дерзновение. И вот эта тема, тема дерзновения, меня в то время особенно волновала. Читая молитвы, я, например, запинаясь на словах: «И прости меня, бездерзновенного...» В Евангелии обращала внимание на притчу о кровоточивой: «Дерзай, дочь, вера твоя спасла тебя...»

И как-то раз в разговоре я спросила: «Батюшка, вот меня, например, в Евангелии сейчас больше всего трогает притча о кровоточивой. А у вас есть какое-то особо близкое место?» Он задумался, потом ответил: «Не знаю... Пожалуй, вот это: «Иерусалим, Иеруса-

лим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крыльях, и вы не захотели!..»

Мне кажется, совсем не случайно он вспомнил именно это место из Евангелия. Ведь и сам он, подобно Господу, убивался о наших грехах, ведь и сам он взошел за нас на крест.

Иногда мы с ним спорили. Точнее, я нападала на него, если что-то меня смущало в церковной практике. Он возражал, объяснял. Но иногда и сам мог меня спросить: «А что ты думаешь об этом? А об этом?..»

Вопрос, менялся ли отец Геннадий с течением времени — простой и сложный одновременно. По нашему ощущению, по восприятию — не менялся. Но если анализировать — он не мог не меняться. Я познакомилась с ним, когда он был одним из молодых священников храма Воскресения Словущего, а уходил он — знаменитым московским протоиереем, любимым сотнями людей. Человеком, на котором лежала колоссальная ответственность за этих людей. Сколько молитв он вознес за эти годы, сколько пережил восторгов и разочарований.

Есть такая русская пословица: каков поп, таков и приход. Обычно связь эта — двухсторонняя: приход тоже может влиять на своего настоятеля, получается некое обоюдное влияние. Но в случае с отцом Геннадием поговорка абсолютно верна — главным было, конечно, его влияние на нас.

Это он нас собирал, он нас воспитывал, он нас скреплял; и при наших характерах, достаточно своевольных, это давалось ему нелегко.

Я хочу сказать еще об одном отличии отца Геннадия от многих священников, да и вообще — от многих людей. У меня есть знакомые батюшки (очень уважаемые мной!), которые могут, например, предостеречь меня от общения с тем или иным человеком. Так вот отец Геннадий в принципе не мог про-

изнести таких слов: «Остерегайся такого-то... Будь осторожна в отношении такой-то...» Потому что все люди до одного были для него родными. И в каждом он видел позитивное, самоценное. В каждом из нас для него просвечивал образ Божий...

УРОК ПОСЛУШАНИЯ

Светлана Козлова

С батюшкой нашим, отцом Геннадием, я познакомилась, можно сказать, случайно, потому что раньше я о существовании этого храма даже не знала.

Однажды я пришла на исповедь к своему духовнику, и он как-то вскользь упомянул, что есть, мол, такой храм Малое Вознесение на Большой Никитской напротив консерватории, есть там настоятель отец Геннадий и, кажется, у него нет регента, а потому можно и мне попробовать: придти, посмотреть, а может, он меня и возьмет...

И вот я пришла. Нашла Малое Вознесение не сразу, сначала попала в храм Воскресения Словущего в Брюсовском переулке, потом мне помогли разобраться в моей ошибке. Храм найти было нелегко: какие-то строительные леса, заборы и так далее. В то время храм наш совсем не имел такого чистого и ухоженного вида, какой он приобрел позже, стараниями самого батюшки Геннадия.

Был день памяти мученика Трифона. Я, наконец, зашла в церковь. На клиросе стояли и пели люди. Они были все какие-то важные, значительные. Мне показалось, что все они, как минимум, с консерваторским образованием и поэтому мне здесь делать, наверное, нечего.

Но потом вышел сам отец Геннадий. У него было такое открытое и доброе лицо, что я как-то поуспокоилась: такой добрый священник, наверное, заступится за меня перед такими значительными певцами.

Потом мы с ним познакомились, поговорили. Узнав, что меня прислал мой духовник, который был и его духовником, он еще более расположился ко мне. Он сказал, что я могу, если мне это необходимо, постоять на службе, послушать, прежде чем начать регентовать. Это было его отличительным качеством: он не назначал чего-то волевым решением, а давал человеку свободу выбора. Тем не менее, получилось так, что уже на следующий день, в самый праздник мученика Трифона, я начала регентовать.

И еще одна особенность батюшки в отношении самой службы: он никогда не настаивал ни на репертуаре, ни на каких-то второстепенных элементах службы. Даже по Уставу он ничего не диктовал, а наоборот, спрашивал, как поют, например, в Лавре. И очень сокрушался и извинялся, когда допускал какую-то ошибку.

А иногда сделаешь ему замечание в подобном случае, но потом видишь, как он это переживает, и уже чувствуешь виноватым не его, а себя.

Вспоминаю панихиды, которые отец Геннадий служил по субботам. Народу в храме было немного, с клироса — человека два или три; зато в храме молитвенная, сосредоточенная атмосфера, которая создавалась прежде всего, конечно, его сосредоточенностью и его молитвой. И атмосферу эту забыть было невозможно...

И вот, когда мы начинали петь, батюшка сам подпевал нам, и в этом было что-то очень родное, что-то свое. Он вообще очень ценил эти панихиды, сокрушался, что мало на них народа, что из клироса почти никого нет. И хотя он никогда не говорил об этом прямо, никогда не призывал с амвона приходиться именно на субботнюю панихиду — он очень радовался, когда кто-то из прихожан появлялся на этой службе. А самое радостное и значительное воспоминание от совместных служб с батюшкой — это, конечно, празднование его именин. Тогда в нашем храме

собирался настоящий собор священства, а в алтаре шла такая горячая молитва, что буквально зажигала и клирос, и всех прихожан.

При этом сам батюшка был настолько смиренным и так не любил выделяться, что никто и не знал, где он в этот момент находится — то ли в алтаре, а то ли на исповеди, где было, можно сказать, его главное место!..

А когда на полиелее все священство выходит, тут его, конечно, было заметно. Он шел, опустив голову, смущаясь. А если сам помазывал прихожан елеем, то и в этом у него была особенность. Крестик кисточкой он ставил не маленький на лбу, а какой-то большой, щедрый, широкий. И от этого становилось сразу и радостно, и ободряюще, и ты как-то подтягивался и совершенно по-иному себя ощущал...

Праздник Благовещения, в который батюшка представился, приобрел для меня в последнее время какой-то особый оттенок. Не только радости, но и потери, разлуки. Один близкий знакомый на Благовещение ушел в монастырь, а вот отец Геннадий — просто ушел из этой жизни. И хотя я этот праздник очень люблю, в нем появилась, кроме света и радости, какая-то щемящая грусть, что-то глубоко личное и сокровенное...

И вот я вспоминаю эту последнюю всеобщую перед Благовещением. Батюшка всегда ратовал за то, чтобы начинать службы вовремя, без опозданий. Но, случалось, сам порой немного опаздывал, очень по этому поводу сокрушался... Но на сей раз все было по-другому. Опоздали мы с певчими буквально на минуту-две, вбежали в храм и тут же увидели какой-то строгий, даже суровый взгляд отца Геннадия. Я даже подумала, грешным делом, что батюшка не в духе и сейчас нам влетит. Но мы быстро встали на свое место, отец Геннадий дал возглас на начало всеобщей, и мы запели.

И тут, чуть позже, случилась такая ошибка: отец Алексей (он тогда был диаконом) дал праздничный

возглас на прокимен, а я взглянула в календарь и увидела надпись: “Прокимен Великого поста” не отврати Лица Своего...” Я растерялась, и мы, как бы вперерез отцу диакону запели прокимен Великого поста. Буквально через несколько минут из алтаря выходит отец Геннадий и очень строго мне говорит: “Три земных поклона”. Я испугалась и спрашиваю: “Прямо сейчас?” “Нет, после службы”, — отвечает он.

Ладно, подумала я, потом и поклоны сделаю, и прощения попрошу. Но спустя некоторое время выходит батюшка снова. И уже нет на его лице прежней суровости. Это тоже было для него характерно: он мог за какую-то провинность сделать строгий выговор, но тут же отходил, смягчался и чуть ли сам не просил прощенья. И вот он вышел, подошел ко мне и сказал: “Света, ты поняла, почему я тебе сделал замечание? Никогда не нужно ставить себя выше священства, запомни это”. Он говорил, конечно, не о себе и даже не об отце диаконе, — он говорил о священстве как церковном чине, как основе церковности...

И я поняла это в том смысле, что, да, я должна была не подвести отца диакона, я должна была сделать так, как сделало священноначалие выше меня. То есть нужно было проявить послушание. И этот урок запомнится мне уже навсегда...

ЖИВОЙ СВИДЕТЕЛЬ

Алексей Дорошевич

Когда умирает человек, то смерть, конечно же, становится резкой, непроходимой гранью, границей. Умирает человек — и уже можно подводить черту, подводить итоги его жизни.

В случае же с отцом Геннадием все как-то не так. Он так неожиданно ушел, так даже необычно ушел — как будто просто распахнул дверь и вышел... И вернется.

Ощущение, что он жив, не проходит. Да, он живой сейчас, как живой был и всегда. Но отчего такое ощущение у всех нас? Да оттого, что любовь — не умирает. Любовь живет всегда.

И батюшка наш, так полно обладавший этой любовью, конечно же, жив. А о живом говорить трудно. Это мертвого человека можно разъять, анатомировать, разложить по полочкам... А здесь живое...

И вот эта любовь, которая в нем жила, нам сегодня очень помогает, наверное, в самом главном... Да, у нас есть Священное Писание, есть Священные Предания, есть многие толстые тома, сохранившие для нас жития святых. Но, все-таки, человек такое существо, что ему все время нужно что-то конкретное, что-то осязаемое. То, что можно потрогать руками. И о том, что мы сами видели, слышали, к чему мы прикоснулись — только об этом мы можем свидетельствовать...

И потому-то нам нужен живой человек. Живой праведник. Да, у нас есть иконы — но это иконы. У нас есть жития — но это жития! А нам нужен он вот здесь, рядом с нами, среди нас.

И то, что он был, то, что он был таким обыкновенным и в то же время — совершенно праведным — вот это-то больше всего и помогает нам быть в Церкви и стоять в Истине.

ПОМОЛИМСЯ ВМЕСТЕ!..

Алла Александровна Андреева

Я хочу попробовать рассказать об отце Геннадии. О том, каким я его видела, как чувствовала, и как его понимала.

С самых первых дней служения отца Геннадия, еще в храме Воскресения Словущего, — а я была прихожанкой этого храма, — я прилепилась к нему

душой сразу, буквально как только увидела. От него исходили какой-то удивительный свет, тепло и доброта. Это невозможно было не видеть. Я очень помню его тогдашнего, столько уж лет тому назад... Такой большой, такой светлый, с золотыми волосами, весь искрящийся открытостью и добротой.

Я не могу сказать, что была его духовной дочерью. Вообще, мне для этого не хватало ответственности, смирения — всех тех качеств, которые абсолютно необходимы для того, чтобы называться духовной дочерью священника.

Но я постоянно приходила к нему на исповедь. К нему и к отцу Владимиру Ригину. На исповедь к отцу Геннадию было приходиться с одной стороны — очень легко, вот из-за этого света доброты, который от него исходил; — а с другой стороны — трудно, потому что эта доброта требовала ответственности. А как раз с ответственностью у нас, как мне кажется, дело обстоит особенно плохо.

Он удивительно был добр, и я помню, например, как однажды я его рассмешила. Я пришла, народу было совсем немного, когда я подошла, то сказала: “Батюшка, я дома помнила, в чем я грешна, и по дороге помнила, а вот пришла сюда, к вам, и здесь такой свет, такая благодать, что все мои грехи кажутся мне ужасной чепухой. И совершенно не хочется всю эту ерунду вспоминать, так здесь хорошо!”

И он рассмеялся на это. Тепло и сердечно рассмеялся.

А вот еще один случай, который мне рассказала моя крестница. Я никогда не крещу маленьких детей: мне так много лет, что я, конечно, не могу взять на себя такую ответственность — быть крестной матерью, которая растит ребенка. Но взрослые крестницы у меня есть.

И вот одна из них (кстати, самая первая) потом со слезами мне рассказывала. Она была у отца Геннадия на исповеди, исповедовалась (ей было в чем) и

она плача, вспоминала, как бабушка ей говорил: “Анечка, Анечка, ну что же ты делаешь?.. Анечка, да разве так можно? Ну, давай, вместе помолимся и Господь простит...”

Доброта его была очень особенная. Добрых священников я знаю если не много, то, во всяком случае, достаточно. У отца Геннадия была вот такая особенность: эта доброта не была какой-то абстрактной добротой, так сказать, обычным состоянием души этого человека, той добротой, которая просто направлена на всех. Но каждый из тех, кто к нему приходил (я это знаю наверняка!) — каждый чувствовал, что бабушка к нему относится особенно. Вот я чувствовала именно так: что отец Геннадий особенно хорошо относится ко мне. И другой так чувствовал, и третий, и четвертый.

Потому что доброта его, повторяю, была не абстрактной добротой вообще, она была сердцем, направленным на конкретного человека.

Он видел не просто раба Божьего перед собой, а видел вот этого именно человека, с его чертами характера, с его биографией. И он умел любить каждого из нас лично. И лично понимать.

И, конечно, выдержать этого не могло человеческое сердце. Хотя мы, зная, что он в реанимации, не верили в возможность его смерти. Он выходил из больницы такой же светлый, такой же сияющий — разве можно было, видя его, поверить в его смерть?

И вот теперь его не стало, а мы со своей соседкой по-прежнему говорим: “Мы пойдем к отцу Геннадию”.

Потому что в храме от него осталось что-то необыкновенное, что-то самое существенное. И осталось даже то чувство, которое я испытала тогда: как толькоходишь в храм, так все грехи, которые до этого тащились за тобой как хвост, куда-то исчезают. И в храм приходишь за помощью. За опорой и помощью.

И была еще очень интересная особенность этой его необыкновенной доброты: она заставляла быть к себе более строгим, чем, возможно, мог бы заставить другой, более суровый и строгий наставник. Вот эта уверенность в том, что придешь и найдешь его доброту, прощение, и его молитву ко Господу, чтобы Он простил меня, — вот эта уверенность много раз предохраняла от недолжных поступков. Потому что просто нельзя было обмануть и огорчить такого человека.

И теперь это осталось так же, как было: возникает образ отца Геннадия — и останавливаешься на пути греха. Просто останавливаешься перед человеком такого тепла и света.

Кажется, у него были печальные глаза. И что же в этом удивительного? Какие же еще могли быть глаза и сердце у человека, который по своей сути всю нашу недолжность, всю нашу неправду и все наше горе принимал в это самое сердце?

Я никогда не забуду, как я, когда начала слепнуть, пришла к нему на исповедь и сказала: “Батюшка, так обо мне молятся — знаю, что вы молитесь, знаю, что молятся прекрасные люди, достойнейшие священники, а я слепну. Значит, это рука Господня...”

И я случайно взглянула на него (я тогда еще видела). А он закрыл глаза и утвердительно кивнул головой.

Я, конечно, навсегда это запомнила, но поняла совсем недавно. Он тогда уже знал, знал тем невероятным своим чувством, своей близостью к Богу, знал и подтвердил слова, которые я ему сказала: да, это рука Господня. И он это понял гораздо раньше меня, намного раньше.

Не знаю, когда сейчас молишься о упокоении души протоиерея Геннадия, то какое-то странное ощущение: нам ли молиться за него, когда наверняка он молится за нас, потому что давно уже был сердцем в Святой Руси! Нет, это не я молюсь о нем, это я прихожу

к нему за утешением и поддержкой, как приходила и прежде. Этой молитвой я стараюсь приблизиться к нему, который, конечно, там, где молятся о нас.

И я думаю, что у него и перерыва-то никакого не было, и что он прямо в пресветлый день Благовещенья сразу же был у Господа.

Пожалуй, я расскажу еще один случай.

Это было в то безумное лето 96-го года, во время наших последних безумных выборов... Вся Москва была как гудящий улей, все было наполнено разными призывами, отзывами, уговариваниями и еще Бог знает чем. В общем — все кипело. Я была на службе (это уже в Малом Вознесении, в том храме напротив консерватории, который из груды кирпича он воссоздал). Это был Духов день.

Служба кончилась и при открытых Царских вратах в алтаре отец Геннадий спокойно, внятно и просто прекрасным своим голосом произнес: “Молитва о спасении державы Российской”. И прочел эту молитву. Прочел так, как он читал все молитвы, и так, как он всегда служил — тепло и искренне и очень просто.

Я сразу опустилась на колени и, опускаясь, услышала в храме какой-то шорох. Я оглянулась (я тогда еще видела) и увидела, что весь храм, мгновенно, тоже опустился на колени. Безмолвно, проникновенно и полностью уйдя в эту молитву. А он над нами ее совершал.

Это было совершенно необыкновенно: над всей бурей, над всей чепухой, над всеми призывами — священник просто служил, а, окончив службу, просто прочел молитву — ту, которую надо, предавая всех нас и нашу Родину в Господни руки...

Вот, может быть, этим мне и хочется закончить, потому что это не просто мое личное впечатление, не только мое горе или мое ощущение все равно не прерывающейся связи, это уже даже немножечко над нами всеми. И это опять связь с тем светлым миром, в котором этот дивный человек сейчас находится...

РОДЫ

*Тарасова Людмила Юрьевна,
мать шестерых детей*

До встречи с отцом Геннадием, моим милым батюшкой, я ходила в храм, причащалась, но настоящая церковная жизнь началась только после знакомства с батюшкой. До этого я ходила в разные храмы, не соблюдала постов и не знала, что такое духовник.

Моя встреча с отцом Геннадием произошла 4 января 1989 года — на Анастасию Узорешительницу. Я в то время сблизилась с протестантами, находилась под их влиянием и примчалась в храм Воскресения Словущего, что в Брюсовском переулке (в то время — улица Неждановой), чтобы встретиться с о. Артемием Владимировым, духовная дочь которого вместе со мной общалась с протестантами. Я хотела “доказать” священнику, что они “замечательные люди” и попросить разрешения на дальнейшие встречи с ними.

Отец Артемий в этот день не служил. Поэтому я обратилась к другому священнику и благодарю Бога, что им оказался именно отец Геннадий, на которого я тут же выплеснула все мои эмоции. Милый батюшка, только сейчас я понимаю, сколько стоило ему душевных сил, чтобы слушать всю мою “защиту”, терпеливо и тактично объясняя мне, что эти люди по духу не принадлежат к Православной Церкви. Тогда мне это было непонятно и я опять принималась “доказывать”, что это не так. Отец Геннадий внимательно слушал мою галиматью, но терпеливо и сокрушенно молчал. Наконец, он спросил меня, имею ли я духовника, и получив мой отрицательный ответ, глубоко вздохнул. Идя домой, я все время вспоминала весь разговор с батюшкой. На следующий день опять побежала к нему, спрашивая, что неспроста ведь он задал вопрос о духовнике? И кто такой

духовник? И как стать духовной дочерью? И зачем поститься? Отец Геннадий терпеливо мне все объяснил и спросил, могу ли я попоститься до Рождества и придти причаститься? Я не забуду ту радостную улыбку, с которой он меня встретил, когда я выполнила все его требования. Было видно, что за меня он искренно переживает.

Я стала часто ходить к батюшке, исповедовалась ему и причащалась. Вскоре, совершенно не зная, как проситься в духовные дочери и как принято общаться со священниками, я заявила ему: “Батюшка, я никуда от Вас не пойду”. Отец Геннадий очень радостно улыбаясь мне, ответил: “Да, Людочка, ты уж не уходи, не уходи...” Я была просто счастлива и мне было так тепло на душе от этого искреннего, ласкового ответа.

Только благодаря батюшкиным молитвам, его терпению, тактичности я смогла отойти от протестантов. Это был очень тяжелый для меня период. И если бы не поддержка отца Геннадия, то можно было бы попасть в психушку. А когда я, наконец, осознав, что напрасно, во вред себе и своей семье, общалась с протестантами, попросила у батюшки прощения, то почувствовала, как с него как будто сняли какую-то очень огромную ношу и он с облегчением вздохнул и сказал: “Ну, наконец-то”. Но общение с этими людьми для меня не прошло бесследно. Я упала в обморок на вечерней службе, когда владыка Питирим во время каждения обкурил меня ладаном, и меня вынесли на улицу. Я ходила по дому и рыдала, боясь идти в храм. Наконец, отправила своего старшего сына, которому тогда было 11 лет, к батюшке и получила от него очень утешительную записку, святую воду и акафист святым мученикам Киприану и Иустине.

Вскоре я опять стала ходить в храм, но внутри меня как будто все окаменело — я все делала, но автоматически, и была безрадостна: ведь протестан-

ты успели мне внушить, что я бесноватая. Потом только я поняла, что это сделано в отместку за то, что я не соглашалась с их иконоборчеством.

Видя мое состояние, отец Геннадий благословил меня поехать по монастырям. После Троице-Сергиевой Лавры и особенно Пюхтицкого женского монастыря, я стала потихоньку “оттаивать”. В это время я забеременела. И, конечно, переживала — до этого у меня было два кесаревых сечения, и если бы я снова оказалась в больнице, то после третьего меня бы стерилизовали. Вскоре, по милости Божией, произошла моя встреча с подвижницей веры и благочестия Любушкой, духовной дочерью иеросхимонаха Серафима Вырицкого († 3 апреля 1949 г.), которая жила в Сусанино под Питером. Любушка мне сказала, что я рожу нормальным путем ребенка дома. Приехав в Москву, я тотчас же рассказала об этом отцу Геннадию. Не знаю, был ли батюшка лично знаком с Любушкой († 11 сентября 1997 г.), но он с великим послушанием принялся искать среди своих духовных чад врачей, которые могли бы мне помочь в домашних родах.

Вот тут-то все и началось. В течение полугода батюшку, меня и моих близких “одолевали” медики, упорно доказывая, что я обязательно погибну сама и оставлю детей сиротами, если меня не “прокесарят”. Врачи знали очень много историй из своей практики, которые заканчивались плачевно, поэтому они, из самых лучших побуждений, советовали нам отказаться от домашних родов. Отец Геннадий снова благословил меня срочно ехать к Любушке. Любушка опять мне сказала, что рожу я дома (квартира была освящена отцом Геннадием), к врачам не обращаться, и что все равно, кто будет принимать у меня роды, только не рожать в воде. Не помню, в какой из этих двух приездов Любушка спросила меня, во всех ли я покаялась грехах? Я ответила утвердительно, но тут же испугавшись, что что-нибудь забыла, попросила

ее напомнить мне мои грехи. Любушка внимательно посмотрела на меня и ничего не ответила. Впоследствии я, конечно, вспоминала еще не раз много своих нераскаянных грехов, но в основных на то время грехах я покаялась на исповеди у отца Геннадия.

Перед родами батюшка меня пособоровал, помазал живот, говоря: “Давай я и *его* помажу”. “Батюшка, почему — *его*, я девочку жду”. И батюшка, как всегда, миролюбиво сказал: “Да? Ну, ладно”. Забегая вперед скажу, что он не ошибся — родился мальчик. Но это было потом, а тогда отец Геннадий продолжал волноваться и это было так заметно, что я не выдержала, прижалась к нему как маленькая и сказала: “Батюшка, Вы не волнуйтесь, я рожу, рожу!” Когда начались у меня первые признаки родов (это было 1 июня 1990 года) я позвонила брату мужа, который сразу помчался к батюшке в храм. Служба уже подходила к концу. Отец Геннадий вынес крест. Услышав о том, что у меня начались роды, отец Геннадий повернулся к алтарю и молился прямо перед раскрытыми воротами. Я, естественно, благополучно родила дома без единого внутреннего порыва. Затем мои близкие, помогавшие мне при родах, позвонили в храм, позвали батюшку к телефону и дали мне трубку. От радости я закричала: “Батюшка, я родила!” “Люда...”, — сказал отец Геннадий и замолчал, тяжело дыша в трубку. Впоследствии я узнала от женщины, которая стояла рядом, что мой милый батюшка плакал...

ТРИ КАРАМЕЛЬКИ

Раба Божия Ольга

Однажды я угостила батюшку тремя карамельками в виде клубничек. Обернуты они были в очень красивые красные фантики. Он поблагодарил.

Прошла целая неделя. За эту неделю с кем он только ни встречался, с кем ни разговаривал, что ему

только ни дарили! И вот, спустя неделю, подходит ко мне отец Геннадий и говорит: “Оля, спасибо тебе за сладости!..”

ВСТРЕЧА

Подхожу к храму. Издалека вижу, что в воротах стоит отец Геннадий и с кем-то разговаривает. Я на них буквально засмотрелась. И вдруг, к моему изумлению и стыду, замечаю, что батюшка делает мне низкий поклон. Первый, да еще и поклон!..

ЭКСКЛЮЗИВ

Батюшку забавляло это слово. Как-то на машине мы с ним проезжали такую вывеску. Он спросил: “А что это значит, не знаешь?” Я ответила, что знала, но сейчас забыла.

Прошло полгода или больше. Мы с батюшкой случайно оказались вместе на крылечке храма. Погода хорошая, солнышко, тепло. Я размечталась. Мелькнуло в голове что-то про “эксклюзив”.

Потом вместе с ним направились в трапезную. Вошли, сели. И вдруг отец Геннадий говорит: “Оль, а что такое эксклюзив-то?” Я даже рассмеялась от изумления: “Батюшка, да что же вы, и мысли читаете, что ли?..”

ГЛАЗА СВЯЩЕННИКА

Тамара Д.

Много раз пыталась я написать об отце Геннадии, но каждый раз оказывалась бессильной найти нужные слова о нем, моем добром пастыре; только светлые и безутешные слезы лились вместо невысказанных слов.

И наконец я решила, что просто напишу о себе и своей семье: пусть сама наша жизнь свидетельствует об отце Геннадии.

Мой путь к храму был долгим. Воспитана я была в духе атеизма. Теперь, оглядываясь в прошлое, ясно вижу, насколько все могло бы быть иначе, если бы мою жизнь не оскотили примитивностью ложные кумиры. По-иному бы жили родители, по-иному бы сложились судьбы братьев, очень многого, о чем сожалею теперь, могло бы не быть в моей жизни. Я хорошо училась, была пионерским и комсомольским лидером, но помню постоянную ноющую пустоту внутри, неудовлетворенность жизнью, которую не могла объяснить и которая однажды довела меня до попытки самоубийства — самого страшного греха. Может потому, что жила во мне эта непроходящая тоска (теперь я понимаю, что это была жажда Бога в моей душе, которая тянулась к Богу из мрака атеизма, как тянется росточек из подвала к солнцу), только не допустил Бог смерти моей во грехе. И когда жизнь уже казалась беспросветной, дал мне верующего мужа. Еще десять лет отравляла нашу жизнь моя гордыня. Десять лет, словно кровь под капельницей, капля за каплей, смиренно и терпеливо, с любовью и верой, пытался муж изменить мое отравленное безбожием мировоззрение. Я чувствовала, что смирение понемногу облегчает мою мятущуюся под гнетом гордыни душу. Если сначала я оставалась на улице, когда муж входил в церковь, то вскоре стала заходить сама, со смущенным любопытством вглядываться в иконы. В семье у нас складывалось не плохо, мы были верны друг другу, к тому времени растили четверых детей. Но муж очень хотел обвенчаться. Я об этом и слышать не хотела: чтобы я, образованная и начитанная (те ли книги я читала?), да согласилась на такой обряд! К тому же оказалась некрещеной, а значит до венчания мне надо было принять крещение. Это было просто невысказанным.

Мне исполнилось тридцать три года (1990 г.), а полгода спустя всей семьей мы пришли в храм Воскресения Словущего на Успенском Вражке, чтобы

принять крещение мне самой и крестить наших детей. Муж один из нас был крещеным. Помню, как мы ждали в коридоре и я все порывалась уйти, и хмурилась, а муж удерживал меня мягко, но настойчиво. Я всегда хмурилась, когда была рядом с церковью или в церкви. Все служители казались мне неприступными и равнодушными, они справляли службу, словно не замечая людей вокруг, отстраненные какие-то, и мне казалось, что они презирают меня.

Началось таинство крещения, надо было перекреститься, рука моя словно задеревенела, я ни на кого не смотрела, во мне словно борьба какая-то происходила. Тут подошел священник: я подняла глаза и он взглянул мне — нет, не в глаза, — в самую душу: это были простые человеческие глаза, но Господи! Они все-все понимали: всю мою боль и мой стыд, и мою борьбу, и мою немощь; эти глаза жалели меня, они все мне прощали, в них было столько сочувствия и столько доброты, что рухнули все плотины во мне, весь лед безверия, что толстой корой покрывал мою душу, и освобождающий поток слез хлынул словно бы из самого моего сердца...

Это был отец Геннадий.

А потом было ощущение удивительного покоя и какой-то тихой улыбки на лице. Я наблюдала за своими детьми и удивлялась, и радовалась, как спокойны были они, словно у себя дома, как доверчиво тянулись к отцу Геннадию. Но самое замечательное было то, что вместо страха и тревоги, в сердце поселилось чувство защищенности и беззаботности: словно бы я опять была маленькой доверчивой девочкой и сидела на коленях отца, в кольце его охраняющих рук и мне нечего бояться; Отец позаботится обо мне. Главное — верить Ему.

Взглянув в глаза отца Геннадия, не поверить было невозможно. Если душа моя откликнулась на его взгляд, а он тот, кто посвятил свою жизнь служению Богу, значит это то, чего искала и к чему стремилась я всю свою жизнь.

Отец Геннадий венчал нас. За ним перешли в храм Малого Вознесения на Большой Никитской. Мы очень любили его службы. Все было удивительно по-домашнему и в то же время возвышенно, но самым трогательным было то, как отец Геннадий, обходя с кадиллом вокруг нас, прихожан, смотрел нам прямо в глаза и бесконечно добрым был этот взгляд и он объединял нас, всех верующих. Мне часто хотелось подойти и поговорить с отцом Геннадием о каких-либо житейских проблемах, но пред глубиной этого взгляда все проблемы вдруг становились мелкими, легко разрешимыми, несущественными.

Дела наши удивительно продвинулись. Девочки стали посещать воскресную школу. Общение в семье стало заметно мягче, терпимее, что ли, тише как-то, спокойнее. Вместе с христианской литературой в доме появились разговоры на неведомые ранее темы. Нам стало легче противостоять всему тому ужасному, что внедряется в нашу жизнь извне. Мы стали соблюдать посты и ощутили их благотворное воздействие. Я, совершенно неожиданно для себя (никогда даже в мыслях не было), была зачислена в аспирантуру соискателем, взяла для исследования семейную проблематику (хотя с самого начала меня отговаривали брать эту тему: “Семья — это провальная тема”, — говорили мне. Но я чувствовала, что мне важна была не защита, а то, что я могу сделать для возрождения христианской семьи в России) и, несмотря на самые неблагоприятные обстоятельства и препоны, защитилась, как говорили, блестяще и теперь имею больше возможности работать в направлении укрепления семьи.

Уже позднее я узнала, что особо чтимой иконой храма Малого Вознесения является икона покровителей супружества святых благоверных князей Петра и Февронии Муромских...

В одно из воскресений, через семь лет после того, как в нашей жизни появился отец Геннадий, девоч-

ки, вернувшись из храма, принесли печальную весть: отца Геннадия больше нет с нами... На этом снова кончаются все слова и только слезы скорби и горя вместо слов. И все же, и все же есть что-то светлое и в этой печали. Что? Может быть, это вера, что нашему доброму пастырю лучше с Тем, Кто призвал его к себе, что он испил свою земную чашу, а наше горе и скорбь — это скорбь о нас самих, что он ушел, а мы остались без него. А в утешение нам — надежда на новую встречу...

Господи, помоги нам идти теми путями, которые приведут нас к долгожданной встрече с теми, кого помним и любим.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ИСПОВЕДЬ

Раба Божия Валентина

Готовясь в первый раз к генеральной исповеди, я заранее решила, что исповедоваться буду у отца Артемия Владимирова (он служил тогда в церкви Воскресения Словущего на улице Неждановой), а после исповеди попрошу его быть моим духовным отцом.

Придя в храм, я с огорчением узнала, что отец Артемий в этот день ведет литургию и исповедовать не будет. Я расстроилась и тут же почувствовала силу, радующуюся, что моя генеральная исповедь сегодня не состоится. И поняла, что если не исповедаться сегодня, враг после не допустит меня до исповеди месяца два, а то и более. И тогда я решила все равно пойти на исповедь к исповедующему в тот день батюшке.

В храм Воскресения Словущего я ходила не часто. Да и вообще к вере пришла недавно, себя в церкви еще не нашла, а потому старалась постоянно ходить в разные храмы. И по какой-то странной причине в каждом из них мне что-нибудь да не нрави-

лось: то батюшка поет не по моему вкусу, то внешний вид у него не соответствует моим представлениям, в общем, не одно, так другое...

Но в этот храм я ходила с душой, так как очень уважала и ценила владыку Питирима.

И вот решительно подхожу к исповедующему батюшке и прошу принять мою исповедь. Он стал мне отказывать, ссылаясь на то, что время исповеди уже истекло и теперь он должен идти в алтарь, чтобы сослужить отцу Артемию на литургии. Он просил меня придти в другой раз. И опять я почувствовала вражью радость о моей несостоявшейся генеральной исповеди. И тогда я с дерзновением (а может, даже и дерзостью!) сказала священнику: “Не могу я в другой раз, исповедуйте сейчас! Вы на то и поставлены — исповедовать людей не тогда, когда вам удобно, а когда человеческая душа имеет в этом потребность! Я к генеральной исповеди подготовилась впервые, а если сегодня не исповедуюсь — враг меня не скоро опять допустит. Поэтому прошу, несмотря на Вашу занятость, меня исповедать, а иначе я от Вас все равно не отойду!..”

Видя мое упорство, батюшка махнул рукой и сказал: “Ладно, давай исповедоваться...” Весь вид его говорил о том, что долго мной заниматься он не собирается. Но мне-то было все равно — долго или быстро, лишь бы исповедь состоялась и враг от меня отступил!

Быстро прочитала по записке первый, второй, третий грех; как вдруг батюшка останавливает меня: “Погоди, а ну-ка, начни все сначала. И не просто называй грех, а объясни мне в каждом пункте, что, отчего и как произошло!..”

И вот, забыв про свою занятость, батюшка исповедовал меня сорок минут...

Так состоялось мое первое знакомство с отцом Геннадием. Придя к нему во второй раз, я попросила его быть моим духовным отцом, даже забыв в тот

момент, что хотела просить об этом же отца Артемия. На мою просьбу батюшка спросил: “А ты считаешь, что я достоин быть твоим духовным отцом?” Конечно же, я решительно и радостно воскликнула: “Да!”

После этого я не перестала ходить по разным храмам, но вот странное дело: те же самые батюшки, которые прежде мне не нравились, выглядели теперь такими хорошими, такими светлыми, что я поражалась, как сразу не могла этого разглядеть. Только гораздо позже я поняла, что таким образом Господь отворачивал меня ото всех священников, пока не дал мне *моего* духовника... Я только всегда благодарила Бога, что это событие случилось так скоро — всего через девять месяцев после моего прихода к вере...

Как-то раз мы с батюшкой ездили освящать помещение одной организации и батюшке за освящение дали деньги. С деньгами этими он поступил так: третью часть отдал водителю, который нас возил, третью часть отдал в храм, а третью часть — мне.

Мне тогда деньги были очень нужны: я хотела купить Жития Святых, но стоили они меньше той суммы, что дал отец Геннадий. Правда, и до пенсии надо было жить еще недели две, а денег уже не было. И вот батюшка дает мне деньги, я отнекиваюсь: зачем, неудобно, с голоду не умираю и т.д. А он мне на это: “Да ведь ты же книги хочешь купить!” Я удивилась: “А откуда вы узнали?” Он в ответ молчит и только как-то смиренно улыбается. Тогда я говорю: “Но ведь тут больше, чем мне на книги надо!” А он мне вопросом отвечает: “А до пенсии-то сколько?” “Две недели...” “А денег нет?” “Нет...” Тогда он говорит: “Так вот так, как я дал, и будет как раз...”

Наверное, в эту минуту я и поняла, что батюшка наш — прозорливый. Подтверждалось это потом неоднократно.

Подтверждалось это хотя бы тем, что когда в моих сложных отношениях с мамой наступал очередной кризис и я буквально не знала, что мне делать — раздавался телефонный звонок от отца Геннадия. Понятно, что узнав наши проблемы, он тут же подсказывал мне, как лучше поступить...

Однажды мы отцом Геннадием были в одной организации, где нам представили человека, прежде ни разу нами не виденного. И вот, когда мы оттуда ушли, отец Геннадий задумчиво сказал: “Какой странный этот человек... Не пойму, в чем дело, но человек этот очень опасный. Предупреди людей, чтобы были с ним осторожны и старались не иметь никаких дел!” Проходило время, а отец Геннадий вновь и вновь возвращался к этому разговору — ему до сих пор от этой встречи было нехорошо, он ждал чего-то плохого.

И вот через полгода этот человек совершил поступок, который очень подвел весь коллектив и руководителей той самой организации...

ИСЦЕЛЕНИЕ

Раба Божия Людмила

С отцом Геннадием я познакомилась 3 июня 1991 года. Я на всю жизнь запомнила этот ласковый летний день — начало Петрова поста. Но тогда я не думала о посте. Все мои мысли, терзая меня день и ночь, кружились вокруг неожиданного вынесенного мне врачом приговора: “Вам срочно нужна гинекологическая операция”.

В то время я работала в издательстве, заканчивала редактирование последней перед отпуском рукописи. Устала, но предвкушение предстоящего отпуска, благоухание цветущих подмосковных садов радовали меня.

Болезнь и операции никак не вписывались в мои жизненные планы. Последовали разные анализы, ко-

торые то не получались, то терялись, то настораживали. Подступало отчаяние. Мне рисовались мрачные картины, я с горечью думала о том, что будет без меня с моими родными: с сыном, с мужем, с матерью — здоровье у нее слабое...

3 июня я узнала, что мои главные анализы — на биопсию — не получились. Врач сказал это неуверенно, видимо, щадя меня, и я, измученная, с грустью вспомнила, как “не получались” анализы у моего умирающего свекра. В таком мятущемся состоянии я вошла в храм Воскресения Словущего.

В храме шла вечерняя служба, и я увидела довольно молодого, крупного, по-русски красивого священника с очень добрыми ясными глазами и необыкновенно приятным голосом. Весь облик его излучал какое-то непонятное мне тогда спокойствие. Священник вел службу, а я стояла у иконы Святителя Николая.

После службы я услышала, что прихожане называют батюшку отцом Геннадием и подошла к нему. Он внимательно выслушал мой рассказ о предстоящей операции, согласился соборовать меня и причастить, но велел как следует подготовиться к исповеди, испытать свою совесть, а не оправдывать себя.

Со страхом и волнением пришла я на первую в своей жизни исповедь. Это было 5 июня 1991 года. Жизнь моя была под угрозой, и покаяние было искренним. Слушая меня, отец Геннадий качал головой и несколько раз повторил: “Плачьте”. По ходу исповеди он задавал вопросы, и я чувствовала, что, отвечая, выворачиваюсь наизнанку. Теперь я с благодарностью думаю о том, что без этих вопросов, вскрывающих корни моих грехов, мое покаяние не было бы спасительным.

А вечером того же дня отец Геннадий соборовал меня, несмотря на чудовищную усталость. Помогала ему милая девушка Наташа, работавшая в храме. Никогда я не испытывала такой легкости, как в тот

день, после причастия и соборования. Как будто сквозь бесконечную нависшую тучу наконец прорвалось солнце. Домой я буквально летела на крыльях, до конца не сознавая, что испытываю радость освобождения от греха.

А дома у меня началось сильное, очень темное кровотечение. Но я не испугалась, наоборот, появилась уверенность, что болезнь отступает. Так продолжалось сутки. 7 июня я легла в больницу. Опытный врач, наблюдавший меня несколько лет, пригласил заведующую отделением. Она первая осмотрела меня и сказала, что не находит ничего страшного, и можно обойтись без операции. Стал смотреть лечащий врач и удивленно сказал: “Я ее неделю назад смотрел, картина была совершенно иная!”

На следующий день удивительным образом нашлись мои “не получившиеся” анализы на биопсию. Они говорили о том, что я здорова, и меня выписали домой.

Окрыленная, я побежала в храм рассказать Батюшке о случившемся и поблагодарить за чудодейственные молитвы, но слезы радости мои вдруг стали слезами боли — в тот день, когда я легла в больницу, у отца Геннадия случился сердечный приступ и его на “скорой” отвезли в реанимацию...

Говорят, враг рода человеческого мстит за каждую спасенную душу. Если так, то болезнь Батюшки была оборотной стороной того чуда, которое случилось со мной по его молитвам. Это был жертвенный пастырский подвиг, — и это был обычный образ его жизни. Он всех утешал, всем помогал, за всех молился. Число его духовных чад стало таким огромным, что он не выдержал.

Молитвы отца Геннадия помогали мне в самых безвыходных обстоятельствах. Однажды я сказала: “Бог вас слышит”, но он сразу перевел разговор на другое. Он всегда избегал благодарностей и похвал.

Часто, идя на исповедь, я записывала свои грехи и возникшие вопросы, но задать их, как правило, не

приходилось: в общей проповеди в начале исповеди он отвечал именно на мои вопросы. Это удивляло меня, но и укрепляло в вере.

Он никогда не относился к исповеди формально. Он говорил: “Вспомните, как в детстве мы хватались за мамину юбку и, плача, каялись в том, что натворили! Именно такого покаяния ждет от нас Господь”.

В Батюшке трогательно сочетались крупное телосложение и детская чистота. Однажды, поздравляя с праздником Успения, он рассказывал об облике Божией Матери, Ее страданиях и кресте, и вдруг голос его дрогнул и на глазах выступили слезы.

Как-то раз на исповеди я покаялась в грехе гнева, призналась, что не могу подавить гнев, потому что со мной поступили несправедливо. Отец Геннадий выслушал меня и сказал: “Да, действительно несправедливо. Но мы — христиане. И значит, должны терпеть несправедливости так, как терпел их Христос. Иначе мы христиане только на словах. В Евангелии сказано: “Претерпевый до конца — спасется”.

Эти слова, такие простые и мудрые, я помню всегда.

Я вспоминаю светлые моменты общения со светлым человеком, которые, по великой милости, дал мне Господь. Я вглядываюсь в лица людей, которых отец Геннадий, любя, объединил в духовную семью. Мне нравятся эти лица. Мне дорого их желание сохранить все, как было при отце Геннадии. Своды храма, который он восстановил буквально из руин, излучают его тепло, и мне кажется, что я до сих пор слышу здесь жизнеутверждающий голос пастыря Христова — незабвенного нашего отца Геннадия...

ТАЛАНТ ЖАЛЕТЬ

Зоя Боярская

Отца Геннадия я увидела и услышала где-то в восемьдесят восьмом году, когда начала ходить в храм Воскресения Словущего в Брю-

совском переулке. Детей было много, я часто опаздывала, но он меня всегда жалел. У него вообще был замечательный талант — жалеть.

Я очень хотела привести к вере и своего мужа. Жили мы тогда в коммунальной квартире, я часто жаловалась на свои условия отцу Геннадию. А он всегда советовал мне молиться святителю Спиридону Тримифунтскому, которого очень чтит и который помогает особенно в устройении домашней жизни. И чудо совершилось: соседке предложили квартиру и она в нее поехала, хотя до того упорно отказывалась куда-либо двинуться. И для мужа моего это было таким потрясением, что он решил креститься.

Крещение его произошло в день его ангела и это тоже было замечательным совпадением. Теперь мы стали ходить в храм уже всей семьей. Батюшек тогда в храме Воскресения Словущего было несколько, и все были к нам предельно внимательны.

Я хотела, чтобы мы повенчались, но супруг поначалу отказывался: ему было уже шестьдесят два года и он говорил, что в таком возрасте венчаться просто стыдно. Я просила отца Геннадия помолиться о нас — и вскоре муж согласился на венчание. Но поставил условие, чтобы в храме, кроме нас, никого не было. Я сказала об этом батюшке, он ответил: «Будем молиться». И действительно, на нашем венчании были только наши дети и двое близких друзей.

В силе батюшкиной молитвы я убеждалась не раз. По его благословию мы с мужем помогали людям в разных квартирных обменах. Как только возникала тупиковая ситуация, мы шли к батюшке. «Давайте молиться, — всегда отвечал он. — Будем молиться святителю Спиридону...» И ситуация обязательно разрешалась.

Вспоминается такой случай: у моего друга юности, верующего человека, отец, бывший военный, был настроен против Церкви. Надо было случиться, что он упал, сломал ногу и никак не мог поправиться.

Тогда друг попросил отца Геннадия побороть его. Отец Геннадий исполнил просьбу. Человек этот пошел на поправку, выздоровел, стал ходить без костылей. Но самое главное, может быть, — изменилось его отношение к Церкви, к вере.

И еще один эпизод. Мою дочь на остановке сбил автобус. Произошло это по невнимательности водителя. Она попала в 1-ю Градскую больницу. Батюшка приходил к ней исповедовать ее и причащать, соборовать. Потом к ней в палату пришел следователь. Оказывается, на водителя было заведено уголовное дело и нужны были для следствия ее показания. Но она наотрез отказалась их давать, сказав, что во всем виновата сама. К тому же она знала, что у водителя только что родился ребенок.

Когда я рассказала об этом батюшке, он проследил и сказал, что все у Лизы будет хорошо. Так оно и произошло, она учится уже на втором курсе университета.

А сейчас я хочу описать последний вечер жизни батюшки, как я его помню. Я была последней в тот вечер у него на исповеди, время было очень позднее, я видела, что батюшка бесконечно устал. Я предложила придти и исповедаться завтра, но он сказал: «Нет, Зоя Федоровна, давай сейчас». По имени-отчеству он называл меня очень редко, и это меня как-то немножко смутило.

Во время исповеди он вдруг заплакал. И тогда заплакала я — от сознания своего несовершенства, своего окаянства. Он очень долго держал свои руки на моей голове, мне казалось, это было бесконечно.

Домой я шла с облегчением, радостная. Время было позднее, половина одиннадцатого вечера. А сын еще не пришел из алтаря. Тогда я вернулась в храм. Батюшка сидел бесконечно усталый и ждал шофера, который куда-то запропастился. Я хотела бежать, ловить какую-то машину, но батюшка сказал, что надо еще чуть-чуть подождать.

В это время из алтаря вышел мой сын, тоже уставший. Батюшка поднялся ему навстречу, наклонился, обнял, что-то сказал. Оказывается, он благословил его придти завтра на службу во что бы то ни стало, даже пропустив занятия в школе. Ведь на завтра было Благовещение...

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Елизавета Дорошаева

Близилась ночь. Наутро нам предстояло проститься с нашим дорогим батюшкой Геннадием до того времени, когда Господь призовет нас... А сейчас он лежал в массивном белом гробу посреди храма, подчиняя себе в эти последние часы жизненный ритм людей, пребывающих с ним рядом.

Возле гроба, сменяя один другого, служили панихиды и литии по усопшему батюшкины друзья — священники столичных и подмосковных храмов. А мы, осиротевшие чада его, исповедовались в приделе, посвященном святому Прокопию Устюжскому, чтобы за утренней литургией в последний раз причаститься Святых Христовых Таин в присутствии своего доброго пастыря.

Почти все уже разошлись, лишь два тоненьких ручейка исповедников текло к аналоям, у одного из которых принимал исповедь иерей Олег, у другого — иеромонах Глеб. Исповедавшись, я стояла на коленях, слушая покаянные каноны, — их читали в очередь алтарники. От гроба доносились молитвенные возгласы батюшек и негромкие вздохи хора: «Господи, помилуй!» Слезы, не переставая, струились из моих глаз, и чувство сиротства, чувство тоски готово было уже пленить меня, как вдруг, не помню, в какой момент, все во мне дивно преобразилось — мою душу заполнило ощущение Пасхи...

Те, кому доводилось бывать на ночном пасхальном богослужении, возможно, знакомы с этим, ни на

какое иное не похожим, ощущением, — ощущением, когда Господь становится реально близок и общение с Ним реально, когда наша слабая вера вырастает до Веры с большой буквы и дотолпе едва теплившаяся в нас слабая надежда возгорается до уверенности, что Царствие Божие уготовано и тебе лично, — словно Страшный Суд уже позади, и ты прощен. И любовь к Всемиловитому Господу затопляет тебя, расплавляет все в тебе и тебя в себе, пока, наконец, твое ликование, твой восторг не сменяются блаженным умиротворением.

Это чувство, сугубо пасхальное, окрыляет тебя на все последующие дни Светлой седмицы, дает второе дыхание, усталость отступает от тебя, словно бы не было Великого поста, долгих его служб и бессонной праздничной ночи...

Нет, нет! — пугаюсь я своей черствости. Гроб в центре храма, скорбные напевы литийной службы, заплаканные лица вокруг. И вдруг — Пасха! Может, это наваждение или галлюцинация от пережитого? А может это оттого, что все залито светом центрального паникадила, как в праздник, или от ночной непрерывной службы, ночной исповеди и обилия цветов, как бывает на Пасху?

Но вот погашено паникадило. Почти опустел храм. А ощущение Праздника не покидает меня. Сейчас я приступлю к своим обязанностям — буду в оставшиеся до утренней службы часы нести послушание, данное мне отцом Геннадием еще под сводами полуразрушенного храма, каким он достался пять лет назад нашему батюшке, — буду из вороха цветов: роз, гвоздик, хризантем, которые принесли дорогому пастырю его чада и друзья, составлять букеты и украшать ими солею, храм.

Мне жаль, что я не могу вместе с другими стоять до утра у гроба и молиться. Проходя мимо, я задерживаюсь возле него и в который уже раз прикладываюсь к добрым, большим рукам незабвенного ба-

тюшки. Эти руки будут центром притяжения всю ночь для всех находящихся в храме. Люди станут припадать к ним и молиться, припадать и плакать; прикладывать иконки, просто подолгу смотреть на них, стараясь запечатлеть их в памяти на всю жизнь. Я прижимаюсь щекой к дорогим этим рукам — они все еще теплые! — и в ушах моих звучит мягкий, певучий голос батюшки: «Ты только не сомневайся!» — слова, сказанные мне незадолго до его смерти. И во мне, как в пасхальную ночь, крепнет вера, что и я спасусь, что батюшка отмолит теперь и меня, грешную...

Синева за окном разжижается. Все чаще хлопают входные двери. До утренней службы еще далеко, но храм начинает заполняться людьми, пришедшими задолго до нее, чтобы неспешно, без суеты проститься с батюшкой.

В храме полутемно. Тускло светят настенные светильники, да дрожат огоньки свечей. Я словно из сказки переносусь в явь. И слова: «Помяни, Господи, душу усопшаго раба Твоего!», много раз звучавшие за прошедшую ночь, но как бы до меня не доносившиеся, — эти слова теперь звучат громко, заполняют весь храм.

Праздника больше нет, вместо него — только покаянный плач перед Господом, перед батюшкой, только исповедь. «Укрепи, поддержи!» — взываю я ко Господу. И чувствую, как из глаз вновь начинают катиться слезы. Кто их теперь осушит? Кто крепко обнимет меня, накроет мою бедную голову епитрахилью и найдет единственно для меня утешительные слова?..

Сейчас отслужат литургию, батюшку отпоют, и он отправится в последний путь из храма, под крышей которого собрал и пригрел всех нас, таких разных, таких непохожих, почти несовместимых в мирской жизни людей. Сколько сил положил он, спасая меня от бесовской напасти, сколько молитв вознес обо мне,

окаянной, к Богу, — и наставил, напитал словом Истины, насколько я смогла вместить в себя по духовной своей немощи.

Праздник кончился, но надежда осталась. «Батюшка Геннадий, ты только молись о нас! — прошу я. — Ты только не оставляй нас!» И ловлю себя на том, что впервые обращаюсь к своему духовному отцу на «ты», как обращаются обычно к святым...

А позже выяснилось, что не одна я пережила в ночь прощания с любимым батюшкой пасхальную радость. Еще несколько человек рассказывали, что и они ощутили подобное чувство...

ПРОВОДЫ ДРУГА

Валентина Толкунова

С отцом Геннадием я, к сожалению, знакома была недолго.

Мы очень дружили с писателем Станиславом Романовским, человеком-романтиком. Он прекрасно знал историю России, почитал все обычаи, имена и даты нашего прошлого; как верующий человек знал и старался исполнять учение наших святых отцов Православия. Он знал наизусть историю всех церквей — особенно церквей кремлевских — и конечно же, ходил в храм Малое Вознесение к отцу Геннадию.

В 1996 году Стас умер и отец Геннадий его отпевал. И я, всегда до того боявшаяся смерти и обряда прощания с ушедшим человеком, будучи на похоронах и на отпевании, увидела вдруг, с какой братской любовью, неземной теплотой и даже нежностью провожал в дальнее странствие моего друга отец Геннадий.

Именно тогда я поняла, почувствовала, что здесь, на земле, мы все — временно живущие и что там, куда мы провожали Станислава, есть своя жизнь — Вечность!

Никогда раньше я не видела таких похорон и такой любви пастыря к уходящей человеческой душе, а ведь момент был трагичен и печален...

Потом я сама стала ходить к отцу Геннадию на исповедь и причастие. Он давал мне много нужных и действенных советов, утверждал меня в сознании нужности, важности веры и молитвы.

Всего несколько раз мне пришлось быть на службе в Малом Вознесении, и ангельский женский хор, певший тихие сосредоточенные молитвы, успокаивал и думалось, что так будет долго...

И вот мы, дети этого светлого и шумного мира, вдруг оказались без руководителя, без пастыря, без отца. Случилось то, о чем никто из нас старался даже не думать.

На отпевании и похоронах отца Геннадия было огромное количество народа: казалось, вся Большая Никитская прощалась с редким человеком, который еще при жизни видел свет Вечности...

КРОТКИЙ БОГАТЫРЬ

Отец Александр

и матушка Галина Мусиенко

...**М**ы познакомились лет десять назад. Одна женщина-москвичка, часто бывавшая в Бердянске и подолгу там жившая, как-то сказала: «К вам приедет замечательный человек, священник из Москвы...» И мы стали готовиться к встрече.

Сначала приехала матушка Елена с сыновьями Сережей и Пашей, а чуть позже — и сам отец Геннадий. Для нашей провинции такой визит был целым событием — свежий поток информации, столичные новости... Наша младшая дочь, Даша, была еще маленькая, и отец Геннадий очень любил брать ее на руки.

Святые отцы учат нас, что можно много молиться и поститься, но если при этом не иметь любви к

людям, то все равно не сможешь спастись. Отец Геннадий был удивительным человеком. Удивительным в том смысле, что этой любовью он обладал с избытком. Бывало, уже сдружившись, мы с нетерпением ожидали его очередного приезда к нам. А дождавшись, порой жаловались на кого-нибудь, делились своими обидами. И что же? Реакция отца Геннадия была всегда одна и та же: «Брат ты мой!.. — говорил он, сокрушенно качая головой. — Да ведь он хороший человек. Хороший, может, просто немного ошибся...» Потому что во всех, в каждом он видел прежде всего хорошее.

Каждый его приезд для нас был настоящим праздником: ждали сначала его звонка, потом самого приезда, возили на Косу, где он любил отдыхать. Вся жизнь наша сразу наполнялась радостью — это была радость его жизнелюбия, и к этой радости приобщались все мы.

Отец Геннадий был и очень тонким человеком, мир он видел глазами художника. Порой, идя на этюды, выбирал в качестве объекта какой-то совершенно невыразительный на первый взгляд кусок берега, куст, пригорок. И вдруг, от его взгляда, место это буквально расцветало; красота, содержащаяся в нем, скрытая в глубине, внезапно проявлялась и мы с удивлением спрашивали себя: «Да наши ли это места? Наш ли это берег?..» Отец Геннадий, как истинный художник, помогал нам увидеть и понять красоту вокруг нас.

Скромность его всем известна. Придя в наш храм, он никогда не проходил в алтарь, а становился возле двери, вместе со всем народом, и сосредоточенно молился. Конечно, его тут же замечал кто-либо из священников и приглашали в алтарь для сослужения. И весь наш храм как бы наполнялся светом. Любили его у нас все. И каждая бабулечка-прихожанка считала для себя счастьем взять у него благословение, постоять рядом с ним, прикоснуться к нему...

Батюшка одной рукой получал, а другой раздавал — это тоже все знают. Помним, как-то поехали вместе с ним в Донской монастырь и там покупали книги. Батюшка тоже купил для себя несколько книг, одна была очень дорогая. Но стоило нам как-то обратить на эту книгу внимание, как он тут же, почти силой, заставил нас ее взять. Библиотека у нас, по провинциальным понятиям, неплохая. И книг восемьдесят в ней — подарены отцом Геннадием.

Когда мы получили весть о его кончине — потрясены были, конечно, до глубины души. Тут же позвонили матушке Елене, позвонили со слезами, — и вдруг услышали на том конце провода спокойный ровный голос и почти увидели, как она, улыбаясь, отвечает нам: «Все хорошо, не плачьте. Все хорошо. Я чувствую, что отец Геннадий меня не оставил...»

Потом мы приехали, впервые после его смерти, к нему домой. Подходили к дому с волнением: как войти туда, где раньше все было им заполнено, а теперь его нет? С трепетом вошли — и изумились: он был, присутствовал в своем доме, он как будто никуда из него не уходил.

Потом, впервые после батюшкиной смерти, летом девяносто седьмого к нам приехала матушка с Сережей. Мы думали перед их приездом: как все теперь будет? Как обходить все те места, которые он так любил, и которые уже никогда больше не обойдет?

И что же? И там он был вместе со всеми нами, и там он присутствовал, и это его присутствие ощущалось ясно.

Мы знаем, что с одинаковым вниманием, с одинаковой любовью встречал он в жизни и владык, и нищих старушек. И нас, людей с периферии, он встречал с той же любовью, с какой открывал двери своего дома высокому церковноначалию. Сколько у нас его фотографий — и на всех он кроткий, смиренный «десятиклассник», а не знатный московский протоиерей.

Каждый раз, когда он приезжал, он сослужил в окрестных храмах, освящал дома и квартиры, исповедовал, причащал и соборовал. От него первого мы узнали, что после соборования болящий человек либо выздоравливает, либо отходит. Так и произошло с нашим дедушкой, которого соборовал отец Геннадий: буквально через неделю после этого таинства он мирно отошел ко Господу...

Почтение к каждому человеку проявлялось у него во всем. Даже переписываясь с нашей младшей дочерью, Дарьей, он никогда, в ответ на ее вопросы, не диктовал и не навязывал своего мнения. Форма его ответов была самая мягкая: «Мне кажется, это так... А впрочем, ты решишь, конечно, сама...» И даже когда она была маленькой девочкой, он величал ее в письмах: «Уважаемая Дарья Александровна!..»

Мы, конечно, по своим немощам, часто ему жаловались на искушения, на скорби. А ведь у него-то этих искушений и скорбей было намного больше! И ни разу, ни разу он не открыл нам ничего из своих тягот — переносил все тяжелое в одиночку, а с окружающими людьми делился только радостями. И когда мы это, наконец, осознали, нам было очень неловко за все наши жалобы...

Люди к нему тянулись, достаточно было увидеть его один-единственный раз. Даже сейчас многие неверующие люди до сих пор спрашивают нас о нем, не зная о его кончине. Люди тянулись к его жертвенности, к его милости, — а ведь милость и жертвенность — это, наверное, самые необходимые качества в человеке и особенно — в пастыре.

Его смерть — великая и невосполнимая потеря для нашей семьи. И все же мы ощущаем, что теперь у нас появился молитвенник там, на Небе. И за чудо общения с ним мы благодарны Господу. А подобных людей после его кончины (да и при его жизни) мы больше не встречали. Может быть, и есть они — но нам не встретились. Впрочем, наверное, хватит и

одного такого примера, чтобы уподобляться ему и идти его путем.

Никогда батюшка не был озабочен своим внешним видом. Однажды, мы как раз гостили у них в Москве, батюшка должен был идти на прием к Лужкову. Оделся, собрался. И тут вошла матушка, оглядела его: «Отец Геннадий! Да у тебя же на рубашке одной пуговицы нет! Ты хоть понимаешь, к кому идешь? Смени рубашку или, давай, я пуговицу пришью!» А батюшка только отмахивается: «Да что ты! Некогда! Да и неважно это все!..» Так и уехал на прием к мэру Москвы...

Знали и любили его все. Куда бы мы ни приехали — в Муром, в Дивеево, в Оптину — везде его знали. Помнится, как-то давно, много лет назад, мы приехали в Донской монастырь по каким-то делам вместе с отцом Геннадием. И услышали о нем короткий диалог двух матушек, служащих в канцелярии монастыря: «Отец Геннадий? Да кто же его не знает! Кто же его не любит!..»

Русский богатырь, смиренный, кроткий и вселюбящий — таким он остался в нашей памяти.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Раба Божия Нина

Я познакомилась с батюшкой в храме Воскресения Слоущего в 1989 году. С этого времени он стал моим духовником. Главные его качества были — мудрость, милосердие, доброта.

В 1990 году у меня умер брат, мама выбросилась из окна, остался в живых папа, у которого была нарушена психика. Я хотела поместить его в больницу, но батюшка меня на это не благословил. И все же я не послушалась, отправила папу в больницу — и через неделю буквально он умер от простуды: была осень, от холода обострилась болезнь почек.

Вспоминаю такой случай: супруга нашего сторожа, будучи беременной, решила поехать в Ленинград

на машине со своими друзьями. Батюшка не благословлял ее и даже предостерегал от поездки. Она этим предостережениям не вняла, поехала и... погибла в аварии.

С 1991 года отец Геннадий стал настоятелем храма Вознесение Господне (Малое). Интересно, что он не только служил и исповедовал, но порой переставлял подсвечники в храме, а однажды даже сам вымыл пол...

Я хочу принести ему низкий поклон за то, что помог мне выжить в 1995 году, году великой для меня скорби, когда мне казалось, что я или сойду с ума, или вообще уйду из жизни...

О смирении батюшки вспоминаю такой случай: храм только начал восстанавливаться, трапезная была временная, тесная. Однажды он вошел в трапезную, но все места были заняты, все уже давно ели, и ему места никто не догадался уступить. Он безропотно вышел из трапезной, и пристроился на досках, лежащих у входа в храм. Ему вынесли обед, там он и поел...

Все знают, что подарки, которые дарили ему, он тут же старался кому-то передарить. О себе он совсем не думал, и я даже как-то раз сказала ему: «У вас есть большой грех». Он спросил: «Какой?» «Вы совсем не думаете о своем здоровье». Ведь иногда исповедь после вечерней службы заканчивалась около 12 ночи. Были случаи, когда он после утренней службы, не пообедав, не отдохнув, начинал вечернюю.

Я никогда не слышала, чтобы батюшка хоть кому-нибудь ответил: «Мне некогда». Каждого он выслушает, успокоит, даст совет, на все вопросы ответит. Одна прихожанка даже спрашивала у него: «В какой храм мне завтра пойти?» (в нашем храме в тот день не было службы)...

Когда батюшки уже не было с нами, кто-то сказал мне, что если его о чем-то попросить, то желание исполнится. В тот момент я не придала этим словам значения.

Но вот наступил мой день рождения. Я пошла на прогулку, как всегда, одна, а когда уже подходила к дому, вдруг мысленно обратилась к батюшке: «Батюшка, у меня день рождения, а я совсем одна. Если можешь, умоли Господа, чтобы послал мне маленькую нечаянную радость!..»

Как только я подошла к двери квартиры, услышала у себя телефонный звонок. Я подбежала. Меня тепло поздравляли друзья с моим днем рождения. Еще не успела я закончить разговор по телефону, как раздался звонок в дверь. Я открыла. На пороге стояла соседка с пирогом. Она пришла поздравить меня. Вот и все...

ПЛАМЯ ВЕРЫ

Сергей Федоров

Кажется, это было в 94 году, когда мы с товарищами работали в Свято-Даниловом монастыре. Отец Геннадий обратился тогда ко мне с просьбой о написании иконостаса. Желание-то у него было давно, но такое дело нельзя осуществить сразу: эта громадная работа требует много времени и сил, требует немалых средств. Но вот, именно в 94-м, такая возможность появилась, и от него поступило это предложение. Тогда же мы договорились о написании иконостаса. Он задуман был трехярусным: конечно, неизвестно, будет ли он таковым, но вот два яруса уже существуют...

С отцом Геннадием я познакомился довольно давно. Первый раз мы встретились в очереди у духовника, в Троице-Сергиевой лавре. Открылась дверь, от духовника вышел большой человек (просто огромный, как мне тогда показалось), подошел ко мне, поздоровался и пригласил меня в гости. Тогда его еще звали просто Геннадий. Оказывается, совет этот — пригласить меня в гости, он получил у духовника и вот — сразу его исполнял.

Хотя знакомы мы с ним до этого не были, приглашение это было очень приятным для меня; поэтому уже через день или два я приехал к нему в его гостеприимный дом с тенистым садом.

У него была удивительная способность сразу становиться другом. Сразу и навсегда. Причем он так располагал к себе всех без исключения людей, так открывал собственное сердце, что никогда ни у кого не возникало вопроса: «А почему этот человек должен быть моим другом? Почему я должен быть его другом?» Нет, ты сразу как-то чувствовал, что вы с ним друзья и друзья настоящие.

Когда я приехал к нему в тот первый раз, у него собралось очень много людей. Из всех я знал только двоих: своего духовника и самого отца Геннадия. И, тем не менее, я вовсе не чувствовал себя чужим! Наоборот: все сразу стали мне знакомыми и близкими. Была у отца Геннадия такая черта: среди тех, кого он собирал, никогда не было чужих; точнее сказать, чужие быстро становились своими.

Ведь он тогда еще и не был священником, а у него уже было какое-то удивительное свойство, которое помогало всем нам как-то успокаиваться среди этих житейских волнений, умиряться, радоваться, будучи возле него...

Следующий этап нашего знакомства — это время, когда отец Геннадий учился в лавре — в Семинарии, а потом в Академии. Нельзя сказать, что учеба давалась ему легко: приходилось соединять многие концы, приходилось и о семье не забывать. Но внутренняя собранность, которая, кстати, тоже была его отличительной чертой, помогала ему учиться. А еще помогала жажда все время что-то узнавать. Он часто заходил к нам в иконописную мастерскую, где мы работали тогда с отцом Зиномом. А когда заходил, то порой брал в руки кисточку и пытался минут за сорок написать икону. Смотреть на эти опыты было довольно любопытно: огромный человек с огромными руками

держит в этой огромной руке малюсенькую кисточку и, в общем-то, умело старается что-то написать...

Мы часто разговаривали с ним. Разговаривать с ним было интересно: он был человеком широких взглядов, был начитан в области мирового искусства, архитектуры. Он вообще был человеком широким, это позволяло ему принимать одинаково любого человека, к нему приходящего. И приходящего не обязательно за помощью, а просто — приходящего. Когда мы сидели на верандочке его дома, то проходящие по улице люди останавливались, обращались к нему. И он отвечал, подходил к ним, утешал, помогал. Все его разговоры с людьми сводились, в сущности, к одному: он напоминал человеку о терпении, о смирении (то есть о чисто-духовных вещах), он тут же старался просветить человека светом Истины... И всегда старался обратить человека к Церкви, к храму.

Все мы знаем, что люди приходят в храм чаще всего по негативным причинам: от беды, от скуки. А отец Геннадий заражал своей духовной радостью. Он как бы звал в храм своим духовным оптимизмом. И этот огонь, который от него исходил, зажигал в душах людей искорку. Пусть маленькую, пусть слабую, но именно эта искорка помогала им спустя время зажечь в себе пламя настоящей веры.

Отец Геннадий был человеком творческим. И потому привлекал к себе множество художников, музыкантов, поэтов. И это тоже можно назвать его особенностью.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Вячеслав Репин

I

Летом 1995 года, после десяти лет, проведенных во Франции, мне удалось разыскать в Москве своего давнего друга, М.Б., с которым судьба разминула нас годы назад. Знакомые удружи-

ли мне номером телефона, позвонив по которому, я обнаружил, что М.Б. живет от меня через двор. Через пять минут мы встретились на ближайшем перекрестке и проговорили полночи. Уже светало, когда мы прощались на пороге московской квартиры М.Б.

— Приходи утром в *наш* храм, — внезапно предложил он.

Было как раз утро, и я думал об одном — как добраться до своей постели. Утренняя свежесть московских улиц, так хорошо мне помнившаяся по старым временам, типичная для континентального климата, была ощутима даже в комнатах и казалась будоражащей. Проспать такое утро?.. Взвесив все за и против, я пообещал прийти через пару часов...

Подернутые нежно-розовым заревом фасады зданий, запахи сырости, которыми дышит на прохожего каждая московская подворотня, аромат кофе, вырывающийся из дверей уже открытого кафе — такой мне запомнилась Большая Никитская, когда около девяти часов я пришел в то утро к церкви на назначенную встречу.

На тротуаре перед оградкой отреставрированного старинного храма, мимо невзрачных, покосившихся стен которого я ходил много лет, мой заново приобретенный друг дожидался меня в обществе рослого священнослужителя, облаченного в черную рясу, крупное правильное лицо которого с характерным морщинистым лбом, с седой бородой и внимательными, ласково-испытующими глазами показалось мне до странности знакомым...

Позднее, многие из тех, кто приходил со мной в храм Малого Вознесения — моя сестра, покойная мать, отец, двоюродная сестра, шурин, племянники — все мы, вспоминая свое первое впечатление от прихода в этот храм и от знакомства с его настоятелем, который для большинства из нас стал духовным отцом, делились между собой тем же наблюдением. С первой же встречи с отцом Геннадием возникало чувство, что знаешь этого человека уже давно.

Отец Геннадий становился близок мгновенно, в тот самый миг, когда впервые обращаясь к человеку как батюшка, он по-отцовски называл его крестным именем...

II

Когда отец Геннадий служил литургию, меня охватывало непроизвольное опасение за него, при виде усилий, которые он делал над собой, совершая богослужение. Эти усилия были всегда заметны на его лице. Я никогда не мог понять, что с ним происходит, отчего он задыхается. От трепета и волнения, которые он испытывал, неся послушание пастыря? От соприкосновения с тем, что он считал для себя священным? От переполнявшей его внутренней энергии? От желания дать своей пастве всего себя, дать больше, чем он может, чем хватает его сил, физических и душевных?

Особых минут было много. Сколько затаенного удовольствия я испытал, иногда заходя в храм по вечерам, когда в полутьме правого придела можно было застать молчаливую горстку прихожан. Это означало, что отец Геннадий еще исповедует. Со стороны можно было наблюдать за его жестами, за напряженным выражением лица, всегда в испарине, за тем, как, едва исповедующийся закончил перечисление своих грехов, отец Геннадий спешил встать рядом с ним на колени и взволнованно молился, с огорчением, сокрушенно, — видеть это было невыносимо. Исповедь в Малом Вознесении длилась всегда допоздна. Последние прихожане выходили на улицу перед консерваторией, когда она становилась безлюдной и была погружена в полумрак. Трудно было не поражаться выносливости нещадящего себя батюшки, его способности исповедовать часами, вникать в жизни людей, в мир каждого человека, который, даже в единственном числе, необъятен и ока-

зывается несносным бременем чуть ли не для каждого из нас самих. Способность отца Геннадия к самоотдаче мне казалась феноменальной. И все это были будни его жизни!..

Однажды зимой на мой парижский адрес пришло письмо с фотографией отца Геннадия, на которой он был запечатлен перед своим храмом, в окружении детей из воскресной школы, среди которых была моя племянница. Дети были одеты в зимнюю одежду — в шапках, валенках, гетрах. Отец Геннадий был в одной рясе, с непокрытой головой. И та же ласковая улыбка! То же обескураживающее выражение доброты в глазах! Мне даже показалось, что в его лице было что-то наивное, что-то такое, что делало его похожим на стоявших рядом детей.

Окантованная и вывешенная на стене моего домашнего кабинета, эта фотография постоянно привлекала к себе внимание моих гостей. Русские знакомые обращали внимание на снег, лежавший на улице перед храмом, на светлый, красиво отделанный вход. Мои французские друзья удивлялись правильным лицам московских детей и “богатырскому” виду русского батюшки. Все неминуемо начинали о нем расспрашивать. Я неминуемо начинал рассказывать все то, что мне было известно об отце Геннадии, стараясь не скомпрометировать достоверность своих сведений чрезмерным рвением, которое я не мог не испытывать перед возможностью засвидетельствовать свою сопричастность с чем-то редким, с чем-то, по сути дела, ошеломительным. Почему ошеломительным — я и сам не всегда мог объяснить. Но вполне очевидно, что жизненный путь отца Геннадия, который он начал как художник и который привел его к служению Церкви, не мог не впечатлять, не мог не будоражить воображения. Ведь такая судьба непременно вздымает в нас вопросы о своей собственной судьбе, или даже пробуждает затаенные мечтания, реализовать которые нам оказалось не под силу...

III

В Париже был пасмурный апрельский день, когда однажды вечером мне позвонили из Москвы — мой московский родственник, — чтобы сообщить о том, что отца Геннадия не стало. Батюшка ушел из жизни в день Благовещения.

Первое чувство, которое я испытал, было — я уверен — банальным. Меня охватил эгоистичный помысел о том, что я не успел перед отцом Геннадием во всем покаяться. Вторая мысль была о близких отца Геннадия. Отныне они были обречены жить с ним, но с невозполнимой потерей, будучи лишены его физического присутствия. Затем я не устоял и перед чувством некоторого отчаяния.

Как? Зачем? Почему?.. Почему безвременный уход из жизни является уделом лучших? Почему Всевышний, раз Он действительно имеет в отношении нас благие намерения, вдруг лишает нас такой опоры? Какой смысл в этом, спрашивал я себя? Есть ли смысл вообще в подобных жизненных уроках?

Перед фактом ухода из жизни близкого человека блекнет все. Все мгновенно кажется мелким, даже то, что минуту назад казалось нам главной целью нашей жизни. Это несомненно является одним из самых убедительных нравочений, которые каждому из нас дано прожить на своем веку не один раз. Меня преследовало даже не сожаление, а чувство стыда — за то, что мне не удастся пережить это событие так, как того требует сердце, а кроме того, мучила неотвязная, подстегивающая мысль о том, что времени нет ни на что, что все в жизни происходит именно сейчас, именно сегодня, а не когда-нибудь — не потом, не завтра, как нам часто чудится. И уже по этой причине абсурдно откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, особенно все то, что может наполнить смыслом жизнь наших близких. Разве смысл — это не единственное, что мы можем дать друг другу по большому счету?

Ночью, лежа в темноте, я думал о том, что глупо чувствовать себя сиротой, навязывая себя в “дети” человеку, у которого таких детей как я был целый приход, и что, в конце концов, не следует драматизировать свое положение: отныне отец Геннадий с каждым из нас навеки — не с толпой, а именно с каждым наедине.

И действительно... Наступает новый день. Как и день назад восходит солнце. Городские улицы опять полны утренней свежести. Над тротуарами опять бродит аромат кофе. В булочных опять продают свежий хлеб, в киосках — свежие утренние газеты. Те же улицы, те же машины, те же лица, мысли — мир тот же. Все возвращается на круги своя... Смысл вращается в нашу жизнь сам собой, помимо нашей воли. Отчего невольно начинаешь думать, что в жизни есть что-то самосущее, хотя нам и кажется, что этого мало для полноценного существования.

Огрызков — эта фамилия досталась отцу Геннадию от рождения. Всякий раз, когда мне приходилось ее слышать, меня преследовало чувство мимолетного тревожного озарения, похожее на ощущение, которое испытываешь, глядя в черное ночное небо в тот миг, когда его прочерчивает след метеорита: что-то вроде бы мелькнуло, но никакой “падающей звезды” уже нет, и даже невозможно восстановить в голове подробности увиденного. Мне приходилось слышать, что сам отец Геннадий был знаком со священником по фамилии Объедков, по поводу чего любил пошутить, наверное, не задумываясь над тем, что Всевышний пометил его самого не случайно. Разве не для того, чтобы дать нам понять, на что способен и кем может стать обыкновенный человек, такой же, как и все мы, простой смертный?

Но так, видимо, и должно быть. Прежде, чем верить во что-либо вообще, начинаешь верить в безграничную душевную мощь таких людей, как отец Геннадий, и в то, что такой человек не может отдать

свою жизнь чему-то такому, чего не существует. В основе цепной реакции добра всегда кроется воля конкретного человека.

СОЛНЫШКО

N

С отцом Геннадием мы познакомились четырнадцать лет назад. С самого начала почувствовала я, что он не такой, как все остальные батюшки. Все священники хорошие, но этот — особенный.

К нему хотелось порой просто подойти и хотя бы молча постоять возле него. Он был родной всем нам — ласковый, внимательный. Обо всех заботился и за всех молился. Кажется, он все понимал в нас, — потому-то из храма после службы мы вылетали «как на крыльях». Никогда никого ничем не обидел — никогда никого! — потому-то и на исповедь к нему всегда стояла толпа народа.

Мы все рассказывали ему о себе, о своих трудностях — а какие трудности могли быть у него, — об этом мы и не догадывались спросить. Все-таки, каждый из нас по-своему был эгоистом.

Всего рассказать о нем невозможно. Он был таким прекрасным и светлым, что я называла его «Солнышко наше». От него, как от солнца, исходило тепло, спокойствие душевное, радость и свет. И вот наше «Солнышко» закатилось. Нам его не хватает именно как солнца, и вряд ли кто-то сможет нам его заменить. А потому и скорбим, и плачем, и не можем смириться, что его больше нет с нами...

В нашей семье происходило немало случаев, связанных с отцом Геннадием, которые можно, я думаю, назвать чудесными. Расскажу лишь об одном из них.

Мой родной брат Владимир жил со своей семьей в Мурманске 33 года. Как уехал служить на север — так там и остался, женился, обзавелся детьми. Но

жил в Мурманске, а мечтал вернуться на родину в Коломну.

И вот там, в Мурманске, он заболел — рак желудка, и врачи собирались делать операцию. Его жена срочно вызывает меня в Мурманск. Медики сказали нам, что жить ему осталось ровно один месяц. И тогда я упростила Володю, чтобы он отказался от этой операции.

Вскоре они всей семьей переехали в Коломну, я рассказала отцу Геннадию о Володе и попросила его съездить в Коломну, чтобы исповедать и причастить (и пособоровать) брата.

Мы выбрали день и съездили в Коломну с отцом Геннадием на машине. И вот, после причастия и соборования, наш Володя начал вставать с постели, ходить по комнате. Позже стал гулять по улице, поправляться. Он даже ездил на машине в лес со всей семьей и все, что нужно, делал по дому.

В конце концов, вместо месяца, отмеренного ему врачами, Владимир прожил пять лет — думаю, по молитвам отца Геннадия.

И это только один случай из жизни нашей семьи, а их было немало...

«ЧЕСТНА ПРЕД
ГОСПОДОМ СМЕРТЬ
ПРЕПОДОБНЫХ ЕГО»
7 апреля 1997 года

Р.Б.П.

Дорогой, любимый наш Батюшка! Отказывается сердце принять Вашу кончину! Невозможно поверить в хладность того, кто есть воплощенный свет и непресекающаяся теплота!

Неужто не коснется больше нас Ваша благословляющая длань и не согреет наших иззябших душ благодатная теплота Ваших очей?

«Правило веры и образ кротости...» Это и о Вас.

Мы так уверовали в негасимость Вашей свечи, что почти забыли о Вашей смертности. Как дети раз за разом кидались мы к Вам, чтобы затеплить от Вас слабые, быстро затухающие свечечки наших душ.

И вот истаяла Ваша земная свеча... Но тем ярче разгорается небесный огонь, который несете Вы Господу и который светит нам, грешным. И никогда не скажем мы: отец Геннадий мертв! Нет, Вы только упокоились. И лишь по немощи нашей мы горюем сегодня о нашем сиротстве. Не горе, а великая духовная радость — благая весть, посланная нам из Вечности! — в сонме верных служителей Творцу всаческих воссияла еще одна негасимая звезда!

Кончены Ваши земные труды, но служение Ваше продолжается. Царские врата отверсты.

Сколько еще будет молитв и воздыханий, обращенных к Вам! Сколько будет надежд на Ваше небесное заступничество! Сколько будет ободренных и восставленных святою памятью о Вас!

Возлюбленный отец Геннадий, простите нас, недостойных! Господь по Своему милосердию подарил нам великое духовное сокровище — истинного посланника Небес — а мы не сберегли Вас...

Горе нам.

Возлюбленный отец Геннадий, не забывайте нас в месте Вашего упокоения!

Господи, дай нам силы и кротости на нашем жизненном пути! И да не устыдимся мы сказать в конце его: «Мы были духовными чадами отца Геннадия».

УТЕШЕНИЕ

Валентина Павлова

Мой муж был тяжело болен. И когда “медицина оказалась бессильна”, мы решили обратиться к народным целителям, в лице некоей К.И.

Батюшка Геннадий попросил привезти ее к нему на благословение. Но после продолжительной беседы он посоветовал ей съездить в Троице-Сергиеву Лавру к архимандриту Кириллу (Павлову).

Мы привезли К.И. в Лавру и очень обрадовались, что отец Кирилл в этот день принимает. Однако К.И. благословения на свои занятия у него на исповеди не получила. Можно представить мое отчаяние: ей было запрещено заниматься врачеванием и последние надежды на выздоровление мужа рухнули!

В душе смешивались и уныние и смущение перед этой доброй женщиной, которая согласилась на такое путешествие.

Я начала метаться от храма к храму, ища поддержки у других священников, но все они были единодушны с отцом Кириллом. Чувство безысходности нарастало: я не могла себе представить, как вернусь обратно домой и разрушу последнюю надежду измученного болезнью мужа.

И когда силы совсем оставляли меня, я вдруг увидела, как по освещенной солнцем тропинке нам навстречу идет отец Геннадий с детьми и своим духовником отцом Алексием.

Вся в слезах я бросилась рассказывать о исходе нашей поездки. И только участие и мягкость батюшки, его духовные наставления помогли мне примириться с происшедшим и проводить К.И. обратно в Москву.

Мы нашли в себе силы отказаться от этого лечения, но душевные волнения не улеглись. Окончательно успокоила меня лишь моя мама, которая сказала: “Ты плачешь и не понимаешь, какие вы счастливые: в такой критический момент происходит настоящее чудо и около тебя оказывается твой духовный отец!..”

* * *

Впервые моя мама пришла к отцу Геннадию в храм Воскресения Словущего, чтобы поблагодарить его за постоянную заботу о нас.

Меньше, чем через год у нее случился инсульт с потерей речи. В одно из кратких мгновений, когда речь к ней стала частично возвращаться, я сказала:

— Батюшка Геннадий молится за тебя, а как только сможет по состоянию здоровья — тут же придет.

— Если бы ты знала, как я его жду, — ответила она.

Я бросилась звонить из Пушкина домой в Москву, чтобы кто-то сообщил об этом разговоре батюшке. И вдруг оказывается, что именно сегодня он первый день был в храме, отслужил литургию, а теперь едет к нам в Пушкино!

И действительно, через короткое время они приехали вместе с отцом Евфимием и причастили маму. Но батюшка пообещал еще и пособоровать ее.

Это случилось через два дня, в великий праздник Усекновения главы Иоанна Предтечи. И это соборование стало проводами ее в последний путь, потому что через несколько часов ее не стало... Впоследствии я поняла, что ему было открыто время ее смерти, но он оберегал нас.

Мама была очень сильным человеком. После ее смерти мы как-то осиротели и растерялись. Нас вновь успокоил отец Геннадий, сказав как-то на исповеди: “Ваша мама мне вас передала”.

И до самого последнего своего дня он был для нас всем. И не только в христианской вере, но и в обычной мирской жизни.

А болезнь мужа стала “открытием для медицины”. Он прожил еще три года, и прожил их полной духовной жизнью, несмотря на то, что был прикован к инвалидной коляске. И в этом тоже заслуга отца Геннадия, каждый приезд которого был для нашей семьи великой радостью.

Он всегда тонко чувствовал состояние души любого человека. Когда муж мой впал в предсмертную кому, у батюшки произошла первая остановка сердца, и он, естественно, не присутствовал при его кон-

чине. И однако потом он сказал мне “о тихой кончине Володи”, потому что, по его словам, только такой исход мог быть у души, близкой к младенческому состоянию...

Сам лежа в больнице, он сумел передать нам на похороны Володи утешительную записку.

* * *

От батюшкиного чуткого и пронизательного взгляда ничего нельзя было скрыть.

Был у нас период крайне тяжелого материального положения, которое мы тщательно от всех скрывали.

И вдруг, однажды после службы батюшка подзывает нас к иконе “Взыскание погибших” и, строго посмотрев, вручает деньги со словами: “Пойдите и купите себе еды, что-нибудь вкусненькое”.

Мы вернулись домой — и вдруг раздался звонок, сразу все изменивший: была предложена работа. И это, конечно же, произошло по его молитвам...

ИСКУССТВО УМИРАТЬ

Владимир Иванов

Отец Геннадий... Есть такое явление в нашей жизни. Явление, продолжающее свое действие и сейчас, когда его самого среди нас уже нет. Человек великой души, великой доброты, человек, который был действительно близок к Богу.

Я один из тех, кого он привел к Богу, привел к Церкви, выведя из темноты. И придя в Церковь, я остаюсь верен ему, и работаю в храме вот уже четыре года.

Даже его кончина была тем поучением, какие он нередко давал при жизни. Потому что именно после его кончины я почувствовал, что такое смерть на самом деле.

Есть такое выражение: «Искусство умирать». Выражение неоднозначное, каждый вкладывает в него какой-то свой смысл, зачастую весьма оригинальный. Но смерть отца Геннадия действительно воочию показала нам, как нужно жить и как — умирать...

Он как будто бы знал, что умрет и не щадил себя. Особенно не щадил себя в последнее время — ни на службах, ни на исповеди не щадил. Как-то, помню, в какой-то компании один человек сказал ему: «Отец Геннадий, вы бы поберегли себя!» Он замолчал, отвернулся, потом повернулся снова, улыбнулся, как только он умел улыбаться и ответил вопросом на вопрос: «А зачем?...»

СИЛЬНЕЕ КЛЯТВ

Этери (Евдокия) Гарсеванидзе

До своего прихода в церковь я пережила немало скорбей и боли: распалась семья, я осталась одна с тремя детьми, пришлось поменять перспективную работу инженера на место в метрополитене. Все это заставляло искать утешения и опоры. Возникла потребность подавать в храм записки о здравии своих близких. Оказалось, что есть храм совсем рядом от станции метро, где я работала — церковь Воскресения Словущего на Успенском Вражке.

В храме было много чудесных икон, особенно «Взыскание погибших» и «Нечаянная радость», которая мне даже снилась. И как нечаянная радость была для меня первая встреча с отцом Геннадием. Сначала я услышала его проповедь, но за многолюдством до меня доносились только обрывки фраз: «Вот, мои родные...», «Так-то, мои дорогие...» Это говорилось с такой задушевностью, что мне очень захотелось познакомиться с этим священником поближе.

Потом было первое соборование, первая исповедь, первое причащение, все это оставило незабываемый след в жизни.

А семейные неурядицы делали свое дело: я искала пути обретения какого-то счастья себе и своим детям. Появилась странная мысль уехать за границу — а вдруг в другой стране будет легче? Ведь даже к вере там относятся терпимее! О коренном отличии Православия от католичества или протестантизма я тогда и не задумывалась.

Занятая такими мыслями, я как-то встретила отца Геннадия на троллейбусной остановке по пути на работу. И стала сразу просить его совета по этому животрепещущему для меня вопросу.

Батюшка очень внимательно и серьезно выслушал меня и твердо ответил: «Жить там, может быть, и легче, но спасение возможно — именно в России». В тот же день я смогла отлучиться с работы в храм, на водосвятный молебен, и было так приятно услышать громко произнесенное им имя «Этери», когда он обильно окроплял всех водой. Странно, но после этого разговора и молебна мысль об отъезде ушла куда-то сама собой...

На исповедь я ходила к разным священникам, поэтому не сразу заметила долгое отсутствие отца Геннадия. И вдруг мне говорят, что у него была остановка сердца и просят меня вместе со всеми за него молиться!

Потом была Пасха (отец Геннадий уже вышел из больницы), теснота такая, что руки не поднять, а я стою прямо за спиной батюшки, прижатая почти вплотную, так что боюсь своей свечой зажечь его облачение. И так спокойно, так надежно это место за его спиной — настоящее укрытие от всякой земной суеты...

Шло время, отец Геннадий как-то отдалился от меня в бескрайнем житейском море. Как вдруг узнаю, что он — настоятель Малого Вознесения и что там уже идут службы. Меня опять потянуло увидеть отца Геннадия. Накануне очередной Пасхи, в Великую Субботу мы с подругой пришли в Малое

Вознесение, чтобы освятить куличи, и неожиданно наш приход совпал с посещением Малого Вознесения Святейшим Патриархом Алексием!..

Святейший говорил хорошие слова о храме, а отец Геннадий в это время как-то смущенно выглядывал из алтаря. Благословились у Патриарха, а вечером я уже была на Пасхе в Малом Вознесении...

Летом того же года меня постигла тяжелая скорбь: я потеряла друга, без которого не мыслила жизни. Но жить надо было, хотя бы ради детей. В таком состоянии депрессии я вновь пришла в Малое Вознесение. В храме была воскресная школа, куда я поспешила определить своих детей. Как-то раз я, как мама учеников школы, дежурила в трапезной. Разговорились с поваром, помогла ей готовить обед. Первым блюдом моим были вареники. А потом — отец Геннадий благословил меня работать в трапезной постоянно.

Многие из нас потеряли в прошлой жизни родных и близких — и именно храм, именно забота батюшки восполняли нам эти тяжелые потери.

Так случилось, что живу я в том же направлении от центра Москвы, что и батюшка, поэтому иногда он брал меня с собой в машину. И вновь я оказывалась за его широкой спиной — и снова меня посещало ощущение надежности и покоя.

Постепенно я и мои дети воцерковлялись, часто исповедовались отцу Геннадию и причащались. Вместе с тем послушание в трапезной у меня оставалось. Как-то раз я решила совместить смену у плиты с причастием. Исповедалась с утра, пошла в трапезную, а позже должна была идти к причастию. И вот, przygotowляя пищу, забылась и что-то попробовала. Но не очень огорчилась, а как-то довольно равнодушно отметила про себя, что причаститься уже не смогу. Зато как расстроился отец Геннадий, когда я ему об этом сказала! Вот тогда-то и я осознала всю тяжесть совершенного проступка — и это явилось для меня настоящим уроком...

С тех пор, как я начала ходить в храм, мое грузинское имя — Этери — постоянно создавало для меня трудности: ведь такого имени в православных русских святцах нет. И вот я попросила отца Геннадия этот вопрос разрешить. Он велел мне взять календарь и посмотреть имена на букву «Е» после 17 мая (моего дня рождения). Мы что-то выбрали и с раскрытым календарем подошли к отцу Геннадию. Он выслушал мои предложения без особого внимания, а потом как-то уверенно ткнул пальцем в календарь и сказал: «Будешь вот это!» Я прочла. Это было имя Евдокия, в честь Евдокии — Евфросинии, святой княгини Московской. Я приняла имя с радостью — Евдокией звали мою прабабушку, женщину удивительной доброты.

Работая в метро, я как-то зашла в трапезную пообедать. Было 14 марта — память великомученицы Евдокии. Обедая, я не обратила внимания, что отец Геннадий куда-то торопливо вышел.

Возвращаясь на работу, увидела батюшкину машину у какого-то лотка. Батюшка держал красивый букет, они еще что-то покупали, я поняла, что они едут поздравлять какую-то матушку по имени Евдокия. Вернулась на работу, поднялась к себе в комнату — и тут звонит телефон. Шофер батюшки Дима зачем-то просит меня выйти.

Я быстро вышла. У проходной машина, а возле нее — отец Геннадий с цветами и сумкой подарков... Я стала благодарить, но сказала, что мои именины не сегодня, а на Евдокию-Евфросинию. Батюшка на секунду смутился, но потом ответил: «Ничего, ведь и эта Евдокия тебе тоже покровительствует!..»

Когда батюшка брал меня в машину, я не могла с ним разговаривать — настолько он всегда был уставшим. Но как-то раз пришлось нам ехать в метро. Народу много, шум, гул. И вдруг отец Геннадий наклоняется ко мне и задумчиво, но ясно говорит: «Только представь, пришел Сам Господь на землю к

грешным людям, и люди его не узнали и распяли... И хоть все это известно уже так давно, но приди Христос на землю сейчас — и люди бы опять не узнали его, опять бы распяли...» И эта его фраза навсегда врезалась в мою память.

Случилось так, что дети мои перестали жить церковной жизнью, перестали исповедоваться и причащаться — от этого я сильно унывала. Отец Геннадий переживал вместе со мной, ездил к нам домой, разговаривал с ними. И вот как-то в машине поворачивается ко мне и с особой твердостью спрашивает: «Ну что, вымолим детей?» И я почувствовала, что могу ответить только так же твердо: «Вымолим».

Однажды после тяжелого воскресного дня ко входу в трапезную подъезжает батюшкина машина, а в ней — вся их семья. Я подошла, а матушка Елена говорит, что они едут в Макариху за грибами и предлагает мне поехать с ними. Смена моя закончена и на работу завтра не надо, но остается еще проблема — дети. Я в замешательстве, но решила положиться на батюшкино благословение. А он благословляет меня ехать с ними. И сразу после этого к трапезной подходит моя родственница, которая тогда была у меня в гостях. Узнав, в чем дело, она обещает позаботиться о детях, а меня отпускает. И вот мы едем в Макариху, а отец Геннадий говорит: «Вот что значит предаться воле Господней...»

Поездка была дивная. Мы вышли из машины уже затемно, черное небо усыпано тысячами звезд, глаза трудно оторвать. И вдруг отец Геннадий говорит: «Вот сейчас особенно хорошо молиться, Бог все слышит...»

А наутро был сказочный заповедный лес и небывалый сбор грибов. И самым удачливым грибником оказался батюшка...

Как-то раз одна приятельница по храму завела со мной разговор о духовном отце. И навеяла сомнения. Она уверяла меня, что нужен особый разговор и

согласие священника, чтобы можно было считать его своим духовным отцом. К тому же он должен был прочесть надо мной особую молитву, а этого тоже не было. И вот я, так всегда любившая отца Геннадия, нахожусь в каком-то тяжелом замешательстве. Как мне подступиться с этим вопросом к бабушке — я не знала.

И тогда в очередной исповеди среди волнующих проблем я написала, что не всегда понимаю своего духовного отца. С волнением я ждала, когда отец Геннадий это прочтает. И вот он дошел в исповеди до этого места, как-то по-отечески, с особой теплотой склонил к моей голове свою седую голову и тихо произнес: «А теперь понимаешь?»

С забившимся сердцем я ответила: «Стараюсь...» И для меня стало ясно, что такая искренность и такая теплота важнее и сильнее всех договоров, всех клятвенных обещаний...

ОТЕЦ

ОТЕЦ

Ирина Бабкина

Отец Геннадий — как огромное дерево. Стоишь под таким деревом, видишь часть ветвей, часть листьев, но в целом его увидеть, конечно, не можешь. А начнешь делиться с кем-то своими впечатлениями — оказывается, что впечатления ваши абсолютно не совпадают...

Я пришла в храм году в восемьдесят шестом. Отец Геннадий уже служил года три. Помню, пришла как-то в свой день рождения. “Ну, что у тебя?” — спрашивает он. А я отвечаю: “День рождения”. Тогда он пошел в алтарь и вынес мне пряник! Я удивилась про себя: “Чего это он? Я пришла в храм третий или четвертый раз, а священник идет в алтарь и выносит мне подарок в честь моего дня рождения!..”

А потом, очень скоро, как-то так получилось само собой, что мне просто надо было работать в храме и никуда из него не уходить. Потому что кому-то ведь надо стирать, гладить и штопать подряски... Вот я и осталась.

Самое главное, что меня в нем удивляло — это его терпение. Безмерное терпение, потому что другой бы человек просто плюнул и прогнал тебя. А он терпел все, терпел покорно, да еще и переживал...

Он был настоящим отцом. С ним я впервые в жизни почувствовала, что такое отец. Его забота была до мелочей: “Как ты доехала?.. Ты сегодня что-то бледненькая... Деньги на проезд есть?..” И так далее... При этом он мог рассердиться и строго нака-

зять за непослушание. Но и в этом он оставался отцом.

Вспоминается случай: однажды я полушутя — полусерьезно назвала его “старцем”. И тогда он взял — и отшлепал меня. По-настоящему, как наказывают детей их отцы. Для меня это было жутким потрясением. Постепенно все забывается, и однажды я с ним о чем-то заспорила. И тогда он вытащил ремень и сказал: “Ирина, я сейчас тебя накажу”. И я, вспомнив то, что уже было, сразу поверила и забыла про непослушание...

До этого я тоже ходила в храм, в Сокольники. Там был замечательный батюшка, но... но отец Геннадий был единственный в Москве. И как ему удалось объединить всех нас, таких разных и таких строптивых? Да еще большая часть прихода — женщины, а женщина, как известно, уж очень сложная штука...

Кое-кто смотрел на него и поражался: “Да как же он с вами со всеми управляется? Я бы и дня среди вас не выдержал!..” Отец Геннадий не только выдержал, но еще и создал приход, где все мы терпели друг друга...

Помню, один-единственный раз, когда я увидела его жестким, даже непримиримым. Мы ехали с ним домой и заговорили о какой-то нашей прихожанке. И он ее похвалил. А я возразила. И тогда он, я видела, по-настоящему рассердился: “Я все тебе могу простить, но этой спеси чтобы я никогда в тебе не видел!” Мне стало так больно и страшно: я поняла, что наши близкие отношения могут разрушить сама...

И еще была история. Как-то меня оскорбила одна женщина. У нее сдали нервы, и она много мне наговорила. Я была в шоке. А отец Геннадий заметил это и стал допытываться, в чем же дело. В конце концов я рассказала, хотя повторить ее слов про меня так и не смогла. Он расстроился и сказал: “Мне придется ей сказать, чтобы она ушла”. К стыду своему скажу, что в тот момент почувствовала себя как бы и “отмщенной”.

Прошло несколько дней. Я вошла во двор храма (это было еще Воскресение Словущего) и увидела его, очень ласково с этой женщиной разговаривающего. Меня сразу захлестнула обида: не сдержал слова, хотя и обещал! Но вида я не показала.

И вот, спустя несколько дней, он вдруг говорит в моем присутствии: “Любовь выше справедливости”. И мне вдруг все стало ясно.

Мне кажется, это был первый случай, когда он переломил себя и заставил себя полюбить человека не слишком симпатичного. И это был случай, трудный для него самого. Все остальное было уже гораздо легче...

И было даже такое: ругаются две “тетеньки”. Подходит отец Геннадий, слушает их, слушает, а потом... Потом падает им обеим в ноги.

А еще: кажется, в каком-то древнем Патерике он нашел место, которое потом часто цитировал: “Это как же трудно ангельское служение (он имел в виду всех помогавших в церкви): надо все сделать, да еще и сделать это так, чтобы тебя не заметили!..”

Помню, как-то я увидела, что подрясник у него сзади — весь в мелкую сеточку. Поскольку подрясники — моя область, я спросила: “Что случилось?” Ответ был обычный: “Прости меня, окаянного...” Спросила у матушки, она ничего не знала. И лишь спустя несколько лет мне удалось узнать, что же произошло. Оказывается, отец Геннадий крестил кого-то из своих друзей-архитекторов в Косинском озере. Кажется, это был Дмитрий Величкин. Он “загнал” в озеро его, потом зашел сам, а потом, когда крещение кончилось, он просто снял подрясник — и выжал его... И ткань подрясника превратилась в сетку...

А однажды стояли около ризницы отец Геннадий, я и еще кто-то. И этот человек спросил у отца Геннадия, почему у него в подряснике дырка. И вдруг отец Геннадий повернулся ко мне и сказал виновато: “И вечный я твой укор...”

НЕБОЯЗНЬ СМЕРТИ

Владимир Петрович Заманский

Память, память...

Почему ты так предательски немощна именно сейчас, когда нужно вспомнить о таком человеке, таком пастыре, который бывает только раз в жизни? Когда хочется описать каждую его черту, ясно и отчетливо увидеть каждую нашу встречу на исповеди или просто в храме после службы?..

А ведь хочется так вспомнить, так рассказать, чтобы воспоминания эти дошли до всех тех, кто никогда не знал нашего батюшки.

Как случилось это сближение, это духовное соединение, породнение? Ведь в храме Воскресения Словоущего в те годы (начало восьмидесятых) было немало замечательных священников, а душа потянулась сразу и навсегда именно к нему.

Тогда многие в храме выделили его для себя. И мы с моей женой Наташей к нему прилепились. Помню его, говоря по-простому, по-житейски, всегда как бы несколько смущенным, несколько заикающимся. А на самом деле уже принимающим к тебе, уже проникающим в тебя — не умом, не логикой вычислений — а всем своим сердцем, которое тебе уже отдано...

Это было самое начало нашего бесконечного пути к Православию. Я был тогда тем, кого называют неопифитом. Впрочем, а что я теперь? Увы, наверное, и теперь нашему батюшке приходится плакать в Горних селениях о нашем беспамятстве, о наших падениях... Пишу так потому, что лично для меня не стало жизнью очень многое из того, о чем он просил меня, в чем назидал, чего он требовал, наконец... Требовал так, как умел требовать только он — просящим голосом, положив свою большую и теплую руку на плечо, обнимая епитрахилью.

Мне все кажется, что отец Геннадий тех далеких, тех первых лет и последний, который уже подходил

к краю земной жизни — что они одинаковы. Нет, конечно, это не так. Просто в нашем духовном отце осталось неизменным самое главное, самое важное и для него самого, и для всех нас. Назовем это самое главное — милосердным сердцем. Милующим каждого, кто к нему подходил.

Поэт сказал: “А корень красоты — отвага...” Как эти слова точно ложатся на всю “повадку” жизни протоиерея Геннадия, на эту его *небоязнь смерти*, на эту его способность умалиться, то есть склонить себя в простоте. Той простоте, которую заповедал нам Христос. А склониться он умел и перед сильными мира сего — и перед последними...

Однажды нам с женой довелось заночевать в доме у батюшки. Утром в храме была служба. Встали рано, вместе с ним вышли на дорогу ловить машину. Стоял наш отец в сумраке раннего-раннего утра, — такой большой, в каком-то старом потертом кожгане, надетом на подрясник, с четками на руке. И этот его лаконичный и емкий образ было так легко перенести мысленно куда-то далеко, во Святую Русь, во времена Преподобного Сергия. Стоял рядом с нами Странник. Миссионер. Ведущий...

Когда батюшка стал настоятелем Малого Вознесения, почти все мы, его духовные чада, перешли вместе с ним в этот храм. Удивительное время! Время бедности, земляного пола в храме, устройства заново дома Божия, время общей трапезы после Пасхальной ночи — все вместе в тесноте за сбитыми из досок столами, а батюшка служил тогда один. Но почему-то именно это время видится мне лучшим из всех моих лет пребывания в общине. Духом, возможно, мы и не были сильны, но была бедность, было наше духовное детство, которого больше не повторишь...

Да, в моей долгой жизни был человек, друг, пастырь, который вел нас — меня и мою жену Наташу к духовной высоте. Только вот крылышки у меня оказались невелики. Но он, отец Геннадий, этим не смущался и все вел меня, взявши за руку...

И еще очень важное. Я — безотцовщина. Отца в жизни не знал и он, мой духовный отец, человек намного моложе меня, внес в мою жизнь (и это чувство часто у меня возникало!) ощущение, что теперь у меня есть отец — отец не только духовный, но и по крови и плоти. Такое сердце было у нашего пастыря...

За день до кончины отец Геннадий подарил мне молитвослов, привезенный из Дивеева. На нем написал:

Дорогой Владимир Петрович, Христос Воскресе! И своим подвигом все наши скорби и грехи потреби. Дай Вам Господь крепости и радости, и заступления преподобного Серафима — во всех делах.

“Не отдавай постовые венцы лукавому”.

Ваш прот. Геннадий
6.IV.97 г.

...А седьмого наступило Благовещение Пресвятой Владычице нашей Богородицы и Приснодевы Марии...

Господи, упокой в селениях Твоих душу отца нашего духовного протоиерея Геннадия!

СВЕТ ИЗ ДЕТСТВА

Наталья Климова (Заманская)

Сказано в Евангелии: “И от умножения беззакония во многих охладает любовь”. Это о нашем времени, о нас. Вспоминая дорогого отца Геннадия, нашего духовника, думаешь о той жертвенной любви, которую нам заповедал Христос. В батюшке эта заповедь олицетворилась. Он был запечатлен смирением, притягивал к себе любовью.

Сейчас вспоминаешь, — это чудо. Только его любовь могла соединить, казалось бы, несоединимое. Создать общину — семью, быть в ней не только духовным отцом, но, как точно кто-то заметил, и мате-

рю для каждого, вести ее внешнее устройство, хозяйство.

Каждый из нас чувствовал себя его любимым чадом, а нас ох как много, и таких разных...

Никого он не упускал из виду. Огорчался, что не хватает времени. Не отдохнет, не доспит. Сколько раз бывало: все отобедали, ждут батюшку, ждут — не дождутся; он появится в трапезной к вечеру. Из храма уходил последним, с матушкой. И всегда у него желание ободрить, встряхнуть, развеселить, утешить — а сам уставший ужасно, с ноги на ногу переминается.

“Батюшка, как вы?” “Хорошо! — сожмет кулак, потрясет им — здоров!”

Он был действительно здоров, бодр духом, тело же немоществовало. Он знал это и всегда был готов к переходу. Не суетился, лечиться не любил, полностью передавая себя в волю Божию. И был очень терпелив в болезни.

И еще — он чувствовал время острее всех нас и потому торопился успеть больше. Видишь его, говорящего с кем-то в одном углу церкви, в другом, на одной лавке, на другой. Стоящего, внемлющего, оставленного на перекрестке, торопящегося к кому-то... И при этом глубокая способность к созерцанию, к молитве. Тишина в душе.

Утешал он одним своим присутствием, улыбкой, рукопожатием. Бог даровал ему, по его смирению, редкий дар утешения, просветления душ. Каждая интонация была растворена теплом. Для него никого второстепенного в общине, ничего пустяшного в ее жизни. Все заметит, всех пожалеет, всем поможет, всех сбережет. Всех, кроме себя.

Помню начало Великого Поста. Литургия Преподосвященных Даров. Паникадило погашено. Батюшка читает. Стою. (В храме с батюшкой всегда был праздник). Подходит алтарник: “Вас батюшка зовет”. Подхожу к нему. “Ты что это за столпник?” Улыбаюсь и он улыбается: “Можешь сидеть”. Даже шу-

тить он умел назидательно. Вел средним путем, царским. “Сколько делаешь поклонов?” Услышав ответ, качает головой: “Много. Пятнадцать кладь”. И сразу сокрушает ревность не по разуму. Сердечный мир Христов — вот на что устремлял он наше внимание.

— Не выходи из дома, не прочитай молитвы Оптинских старцев.

— Утром — сразу на молитву вставай, прежде всяких дел, а начнешь заниматься делами — к молитве вернуться трудно.

— После утренней молитвы натошак пей Крещенскую воду и умой ею лицо...

Его отзывчивость, долготерпение делали его порой беззащитным, и горько было видеть, как его обременяли и задерживали, порой, целыми часами. Но, видно, это обший удел всех, по-настоящему духовных: “Любовь все терпит”. А он нес свой крест с радостью.

Никогда ничего не требовал, а только просил, уговаривал и даже умолял. Помню храм еще в разорении. Зима, холод, от дыхания пар. Стоим на голой земле. После службы подходит батюшка: “Я бы хотел, чтоб ты была на клиросе”. “Батюшка, я никогда не пела!” Он смиренно опускает глаза и тихо повторяет: “Я бы хотел, чтобы ты пела на клиросе...”

Он всегда прощал, разве только вздохнет: “Ну ладно...” Зато как больно было огорчать его... Это не то, чтобы он никогда не сердился. Видела я его сильно огорченным и даже растерянным от столкновения с откровенным злом. Мог он и резко отчитать, и быть строгим, но невозможно представить его раздраженным, разозленным. Мир его души можно было расстроить только на время — пошли круги по тихой воде — и пропали...

Меня поражало, как легко он переходил от огорчения к радости, от озабоченности к покою. Это выходило совсем по-детски. Как-то я спросила: “Батюшка, а как вы к вере пришли?” Он ответил: “По-

мню в детстве свет”. И мы видели — ничто временное не заслонило от него этого света. И драгоценна была для нас — при его выразительном мужественном облике и силе — эта детская освобожденность, чистота.

Помню: случилось в храме что-то недоброе. Все захлопотали, ищут выхода. Батюшка озабочен. И вдруг в какой-то момент он отодвигает всю нашу суету и ничего не предпринимает. И не делает того, что, как всем кажется, надо бы сделать. И опять мирен со всеми, ласков, уговаривает потерпеть. А через какое-то время мир нисходит как бы сам собой. Но мы-то знаем: по батюшкиным молитвам, потому что он и тигра мог сделать голубкой...

Никогда ни о ком он не говорил плохо, всегда находил в человеке доброе, находил, чем умилиться, чему порадоваться; темнота не заслоняла от него и единого лучика, сияющего в каждой душе. Он возгревал этот лучик, и люди расцветали в ответ. Старались стать лучше.

Как деликатно, а то и восхищенно отзывался он о том или о том, — ведь он имел дар проникновения в душу через все внешнее. От него не ускользало даже мимолетное движение каждой души.

А какое множество людей тянулось к нему на исповедь! Исповедовал он во время литургии, всенощной, после всенощной, между службами, по ночам, на дому. Глядя на него, можно было понять, — что это такое, когда Господь вверил пастырю пасти овцы Своя. Со счастливым лицом выходил из алтаря, с таким же светлым отпускал последнего исповедника. Давно окончилась всенощная, в храме никого, а батюшка все так же бережно, сосредоточенно, как в первый (или последний?) раз возлагает свои удивительные руки на чью-то головушку, запечатлевая каждую исповедь смиренной молитвой ко Господу. Да еще и не отпустит сразу после разрешительной молитвы, не приласкав. Что-то спросит, что-то

скажет напутственное, полезет в карман за подарком. Карман глубок, подарков много, — вынет и сам глядит, что Бог послал. Помню, вынул для меня складенек мученикам Гурию, Самону и Авиву, а на створках — страстоперцы Борис и Глеб. Пауза. Видно, и не ожидал, что у него такое в кармане. По батюшкиному лицу вообще все было видно.

Память об отце Геннадии — сердечная, светлая и радостная, хотя он так рано ушел. Даже слезы в ней — свет, потому что это — память и вера, почти уверенность во встрече. Ведь Господь милосерд, а батюшка молится, вымаливает нас, потому что любит. И мы любим его.

Когда он служил литургию, читал Евангелие, как дивно звучал его голос. Помню, вышел из алтаря кадить (диакона не было), а на лице такое выражение, как будто ничего земного не существует вообще... Он и нас вел ко всецелой преданности Христу.

— Ты что на всенощной не была?

— Батюшка, столько служб подряд, устала...

— Ну ладно... (И только улыбнется, вздохнет).

...Проповеди его не были умозрительными. Они рождались при нас — вслух выраженные размышления, всегда о “едином на потребу”. Мысль утверждалась на сердечном опыте, отвлеченная она его мало интересовала. Сердцем батюшка жил глубоко и просто, потому и слушать его было “в сладость”. Он знал русскую историю, любил русскую культуру, был верен православной традиции. Он был родным русским батюшкой.

Как-то говорю полушутя, что надо бы на случай побега чемодан держать наготове. А первое взять — валенки. Но он вдруг вполне серьезно отвечает: “Бери Евангелие и ни минуты не медли”.

— Что нам нужно просить у Господа? Конечно — прости, Господи!..

— Больше с простыми людьми общайся, тогда не будешь думать, что на тебя смотрят.

— Не в многословии молитва, а кто прольет слезинку, часть той слезинки — вот молитва...

Сам он просил прощения у каждого.

Как он чувствовал природу! Художник в нем никогда не замирал. Имею в виду творческую силу восприятия, изумления перед красотой Божьего творения, благодарности. Его акварели пронизаны тем же тихим светом любви.

Помню, расписывала яйцо, испортила и сильно раздражалась. Исповедуюсь, а батюшка говорит: “Вот и видно, от кого оно... искусство”.

...Дня за три до праздника Благовещения, после всенощной, отец Геннадий подошел и пригласил в трапезную. Через какое-то время опять подошел и попросил придти. Он вообще огорчился, когда кого-то не видел в трапезной. Совместная трапеза для него имела духовный смысл, — это время, когда после Божественной службы семья-община спланивалась, рождалась. А как сам батюшка радовался, когда видел всех нас за столом, как восполнял собою наше собрание.

В тот вечер он хотел, чтобы мы посмотрели документальный фильм, в нем была, помню, попытка рассмотреть отношения Государя-Мученика и Г.Е.Распутина. Мы сидели рядом, на одной лавке. Кино почти никто не смотрел: придут, поужинают, помолются, уходят. Батюшка время от времени молча окидывал всех взглядом, задумчиво и печально. Он смотрел фильм во второй раз. Я подумала, что же такого особенного в этом фильме, что нам нужно увидеть и запомнить?

Дошло до места, где читается дневник Распутина. В каком-то дворце служитель не пропускает его в покои, и Распутин смиренно опускается на колени. И служитель вдруг что-то понимает, отзывается сердцем на это смирение. В эту минуту батюшка повернулся ко мне, взглянул и молча утвердительно кивнул головой. Он, по-видимому, ждал именно этих слов. И хотел, чтобы мы их услышали...

И ВСЕ ТЕПЕРЬ БЛИЗКО...

Михаил Бузник

Я имел счастье быть рядом с отцом Геннадием более двенадцати лет. Время после его смерти стало совсем новым, неизвестным.

Храм Малое Вознесение будто восстал из руин. Отцу Геннадию отдохнуть бы. Но вот потоки клеветы обрушились на него... И в Патриархии готовят Указ о переводе его в Косинский храм.

Думаю, что многие наши прихожане с содроганием вспоминают о наших походах в Патриархию. Отец же Геннадий молчал, не хотел говорить о происходящем. Правда победила, но чего она стоила нашему дорогому батюшке.

И вот в это время — для нас стало зримым то чудо, которое называется молитвой... За батюшку молились — его духовный отец архимандрит Алексий (Поликарпов), его друзья и чада... Молитва в конце этой грустной истории стала дыханием...

Отец Геннадий трепетно относился к своему духовному отцу. Благоговейно. И его любовь к нему — передалась всем нам.

В июле 1994 года в дни праздника преподобного Антония Киево-Печерского — на самолете тогдашнего покровителя нашего храма А.Н.С. мы полетели в Киев за частичками мощей преподобных отцов Киево-Печерских. Рядом с отцом Геннадием были матушка Елена, сыновья и благочинный Оптиной пустыни отец Мелхиседек.

Мы прилетели ко Всенощной, были сразу же приняты наместником Лавры, который, естественно, пригласил батюшку в алтарь, но тот по своей скромности в алтарь не пошел.

Всю ночь батюшка и отец Мелхиседек не спали. Они служили на ночной литургии в Пещерном хра-

ме преподобного Антония, радовались встрече с преподобными отцами Печерскими, а утром молились на архиерейском служении в Трапезном храме. На крестном ходе батюшка нес икону преподобного Антония. Он сиял...

Небесное время —
Уединяясь в сердце
Отца Геннадия,
Находило новое
Назначение
Дней земных...

После трапезы мы поехали во Флоровский, Покровский монастыри, к Великомученице Варваре... И вот в Покровском монастыре неожиданно подошла к нему игуменья и передала потерянный им в Лавре билет на самолет. (Самолет был частный, но билеты выписывались для таможни.) Оказалось, что отец Геннадий кому-то давал милостыню — и вместе с деньгами отдал билет. Но как он, этот самый билет, в тот же день оказался у игуменьи Покровского монастыря? Ко всему, игуменья не знала ни фамилии батюшки, ни то, что этот документ принадлежит ему...

В Киевском аэропорту Жуляны засвирепели пограничники и таможенники. Ведь с нами были частички почти всех Киево-Печерских святых. Таможенники буквально раздели летчиков. Что они у них искали — сами того не знали... Батюшка с отцом Мелхиседеком стали читать акафист Святителю Николаю и от молитвы тучи рассеялись. И мы взлетели. Прилетели в Быково и тут же отправились в Ухтомку. Сыновья батюшки Сергей и Павел читали Псалтирь, а отец Геннадий с отцом Мелхиседеком делили частички наполовину: для нашего храма и для Оптиной. Отец Мелхиседек в пять утра на попутных машинах уехал в Оптину. А мы с ликующим отцом Геннадием приехали к литургии в храм. Было воскресенье. Праздник равноапостольной Ольги. И встретился храм со Святыми Киево-Печерскими.

В этой поездке было явно ощутимо то удивительное единство отца Геннадия и матушки Елены — которое для нас в тот день было еще одним источником света.

В 91 году в праздник Святителя Спиридона Тримифунтского, причастившись — я приехал в Ухтомку. И вдруг — температура 40. В первую ночь я терял сознание. Как потом выяснилось — это по моей слабости было попущено действие дурного глаза. Так я и остался в доме батюшки до праздника Анастасии Узорешительницы. И никогда мне не забыть (я находился в комнате соседствующей с его кабинетом) — как подойдет ко мне отец Геннадий — прочтет молитву, перекрестит, одеяло поправит... И так по несколько раз за ночь...

В то время батюшка служил в Брюсовском храме. С пяти утра он читал правила. В шесть — спешил к электричке... Возвращался же обычно к двенадцати ночи. Даже в новогоднюю ночь приехал к бою курантов.

Матушка волновалась, молилась о нем, прислушивалась к калитке... Но во всем побеждала радость!

Вспоминаю наше катание с батюшкой на велосипеде. К Косинскому озеру, в Люберцы, к его мамочке Лидии Павловне...

Во время этих поездок было ощущение, что порядок земной с его красотой — лишь отражение небесного... Отец Геннадий смотрел на озеро — как на небо... Касался его воды — как жизни потусторонней... И казалось, что батюшка несется не по земле, а по лучу небесному...

Отец Геннадий припал
к лучу от Фавора.
В круге — ослепившем
прощание.
В любви нет расстояний.
Есть лишь увеличивающееся
сочетание мелодий,
что над смертью.

Отец Геннадий говорил Сергею Параджанову, что когда он увидел в студенческие годы «Цвет граната» и ему показалось, что он что-то в нем понял, то он почувствовал себя художником.

Первый раз они встретились в гостинице «Москва», где остановился Сергей. Вот подошли мы с батюшкой к гостинице и сделали вокруг нее несколько кругов. Отец Геннадий был смущен предстоящей встречей: так удивительно он был скромнен.

— Как же ты красив! — вскрикнул Параджанов, увидев отца Геннадия. У Сергея было готово угощение. Он, как всегда, шутил. И вдруг отец Геннадий — строго и грустно: «Как нам душу спасти, Сергей Иосифович?» И разговор ушел в новое русло. Встретились два любящих сердца, которые могли любить на пределах, недоступных земному разумению.

Лето 89 года. Идет международный кинофестиваль. Сергею сделали операцию: удалили легкое. Рак. Мы с покойной Еленой Борисовной Луниной приехали с отцом Геннадием в реанимацию.

Сергей обратился к батюшке: поскорей причастите моего соседа. И отец Геннадий подошел к соседской койке. Он спросил имя и стал уговаривать — исповедоваться. «Ты же счастливый человек. Погляди, какой батюшка к тебе пришел» — говорил Сергей. Но сосед был неумолим. И вдруг он закрыл глаза. Его не стало.

Потом отец Геннадий долго исповедовал Сергея. Сергей со слезами принял Дары. Окна палаты выходили на Новодевичий монастырь. Отец Геннадий прочел благодарственные молитвы и проникновенно глядел в окно. «Какая же красота вас окружает, Сергей Иосифович!» — растроганно сказал он.

На следующий день я приехал к Сергею с Анджеем Вайдой — и Сергей потребовал, чтобы я познакомил его с батюшкой. «Погляди в окно! — сказал он Вайде. — Слова батюшки прекрасны, как этот монастырь».

В феврале 90 года Сергей возвращался из Португалии, где проходила ретроспектива его фильмов. И был Сергей уже очень болен. Перед вылетом в Тбилиси, по дороге в аэропорт он заехал к батюшке в Брюсовский храм. Он долго стоял на коленях перед иконами Спасителя и Божией Матери «Взыскание погибших». Потом прощался с батюшкой. Когда он вышел к машине — батюшка сказал: «Сергей Иосифович пришел в храм, чтобы навсегда остаться в нем».

В январе 91-го года в день рождения Сергея отец Геннадий в Доме кино отслужил ему панихиду. Было очень много людей. В основном знаменитых и невоцерковленных. Панихиду батюшка служил по полному чину, но никто не шелохнулся. В проповеди своей батюшка сказал: «Да! Сергей был гениален. Но главным его Даром — был Дар любви!»

... и карты нездешние
даруют пространство
отца Геннадия.

Он основание земли
облачает
в свет белый,
чтобы смерть
покинула нас.

В 93-м году я ходил в МГУ на лекции профессора Г.Майорова по Лейбницу. Приезжаю в Ухтомку и рассказываю о них отцу Геннадию. И вдруг батюшка начал размышлять о Лейбнице. И казалось, что он знает о нем — все! И глубже Майорова.

Это было одно из самых больших удивлений в моей жизни.

Любимым поэтом отца Геннадия был Есенин. Его тянуло в Константиново не меньше, чем в родной Михайлов. Часто батюшка говорил и о Хлебникове. В его текстах он видел истоки русского Слова, которые продолжают нас.

... и она, его радость,
до сих пор источается
небесными арками
над Окой.

Где слышно как уводят
в другую жизнь.

Первые литургии в Малом Вознесении. В алтаре нужно было ходить по дощечкам. Замерзала вода. Но это было счастливейшее время. В один из таких холодных дней я привел в храм замечательных судостроителей Черноморского завода во главе с легендарным Иваном Иосифовичем Винником. Уже разваливался может быть лучший в Европе завод — и строители улетали искать во Вьетнаме заказы. Знакомьтесь они с отцом Геннадием — и вдруг он строго им говорит: давайте, братцы, отслужим молебен. Спрашивает — есть ли на них нательные крестики. Их ни у кого не оказалось — и батюшка на всех надевает крестики... И отслужил молебен. От неожиданности строители кораблей были взволнованы и растерянны. Батюшка так благословлял всех — будто бы отправлял в космос. И что же оказалось! У самолета отказал двигатель и он упал в джунгли. Не взорвался. И все остались целы и невредимы. Вот она молитва — нашего батюшки.

Углич. Май. Праздник благоверного царевича Димитрия. Отец Геннадий пошел последним на помазывание к Владыке Михею.

— Откуда ты, такой богатырь? — спрашивает удивленный Владыка. — Приходи на трапезу!

Батюшка попросил прощения и, конечно, по своей скромности на трапезу не пошел.

93-й год. Путь в Муром. Едем с батюшкой за иконой благоверных князей Петра и Февронии, которая написана в Муроме, и которую он должен освятить на их мощах.

Муромские леса. По дороге отец Геннадий с умилением говорил о преподобном Илье Муромце и большие его ладони словно бы касались земного времени преподобного Ильи... А в Муроме, с Муромскими Святыми — он встречался, как с живыми людьми, к которым он пришел на поклон. И нам было очевидно, что Муромские Святые — материализованная Воля Божия.

Я несколько раз сопровождал отца Геннадия в поликлинику. На расстоянии нового времени — мне совершенно очевидно, что батюшка прежде всего лечился для матери, отца, матушки Елены и детей, и всех нас... Почему?.. Это загадка Духа и Святости. И Созерцания высшего.

Наблюдал я и в больнице, и в Косино — как батюшка брал на себя боль своего замечательного отца Александра Сергеевича, которого настиг инсульт. Эта боль — казалось бы, была батюшке не по силам, но она была с ним...

Последняя поездка отца Геннадия. В воскресенье вечером 31 марта мы были на дне рождения у Ирины Ивановны Соколовой. Здесь было необыкновенно тепло и светло. И уже в шесть утра мы с Натальей Васильевной Нестеровой заехали за батюшкой и матушкой Еленой в Ухтомку. Путь лежал в Выши — к Святителю Феофану Затворнику. Ехали на двух машинах. Я был в машине с батюшкой и матушкой. Отец Геннадий сидел впереди и часто оборачивался к матушке и брал ее за руку. И подумать нельзя было — что это прощание.

В Вышах вместо монастыря теперь сумасшедший дом. Привезли туда продукты и одежду от Нового гуманитарного Университета.

Больные тянулись к отцу Геннадию, а он повторял нам, что эти больные — теперь не допущены к греху.

Мощи Святителя Феофана находятся в Эмануиловке, которая высится в двух километрах от бывшего монастыря.

Нас щедро встретил настоятель местного храма отец Георгий. Мы приложились к мощам и батюшка с отцом Георгием отслужили акафист Святителю.

Ночью отцу Геннадию не спалось. Ко всему у него была скверная кровать, которая проваливалась. Другие — были для него маленькими. Когда часа в два ночи я вышел на крыльцо — то увидел там батюшку. Он глядел на звездное небо. Он отсутствовал в созерцании. Был в другом мире. И вдруг сказал мне: «Как красивы дела Господа!»

В пять утра через Мордовские лагеря мы поехали в Дивеево. Я же все время был под впечатлением той ночной встречи с отцом Геннадием. Часов в двенадцать мы были уже у преподобного Серафима. Как же радовался батюшка! Как, окрыляясь откровением — он читал акафист преподобному Серафиму у его раки.

К сожалению, мы вечером уехали в Москву, как ни уговаривали отца Геннадия переночевать в Дивеево. Батюшка обещал кого-то соборовать и спешил домой. По дороге мы заехали в Арзамас.

(Это уже была вторая моя поездка с батюшкой в Дивеево. Первая была в год открытия Малого Вознесения).

Отец Геннадий всю ночь не спал. Но как он нежно глядел на матушку, заботился о ней... Волновался за Наталью Васильевну Нестерову, которая ехала в другой машине. В пять утра мы были в Москве. В нас царило счастье. Вот такое было прощание с отцом Геннадием. Через четыре дня батюшка ушел в вечность.

Красная рубаха
от крови его
становится белой.
Белей снега

Соловецкого.
Вот какво оно —
просвещение света —
праведником.

Прости меня, дорогой батюшка, за то, что я так кратко написал воспоминания. Не успеваю физически на большее. Но я еще вернусь к воспоминаниям...

Свет нетленный на твоей могиле, дорогой батюшка!
Голуби из света — в твоём сердце.

ОТСВЕТ ЛЮБВИ

Марина Софронова

Я помню не столько первую, сколько вторую свою встречу с отцом Геннадием. После крещения я ехала причастить детей. Ехала честно “к 10 часам”, как мне подсказали, и, естественно, опоздала к причастию. Мне тут же посоветовали “позвать священника” и я, все по своему неведению понимая буквально, взошла на солею и направилась прямо в алтарь! Тут уж меня дружно остановили, и я остановилась в полной растерянности: что теперь делать, чтобы опять не попасть впросак?

И тут, на мое счастье, появился отец Геннадий. Его всегда посылали причащать опоздавших. Он появился с такой широченной улыбкой, с таким выражением счастья на лице (хотя, казалось бы, что за счастье — опоздавших причащать?), что я это запомнила. Это было в 85 году.

Потом я еще раз пришла, чтобы причастить старшую дочь, Асю. Народу было мало, отец Геннадий служил один. Причащал он только двоих детей. Но когда я увидела, как он их причащает, как сияет его лицо — я подумала: “Вот священник, к которому я хотела бы ходить на исповедь”. А у меня было такое благословение: исповедоваться, не причащаясь, каждую неделю.

И на следующую неделю я пошла на исповедь. Но сомнение было: мне казалось, что идя к отцу Генна-

дию, я просто ищу себе поблажек. А должно быть наоборот... Я пришла на раннюю литургию. Исповедовал отец Владимир, которого я побаивалась. Но честно встала в очередь. Дошло до меня и тут отец Владимир сказал: “А вы причащаетесь?” “Нет”. “Тогда подождите”. И ушел.

Я пошла в придел, где шла служба. Служил отец Геннадий.

Служба скоро кончилась, он вышел на солею, а к нему никто не подходит — так мало в храме народа.

Я подошла и спросила, когда он исповедует. Он ответил: “За поздней”. И тут входит отец Владимир, ищет меня, но видит, что мы уже разговариваем. Так я попала на исповедь к отцу Геннадию. И уже до конца.

В моей жизни были страшные обстоятельства, тяжелая история. Были операционная, наркоз, коридор, по которому я уже уходила (это описано сейчас во многих книгах!). В конце этого коридора был немислимый Свет. Свет, который, в сущности, был Любовью. И этот Свет отправил меня обратно...

После этого я начала ходить в церковь. И однажды в Донском испытала как бы отблеск той Любви, того Света, которые однажды видела. А второй раз я увидела эту Любовь в отце Геннадии. После этого меня стало уже невозможно оторвать от храма...

Отец Геннадий принял самое горячее участие в моей судьбе. Он пытался повернуть к вере моего мужа (что, впрочем, окончилось неудачей). Он привлек к вере моих детей, окружил их такой заботой, что они стали буквально рваться в церковь.

Все это, вся наша обоюдная с ним любовь и дружба, вылились в годы жизни. И главный мой долг перед батюшкой, который я никогда не отдам, именно в этих годах — годах церковной жизни для моих детей.

Я помню: в последнюю его осень он стоит в теплой рясе во дворе храма, а мы — все вместе — идем

на всю ночь. Он стоит и внимательно наблюдает за нами. Потом дети, все трое, бросаются к нему под благословение, а он обнимает их, привлекает к себе и говорит: “Выросли мои ребятки...” Это были его ребятки, это он их вырастил...

Отец Геннадий — в сущности, вся моя жизнь. Где бы я была без него, чем бы была — не знаю.

И еще подарком было последнее лето, когда мы с Машей жили у него дома. Он в быту был удивительно мягким и чутким человеком. Помню, на Успение все разъехались, а я сходила на службу, накормила рабочих и сидела, усталая, перед горой грязной посуды. И тут приехал отец Геннадий. “Ну, как праздник?” “Вот праздника-то как раз и не хватает”, — ответила я. “Сейчас будет!” — пообещал он. Достал бутылку красного сухого вина. А я такого кислого не хотела. Он увидел мою реакцию и вдруг спросил так участливо, как мог только он: “Ты сладенького хочешь?” И в три минуты сварил потрясающий глинтвейн. И мы сидели с ним вдвоем и пили этот глинтвейн...

А как он умел восхищаться красотой мира! Для меня, как для биолога, это было особенно близко и понятно. И всегда в такие моменты, держал ли он за ножку краба в зоомузее, или стоял перед вольером в зоопарке, у него вырывались одни и те же слова: “Всемогущ Творец!..” Сам будучи удивительно гармоничным человеком, он всегда чувствовал эту гармонию в мире и восхищался ею.

У меня были разные периоды отношений с ним. Было такое время, когда я хотела строить жизнь по-другому, а он был против. Я сопротивлялась, старалась настоять на своем, подолгу к нему не ходила. Но и во время наших самых сложных отношений я знала внутри: прав отец Геннадий. Отец Геннадий не может быть не прав...

И еще: он учил нас терпеть друг друга. А мы все были такими разными. И все-таки, нам приходилось

терпеть. Мы терпели не ради друг друга и не ради Бога, — но мы терпели ради него, отца Геннадия.

Как-то раз мы пошли с ним вдвоем погулять в Кремль. Пришли в Благовещенский собор, там как раз была какая-то экскурсия, и экскурсовод рассказывал что-то. А отец Геннадий потихоньку рассказывал мне. Он был в обычной одежде, в плаще. Но постепенно слушатели начали перетекать от “официального” экскурсовода к нему. И скоро почти вся группа стояла вокруг отца Геннадия — настолько он, на фоне кремлевского собора, смотрелся своим, родным...

ТЫ ПРИХОДИ

Елена Александрова

С отцом Геннадием я познакомилась в храме Воскресения Словущего, куда ходила моя мама, а потом начала ходить и я. Помню, как-то у меня возникло искушение по поводу нищих, которых в этом храме всегда было немало. Известно, что нищие в церкви далеко не всегда ведут себя как подобает. И вот, в связи с этим, у меня возникла мысль: да, может быть, мы живем совсем не лучше тех, кто стоит на ступенях храма! И денег у нас не больше — стоит ли вообще давать им деньги?

Вот этими мыслями я поделилась на исповеди с отцом Геннадием. Он сказал: «Ну что ж, хорошо. Но если ты считаешь, что живешь не лучше, чем они — так, может быть, ты сама попробуешь вместе с ними собирать милостыню?» Я совершенно искренне изумилась: «Я?!» Тогда он сказал: «Вот видишь! Тебе твое «я» не позволяет собирать милостыню. Но не думаешь ли ты, что и этим людям стоило немалых усилий сломать свое «я» и встать на место нищего? Так значит, было в их жизни что-то такое, что заставило их это сделать. Что-то такое, чего не было, слава Богу, в твоей жизни...»

Однажды мы с ним разговаривали, и он долго говорил о том, что всякое живое существо — Божия тварь и надо ее оберегать, хранить, миловать. Я возразила: «Ну, батюшка, а вот тараканы? Что же мне — и их оберегать? Так они на кухне так разведутся, что все равно же давить придется!» На что он ответил: «Ну хорошо, ты их дави... Но только с сокрушением сердца!»

В наших отношениях с отцом Геннадием бывали разные моменты, иногда и конфликтные. Но он всегда мне говорил: «Ты, Лена, приходи, обязательно приходи! Приди, поплачь мне в подрясник... Можешь даже подраться со мной, если хочешь — но только приходи...»

Тогда в Москве только-только начал появляться обычай закрывать двери храма во время Евхаристического канона. Первым его ввел у себя в храме отец Д.С. Помню, спросили и у отца Геннадия, как он относится к этому нововведению. Он сказал: «Конечно, отец Д. — человек ревностный. Но я себе представляю такую картину: пришел человек впервые в храм — а двери закрыты. Постоит он перед закрытой дверью, повернется, да больше и не придет...»

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что позже и сам отец Геннадий благословил в своем храме закрывать двери на время Евхаристического канона.

Первые впечатления от отца Геннадия у меня не были очень приятными. Связаны они были с исповедью. Дело в том, что мама поначалу заставляла меня ходить в храм, я ходила на исповедь к разным священникам. Исповедь проходила вполне исправно и... формально. Но вот появился в храме отец Геннадий. Я стала попадать на исповедь и к нему.

Помню, подойдешь к аналою, он наклонится к тебе сверху, волосы его упадут к тебе на голову, отчего ты

боишься пошевелиться и замираешь в неудобной позе. А он еще начинает тебе задавать какие-то въедливые, колючие вопросы, на которые волей-неволей приходится отвечать, потому что совесть начинает обличать тебя. И вот, порой прямо в процессе исповеди, ты начинаешь какие-то свои поступки оценивать совершенно по-иному, а точнее — так, как их следует оценивать...

И вот этой своей въедливостью он, как ни странно, привлек мое внимание к исповеди — к важности исповеди, к необходимости ее. Потом он начал говорить о необходимости иметь духовника, — и я уже была подготовлена к этому всем предыдущим нашим общением. А ведь когда у тебя один духовник — наврать ему значительно сложнее! Это когда ходишь к разным священникам — тут уж у тебя большое поле «для деятельности»...

Когда я закончила институт, на меня свалилась сразу масса житейских проблем: мама, хозяйство и т. д. И, вместо каких-то творческих занятий, о которых я мечтала, я целиком погрузилась в эти проблемы. И пожаловалась на очередной исповеди отцу Геннадию: «Батюшка! В мои-то годы всем этим хозяйством заниматься, когда бы надо только о туалетах думать!..» На что он ответил: «Ой, не говори!.. У меня вот тоже — яблоня в саду упала — и что делать? Спилить? Подпирать как-то? А когда, если я даже выпиться не могу?..» И как-то у него так здорово получилось — успокоить человека, поддержать его в трудностях, поделившись своими трудностями...

Времена, конечно, были совсем иные, православной литературы не было. Редкие книги, которые кто-нибудь имел, передавались друг другу с большой осторожностью.

Отец Геннадий очень хотел почитать Добротолюбие, а у одного моего знакомого оно было. Когда ба-

тюшка узнал об этом от меня, он сказал: «Ну что ж, придется мне тебя пирожными кормить, чтобы ты за это брала для меня эти книги...»

Мне кажется, именно душевная доброта отличала отца Геннадия, выделяла его изо всех священников, которых я знала тогда, да и знаю сейчас, хотя среди них есть множество замечательных людей. Но отец Геннадий стоял как-то на особицу. Своей детской наивностью, своим искренним желанием помочь каждому. Может, не всегда это получалось так, как он хотел, но не ошибается тот, кто ничего не делает, а он делал много и напряженно, не щадя своих сил...

Он очень иронично относился ко всякой учебе, которой я временами сильно увлекалась. Он-то считал, что главное дело — молиться, поститься. Я по этому поводу немало с ним конфликтовала.

Помню, получила водительские права и пришла к нему, чтобы этим поделиться. Он сказал: «Ну, молодец, молодец... Ну, а как теперь, дельтаплан-то научишься водить?..»

Впрочем, он совсем не запрещал мне заниматься тем, что мне нравилось. Просто не очень приветствовал.

Конечно, отец Геннадий огорчался, когда я начала ходить к другому священнику. Но при этом никогда от него нельзя было услышать: «Уж если ты туда теперь ходишь, так ко мне больше не ходи». Нет, наоборот. Несмотря ни на что, он говорил: «Ты приходи, Лена... Ты приходи...»

ВЕРНОСТЬ

Ольга Малягина

Когда, придя в церковь, мы с мужем начали думать о выборе духовника, я осознала всю трудность этого вопроса. Было несколько батю-

шек, к которым я ощущала доверие, — отец Геннадий был одним из них.

Но генеральной исповедью я исповедовалась не у него, а у другого священника. Этот замечательный батюшка так и называет себя — «специалистом по генеральным исповедям». Я пережила такое чувство покаяния, которое, могу сказать определенно, никогда не переживала в исповедях отцу Геннадию. Но, выйдя от этого батюшки после генеральной исповеди, я вдруг ясно и определенно поняла: такого напряжения духовной жизни я понести не смогу...

И так вопрос о духовнике оставался открытым еще некоторое время. А потом произошел случай, после которого я сделала свой выбор, не задумываясь больше ни о чем.

Как-то раз я была на литургии, которую служил отец Геннадий. Служил очень благоговейно, очень истово. А оттого, что он был тогда священником молодым — служил еще и очень старательно.

И вот закончена литургия, отец Геннадий выходит на солею, благоговейно сложив руки на груди. И проникновенным, задушевым голосом, которым он сразу мог растопить любое сердце, говорит: «Ну вот, мы с вами отслужили литургию. А теперь, дорогие мои, подходите ко кресту...»

И ждет. А мы стоим, смотрим на него и тоже ждем. Потому что как раз креста-то в его руках и нет, только он об этом, как видно, не знает.

Возникает пауза. Он смотрит на нас недоумевающе, потом смотрит на свои руки — и, наконец, понимает, в чем дело! И тут он как-то по-детски, бьет себя по лбу, быстро убегает в алтарь — и в смущении выходит оттуда уже с крестом в руках.

И в эту секунду я понимаю, что вот этот человек, именно этот, мою собственную неорганизованность, которую я в себе знаю — поймет. И простит всю мою нечеткость, все переполняющие меня чувства...

...С детства у меня был страх смерти. Такой, что, еще будучи ребенком, я ощупывала, например, перед

сном свою кровать. Потому что в кровати могла оказаться иголка, которая могла воткнуться в кожу, потом попасть в артерию, потом дойти до сердца — и тут-то я бы уж точно умерла... И вот этот страх, пускай и не в такой детской форме, остался. И я исповедовала его отцу Геннадию.

Отец Геннадий слушал меня с некоторым недоумением, а потом сказал: «Да что смерти-то бояться? Греха бояться надо, а не смерти!»

Этих слов я совершенно не могла тогда понять: а чего, собственно, греха-то бояться? Грех — дело обычное, куда от него денешься? Грешишь и днем и ночью, а вот уж смерть придет — тут уж все, тут уже не до греха, а и вообще ни до чего...

И я смотрела тогда на отца Геннадия, как на какую-то огромную гору, которую я совершенно не могу постигнуть...

Потом начались проблемы с чтением молитвенных правил. Я все время внутренне возмущалась, для чего я, так уставшая за день с детьми, должна каждый вечер повторять одни и те же слова, совершенно не чувствуя от усталости их смысла? Да к тому же, я тогда еще и не все слова молитв понимала!

Свои возмущения я высказывала отцу Геннадию, он меня, как мог, утешал, но утешения его были для меня не слишком убедительными. Как вдруг снится мне сон: я на исповеди у отца Геннадия и говорю ему все те же слова все о том же чтении ежедневных правил. И он — во сне! — мне отвечает: «А ты знаешь как попробуй? Ты как встаешь на правило, так себе и скажи: вот сегодня читаю правило в последний раз, а уж завтра — точно не буду...» И я во сне думаю: «А что? Надо, пожалуй, попробовать — вдруг получится?..»

А когда я проснулась, я поняла, что, наконец, все встало на свои места. И каждый вечер я поднималась на правило «в последний раз». А самое главное — я начала понимать, что это никакая не игра — что

каждая ночь вправду может оказаться для тебя последней! И тогда последним будет и это твое вечернее правило...

Я, конечно, рассказала отцу Геннадию про свой сон, но он в ответ только удивленно покачал головой...

Несколько лет назад я тяжело заболела. Это было заболевание крови, и в онкологическом центре мне был поставлен очень нехороший диагноз. И вот я приехала к батюшке собороваться.

Дело было вечером, на завтра я должна была еще раз сдавать анализы, теперь уже в Институте крови, куда меня положили. На соборовании было три человека — батюшка, я и мой муж, которого отец Геннадий благословил читать Апостол.

Соборование протекает долго, сил стоять у меня не было. Мне поставили стул, но я боялась, что даже и не высижу.

Но поначалу встала, сколько сил хватит. Соборование началось. Постепенно почувствовала себя чуть-чуть полегче. Решила терпеть дальше. А потом я вдруг осознала, что соборование уже приближается к концу, а я стою! Стою и у меня даже не возникает желания сесть!.. Это было настоящее чудо: ведь меня только что привели чуть ли не под руки в храм...

Но еще большее чудо случилось на завтра. Я сдала анализы — и первоначальный диагноз онкологии не подтвердился, хотя поначалу мне говорили, что у меня абсолютно нет гемоглобина и даже нарушена сама формула крови...

Отец Геннадий жил очень скромно, это известно. Когда я первый раз увидела дом, в котором он жил, я была поражена: наш батюшка, такой широкий, такой красивый человек — живет в доме со сломанным туалетом и промерзающими стенами?.. И когда мы шли на станцию, а он нас провожал, я завела разговор: «Батюшка, но ведь ваши дома могут со временем снести, и тогда вы получите нормальную квар-

тиру?» А он в ответ с ужасом на меня посмотрел, перекрестился и сказал: «Да милостью Божией, надеюсь, что уж до такого-то мы не доживем...» И тут меня поразило, что я опять его не понимаю, как и в отношении греха и смерти. Он был каким-то совершенно иным, иноприродным человеком...

И лишь спустя годы начинаешь осознавать: наш отец Геннадий не может жить в многоэтажке на тринадцатом этаже. Это было бы просто противоестественно!..

Помню, когда в последний год друзья батюшки помогли ему возвести кирпичную пристройку и у них с матушкой появилась светелка вполне на уровне «евростандарта» — ванная, теплый туалет — они шутили: «Вот эта половина дома — как у нас, а эта — как у людей...»

Или приезжаешь к нему, а он выходит в заштопанных тренировочных штанах, в валенках или тапочках. Сначала меня, с моим отношением к внешнему виду, это просто ужасает. Но уже через минуту я вдруг ощущаю, что все прекрасно — и эти валенки, и эти тренировочные штаны... И уже тогда у меня родилась такая формула: скромность батюшкиной жизни оборачивалась роскошью бытия. Какой-то божественной роскошью...

Просто он был, наверное, свидетелем Царствия Божия. И оттого все в нашей жизни так происходило, оттого все твои проблемы рассыпались в прах, превращались в мираж, когда ты приносил их отцу Геннадию...

Еще в моей жизни были пряники. Пряники в виде ангелов, в виде храмов. Я не помню, когда они возникли, но точно знаю, почему я их вообще пекла. Потому что батюшка был единственным человеком, которого эти пряники по-настоящему радовали. Потому что пряники эти, на самом-то деле, не имели никакого логического смысла, корыстного смысла, они вообще были абсолютно нецелесообразными! А он им радовался от всей души, как ребенок.

Помню, я испекла такой пряник в первый раз и подарила ему. Он ахал, охал, говорил, что недостойн, наконец, взял с благодарностью. Но вот прошел месяц или около этого — замечаю, что батюшка как-то смущается, мнетя, как будто что-то хочет сказать. И наконец, выдавливает из себя: «Понимаешь, у нас с твоего пряника глазурь начала осыпаться... Может быть, ты сможешь его отреставрировать?..» И ведь он совершенно всерьез был готов реставрировать пряничную «роспись» — такое благоговейное отношение было у него к любому творчеству...

Потом он мне говорил, что эти пряники очень выручали его, когда по храмовым делам надо было ездить на прием к разному начальству. Каждый раз надо что-то дарить, а что? А пряник подаришь — и лицо человека расплывается в улыбке...

И еще случай с пряником: как-то раз я подарила большой пряник в виде храма. Батюшка с матушкой водрузили его на почетное место в своем доме, а сами уехали в Бердянск всей семьей. Возвращаются, встречаемся в храме и матушка говорит: «Знаешь, Оля, мы так твой пряник берегли. А приехали и видим — мыши все кресты съели. Ну тогда уж и мы решились его доесть...»

...Когда отец Геннадий умер, меня заново пронзило ощущение все той же давней проблемы — страх смерти, страх греха... Отец Геннадий умер так же, как и жил — поучая нас, подавая пример. Ведь смерть всегда внезапна, как бы ты к ней ни готовился. И он как будто показал нам — как христианин может умереть даже внезапной смертью. Как тихо и никого не тревожа он может уйти...

Перед самой смертью своей он успел сказать мне очень важные слова, касающиеся не только духовной стороны жизни, но и просто — социально-жизненной. Он знал, что я учу детей рисовать, сам благословлял меня когда-то на это, следил за ходом дел. И вот после всенощной на Благовещение, когда я

уже отходила от него после исповеди, он благословил меня и сказал с какой-то особой настойчивостью: «А детей учи. И не бросай учить, даже если у тебя останется один ученик!..» И эти его слова стали для меня настоящим заветом, который я стараюсь исполнить...

...Может быть, именно со смертью батюшки я осознала, что такое Церковь, что такое церковная жизнь. Потому что Церковь оказалась — все мы, окружавшие его, знавшие его и любившие. Мы стали одной семьей. Да, между нами могут быть трения и разногласия, как они бывают в семье. Но, так же, как и в семье, эти разногласия покрываются взаимной любовью.

И еще: Церковь — это верность. А верность — это, может быть, самое ценное качество. Ведь самое опасное, что нас подстерегает в жизни — это неверность, предательство. И недаром вся история Христа и христианства — это история веры и верности одних, и предательства других...

И ради верности можно, мне кажется, пожертвовать очень многим. И люди, с которыми нас соединил отец Геннадий — это верные люди. Это наши родные люди.

Но мало того — Церковь и после батюшкиной смерти не просто живет, а расширяется, произрастает. И в нашей жизни появляются новые люди, такие важные для нас, что мы без них уже не можем жить...

ПОЛНОТА ОБЩЕНИЯ

Наталья Демидова (Бабусина)

В храм меня привела моя знакомая по имени Вера. До этого я в церкви не была ни разу. И вот мы вошли — и вдруг увидели, как по проходу на нас движется нечто огромное, в черной одежде, с широкими рукавами-крыльями. Это был отец Геннадий. Он как-то так стремительно проле-

тел-прошуршал мимо нас, — Верочка едва успела у него благословиться.

Я тогда была некрещеная, мы стали у него просить, чтобы он меня окрестил, но он долго отказывался, говоря, что «он недостоин»... В конце концов он, разумеется, меня окрестил. Но это было позже, а до того времени знакомая сказала мне, что, пока я не крещена, я должна обязательно выходить из храма на словах: «Изыдите, оглашенные!...» И я это аккуратно выполняла, простаивая основное время в притворе...

Отец Геннадий умел привязать людей к себе, а через себя — к храму. Он, например, еще в первую встречу, узнав, что я работаю в Архиве древних актов, попросил найти какие-нибудь документы по истории храма Воскресения Словущего. Я, конечно, взялась за дело, подключив к этому заданию и своих коллег. И вот каждое воскресенье, когда к отцу Геннадию выстраивалась очередь духовных чад со своими проблемами, я тоже вставала с очередным документом в руках. Он смотрел, одобрял, просил еще что-нибудь...

Так продолжалось долго. Но однажды в руках у меня не оказалось никакой бумажки. И, подойдя к нему, я сказала: «Батюшка, а сегодня я вам ничего не принесла». И тогда он махнул рукой и сказал: «Да ладно тебе! Ты, главное, сама приходи!..»

Он крестил меня накануне Петра и Павла, 11 июля. И каждое воскресенье я была у него в храме. А вот на Успение решила пойти в другой храм. И вот когда после службы моя подруга подошла к кресту, он спросил: «А где Наташа?» «Она сегодня поехала в храм Трифона-мученика». «Ты ей поклон передай и скажи, чтобы к нам приходила». То есть, внутренне он уже включил меня в число «своих» и внимательно наблюдал за мной, как и за каждым из «своих».

А по поводу документов надо добавить: когда я уже «укоренилась» в храме и осознанно стала жить

церковной жизнью, отец Геннадий однажды просто вернул мне всю эту толстую папку моих «бумажек».

Душа верующего, и особенно женская душа, очень реагирует на священника, на его личность, часто именно к ней поначалу привязываясь. Это, конечно, имеет отрицательные стороны — но имеет и положительные: Господь таким «человеческим» способом привязывает людей к Церкви. И это естественно. Так случилось и со мной.

Сначала я ходила только по воскресеньям и по большим праздникам, потом стала ходить чаще, а потом — на каждую службу, когда служил отец Геннадий. И меня стало тянуть именно на службу.

И вот я стала замечать, что когда служит батюшка, а я стою в храме на своем месте — не далеко и не близко от алтаря, а именно на своем! — наступает какое-то спокойствие от... от полноты общения, что ли. В жизни, даже если я жила у батюшки в доме (что потом бывало не раз), никогда не было такого ощущения постоянства, упорядоченности. Я знала, что, рано или поздно, но мне придется уезжать домой. А на службе — было это надежное, это полное чувство общения...

Потом жизнь сложилась так, что из архива я решила уходить. Батюшка благословил. Но мало этого: если он на что-то благословлял человека, то он еще и старался помочь ему действительно. И мне тоже он помогал найти работу.

В первый год после моего крещения мы общались много. Треб у батюшки было еще не так много, как стало потом, и вот, между утренней и вечерней службой, у него было обыкновение брать меня с собой на прогулку. Я об этом знала, и хотя мы ни о чем не договаривались, я после службы никуда не уходила, а стояла и чистила подсвечники в храме.

И вот отец Геннадий, освободившись после службы и трапезной, входит в храм, находит меня глазами и говорит: «Пошли!» И мы идем гулять... Мы мог-

ли с ним зайти на какую-нибудь выставку, или в мастерскую к кому-нибудь из его знакомых архитекторов, или просто пройти по бульвару. Он вообще любил жизнь, а тогда его обязанности еще не были так безмерно тяжелы, как это стало потом.

А через год прогулки кончились, потому что начались требы. Требы эти были бесконечными — соборование, исповедь, причащение. И весь ритм жизни теперь был такой: службы, требы, службы, требы... Я его часто сопровождала, поэтому знаю, что адреса этих треб были самыми разнообразными, не только в Москве, но и за городской чертой. Практически никаких денег за эти требы вообще не бралось — ведь все это были знакомые, близкие люди. Разве что на десять бедняков попадался один состоятельный человек, считавший своим долгом отблагодарить священника.

Случались, конечно, разные казусы. Однажды, приехав в Пушкино причащать больного, батюшка обнаружил, что не взял епитрахиль, в другой раз, вернувшись в храм, понял, что оставил на квартире, где был, дарохранительницу...

Но были случаи посерьезнее, хотя внешне выглядели комичными. Как-то, освятив квартиру в районе Маяковки, отец Геннадий спешил в храм на вечернюю службу. И вот, спускаясь, мы с ним застреваем в лифте! Застреваем на сорок минут. Звучит смешно, но надо было видеть тогда отца Геннадия! Позже я поняла, что он был на грани инфаркта от этой нелепой безысходности: строгий настоятель, вот-вот начинается всенощная, а ты, молодой священник, стоишь в лифте буквально в трех шагах от храма — и бессилен что-либо сделать!..

А другой случай был уже настоящим предвестником того, что случилось потом. Он с утра служил, потом долго, бесконечно разговаривал с женщиной по имени Юлия, и потом мы пошли соборовать больную. На соборовании я увидела, что лицо у него ста-

ло какого-то странного цвета. К тому же больную, которую звали, кажется, Мария, он все время называл Юлия. А во время чтения Евангелия я увидела, что он просто теряет сознание. Но он смог пересилить себя, — он обладал этой удивительной способностью пересиливать себя...

После этого соборования он впервые сказал: «Да, мне надо отдохнуть», хотя до этого момента он сердито отмахивался от этой фразы, которую ему говорили все окружающие...

У батюшки была удивительная способность сходиться с людьми. Причем, он никогда не боялся этого контакта. Произошел однажды такой случай: мы все ждали батюшку из Бердянска. Но что-то там не заладилось с билетами на самолет. А мы, ничего не зная, все ездили в аэропорт его встречать. День ездим, другой, третий — нет батюшки! Матушка уже извелась, звонит в Бердянск, но и там о нем ничего не знают. И вот, дня через три, отец Геннадий появляется. Оказывается, какие-то люди, абсолютно незнакомые, предложили ему ехать из Бердянска в Москву на их машине! И что же? Он согласился, не раздумывая, видя этих людей впервые в жизни!..

И еще деталь: мы жили, ожидая батюшку, три дня вдвоем с матушкой. В доме пусто, никто не приезжает, полная тишина, полный покой. И вот он приехал. И в тот же день повалил народ, причем, никто же не знал, когда он должен приехать. Но люди как будто чувствовали!..

Он был абсолютно, совершенно общественным человеком. Точнее, ему приходилось вести общественную жизнь. А сам он как-то признался мне: «Вот матушка Елена у меня — настоящий общественный деятель по натуре. А мне бы — сидеть где-нибудь в одиночестве на природе, да этюдики рисовать. Но жизнь развернула совсем по-иному...»

Потом ему дали храм, жизнь и его, и наша, конечно, изменилась, хотя легче не стала. А года за три до

его кончины для меня начались сильные искушения в наших с ним отношениях. Было ощущение, что в сердце вошло что-то колющее — и никак не может отпустить. И так я жила — с постоянной обидой на своего духовного отца. Продолжалось это три года.

И вот наступил Великий пост 97 года — тот пост, в который батюшке предстояло уйти от нас. На покаянный канон Андрея Критского в первую неделю поста я пошла в храм Воскресения Словущего, я тогда даже на службу в Малое Вознесение ходила редко, не могла видеть отца Геннадия без какого-то раздражения.

Прошел понедельник, вторник. В среду я, как обычно, поехала в Воскресение Словущего. И там, кажется, после канона, я вдруг ощутила, что нож из моего сердца вынут и мне стало легко!.. И все тяжелое, что я испытывала к отцу Геннадию, вмиг исчезло.

После канона я зашла в Малое Вознесение, встретилась с батюшкой, разговаривала с ним, — и впервые за долгие три года была абсолютно спокойна! Мне стало легко. И одну только мысль я помню из того вечера — легкую, как бы промелькнувшую — что надо просто ценить присутствие этого человека в нашей жизни!..

После этого я успела еще раз придти к нему на исповедь, успела рассказать ему о том, что со мной произошло. Но и это был еще не конец истории. Конец наступил в момент его смерти. Только в эту минуту мне окончательно открылся смысл всего происшедшего. Господь освобождал отца Геннадия от любого противоречия, от любых недоумений в его отношениях с людьми, чтобы ничто не могло омрачить для нас его ухода!.. Чтобы ничто не могло помешать и ему самому.

Но главное чудо, мне кажется, началось именно после его смерти. Чудо это — ощущение полного его присутствия, полноты этого присутствия. Это чувство, которое переживаем все мы, без исключения,

все его духовные чада. И то, что он не оставляет нас своей заботой и после своей смерти — это тоже чувствуют, как я знаю из рассказов, все, его знавшие...

БАНЯ

Олег Демидов

Когда я пришел в храм, батюшка лежал в больнице. Я ходил довольно долго и уже достаточно плотно помогал на каких-то работах, а его все не было. Наконец, однажды я пришел и мне сказали: «Батюшка вышел из больницы и служит молебен в храме Воскресения Слоущего». И я пошел туда посмотреть, что же это за батюшка такой...

Он служил молебен в правом, Елисеевском, приделе. Первое ощущение было доброго, застенчивого человека. Ему про меня раньше уже рассказывали, а поскольку я пришел не один, а с кем-то из наших женщин, он меня узнал и улыбнулся. Это что касается первой встречи.

В жизнь прихода он принял меня сразу, без колебаний, а вот что касается своей внутренней жизни — тут он, как мне кажется, определил для меня довольно долгий испытательный срок. Для себя я объясняю его логику так: человек молодой, спортсмен, приходит в храм и сразу настолько активно включается в храмовую жизнь, что это может и насторожить. Но потом эта настороженность была разрушена, точнее — она преобразовалась в искреннюю отцовскую любовь ко мне.

Довольно быстро он предложил мне работать в храме. В ответ на это предложение у меня вырвалась странная фраза, как бы даже помимо меня: «Ну, батюшка, если уж вы берете меня на работу, то тогда я прошу от вас и духовного руководства...» На этом «условии» мы и сошлись.

У отца Геннадия было удивительное отношение к бане. Образно выражаясь, баня составляла для него

полжизни. Поход в баню был еще и своеобразным ритуалом.

Я сам был свидетелем, как однажды он был в бане три раза за один день. А дело было так: мы с Володей Ивановым приехали к нему домой около часа дня. Он предложил нам поехать в баню. Собирались мы под странные реплики матушки, нечто вроде: «Сколько же можно?..» Я, признаться, ничего не понял. Мы сели в машину, приехали в Косинские бани, отец провел нас, устроил, но париться с нами не стал, сказав: «Ребята, вы уж одни попарьтесь, а то я был с утра и мне еще вечером ехать...»

В баню он мог идти в любое время дня и ночи. Обстановка в бане была потрясающая: алкоголя не было, бралось, правда, пиво, но батюшка пиво не любил, поэтому делал буквально глоток-два. Зато всегда и неизменно читались Жития святых. Сам он читал редко, всегда поручал это кому-нибудь. Несколько раз читал Жития и я.

Температуру он выдерживал колоссальную. Последняя наша с ним баня, буквально за две-три недели до его смерти (хотя, наверное, он был с кем-то и позже меня), запомнилась тем, что температура в парной была 147 градусов! Обычно я такую температуру выдержать не мог, а тут мы стояли с ним на верхней полке да еще поддавали пару...

В бане отец Геннадий мог и совет церковный устроить, и важные вопросы решать. Обстановка расслабляла, позволяла говорить и думать без лишних эмоций, так что баня иногда являлась еще и «педагогическим» средством...

Хочу рассказать один случай, которому был свидетелем. Как-то раз отец Геннадий освящал ресторан неподалеку от храма. Дело происходило днем, около двенадцати. Молебен читался в холле перед большой ростовой фигурой Петра Первого, которая висела на стене. И вот, после чтения Апостола и перед Евангелием, уже когда отец Геннадий произнес:

«Услышим святого Евангелия...» — фигура вдруг заскреблась. Точнее — скрежет раздался как бы из-за полотна картины, и где-то на уровне груди на наших глазах образовалась выпуклость, как будто там кто-то был. У всех нас мороз пробежал по коже, но батюшка не прервал молебна, хотя тоже это заметил.

Освятили воду, подошли к портрету. Отец Геннадий сказал: «Ну, Петр Алексеевич, давай посмотрим, что там у тебя!..» Он окропил портрет святой водой, а потом мы все заглянули за него. Стена, холст, гвоздь и веревка, на которой висит портрет — и больше ничего и никого...

Что это было — мы не знаем, но за правдивость рассказанного я ручаюсь. Пожалуй, случай подобного рода в моей жизни был единственным...

...В армии мне пришлось прыгать с парашютом. До сих пор помню свой первый прыжок, до сих пор помню тот страх, который испытываешь перед прыжком. Прыгнув с парашютом несколько раз, я все пытался понять, в чем же причина этого страха? Ведь ты знаешь, что за спиной у тебя основной парашют, на груди — запасной — чего же ты боишься?

И в конце концов я понял: страшит не высота сама по себе, а незнание того места, куда ты должен приземлиться. Невидение его, если можно так сказать. А вот когда на земле для тебя очерчен круг и ты стараешься в него попасть — страх совершенно уходит куда-то. Ведь теперь на земле у тебя есть цель — и ты занят достижением этой цели...

Примерно такое же отношение было у меня к смерти: страх перед чем-то неизведанным, неизвестным, перед чем-то бесцельным.

И вот смерть отца Геннадия все изменила. Смерть для меня теперь — не темное неизвестное место, где непонятно что меня ждет. Смерть для меня теперь — место, где ждет меня отец Геннадий. Любимый и родной человек. И в смерти моей для меня появилась цель — встреча с ним, нашим батюшкой...

БЛАЖЕН МУЖ...

Владимир Малягин

Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалище губителей не седе... (Пс. 1, 1).

Господь привел нас с женой в церковь в самом начале восьмидесятых. Первым нашим храмом была церковь в честь иконы Божией Матери «Нечаянная радость», что в Марьиной роще (недалеко от нее мы тогда жили), но вскоре мы переехали в центр, и нашим храмом на долгие годы, куда бы мы потом ни уезжали, стала церковь Воскресения Словущего, что на Успенском вражке (или в Брюсовском переулке, или на улице Неждановой).

С самого начала своей церковной жизни мы как-то осознали, что выбор духовника — вещь непростая и ответственная: ведь наставника и духовного отца выбираешь себе однажды — и на всю жизнь до самой смерти. Мало того, по отеческому учению, связь эта и после смерти не прерывается — а ведь это уже прикосновение к чему-то беспредельному, запредельному. К Вечности, может быть...

Поэтому мы ходили на исповедь в разные храмы, присматривались к батюшкам и в Воскресении Словущего, и в других церквях, но подойти к кому-то из них и попросить стать твоим духовником (на всю жизнь, а потом после смерти!) — такого желания не возникало долго.

Но вот зимой 83-84 годов в храме Воскресения Словущего появился новый батюшка, сравнительно молодой. Звали его отец Геннадий. Фамилия была простая, смешная и какая-то по-русски смиренная — Огрызков. При этом сам он, как бы по контрасту с фамильным прозвищем, был высоким, крупным, с открытым и мягким русским лицом, с добрыми голубыми глазами, с окладистой уже тогда бородой.

Говорили, что он еще учился в семинарии, шел ему тогда тридцать шестой год, но ощущения «ненастоящего» батюшки, «батюшки-студента» от него не было никогда. Он как бы сразу, еще и семинарию не окончив, встал на *свое* место, на то место, для которого однажды и был рожден.

У него был грудной, мягкий и глубокий голос. Иногда он слегка заикался во время проповеди и вообще был очень застенчив. Всем своим видом он как бы искренне извинялся перед нами, прихожанами, за то, что высокий священнический сан дан ему совсем не по заслугам, точнее — не по достоинству.

В те годы именно в храме Воскресения Словущего вырастала целая плеяда известных сегодня в Москве священников, настоятелей разных церквей. К каждому из них мы относились с уважением и любовью, охотно ходили к ним на исповедь, но духовником нашим (как и еще десятков и сотен верующих) стал отец Геннадий.

...Каждому священнику, как и вообще каждому человеку, дан от Бога какой-то свой особенный дар: один прекрасно говорит проповеди, другой трезво может рассудить любую запутанную житейскую ситуацию, третий никогда не скажет тебе резкого слова. Но есть люди, которым дана какая-то загадочная *полнота даров* — вроде бы ни один дар не выделяется, не довлеет над другими, а ты все же чувствуешь, что в этом человеке есть все. А может быть, ты просто ощущаешь его любовь к тебе. И может быть, эта полнота даров и называется Любовью...

Вот эту-то любовь и почувствовали мы, вместе с множеством других людей, в отце Геннадии. Очень скоро вокруг него образовалась густая «толпа» из нас, ставших его духовными чадами. Все мы были нетерпеливыми и обидчивыми, ревнивыми и требовательными, мы ждали — каждый! — какого-то особенного, исключительного внимания к себе. И это неудивительно, такова уж наша самолюбивая человеческая

природа. Удивительно другое — что каждому из нас он мог дать и давал то самое исключительное, особенное внимание, которого мы ревниво требовали.

Кажется, не было человека, которого бы он оттолкнул, оскорбил холодностью. Наверное, он и не мог этого сделать, видя в каждом проходящем к нему не интеллигента или «работягу», не миллионера или нищего, а прежде всего — Образ Божий. Подражая Самому Христу, он «любил всех одинаково, но каждого — больше». И каждый из нас совершенно реально ощущал эту свою исключительность, принося Батюшке все свои скорби и грехи.

В то время главным послушанием каждого молодого священника (не знаю, как в остальных храмах, но в Воскресении Словущем — точно) была, конечно, исповедь. Это были годы первого, еще доперестроечного, массового прихода людей в церковь. Поэтому каждая исповедь (а особенно — во время постов и прежде всего — «во дни печальные Великого поста») продолжалась по многу часов, становясь настоящим испытанием для священника. Испытанием даже физическим (это то, что нам воочию видно!), а уж о духовной стороне дела, когда он принимает на себя тяжесть наших грехов, освобождая нас от них, мы зачастую и не подозреваем.

Возможно, для кого-то из батюшек исповедь так и остается необходимым послушанием, одним из семи таинств церковных, но отец Геннадий принял именно ее как главное дело своего священнического пути. Ведь могут же иные священники даже среди этого многолюдства наводить относительный порядок: кто-то не задает лишних вопросов, кто-то специально предупреждает исповедников, чтобы были кратки, кто-то накрывает тебя епитрахилью, поняв, что ничего нового о своих грехах ты уже не скажешь. Но наш батюшка совершенно не мог бороться с многословием своих духовных чад.

Впрочем, многословие это тоже объяснимо: ведь знали мы, чувствовали, что он *любит* исповедовать. Любит принимать на себя наши тяготы. Любит распинаться вместе с нами на тяжком кресте покаяния. Поэтому исповедь ему была не только и не столько признание в собственных грехах, сколько — совместное сокрушение о твоих грехах. А иногда, в силу нашей духовной окаменелости, именно *его* сокрушение о *твоих* грехах. И, конечно, исповедь ему почти всегда превращалась в нашу жалобу — на себя, на других, на жизнь. Ведь прежде всего мы приходили к нему за утешением.

И этого нашего ожидания он не обманывал никогда. Он именно утешал, согревал, ласкал. Обнимал своими большими, мягкими и теплыми руками, прижимал твою забубенную головушку к своей груди. И лишь после этого — наставлял, направлял, научал. А чаще всего само его соучастие и сострадание к твоим бедам, сама его доброта становились для нас главной наукой — наукой милости и милосердия.

Конечно, он был духовным отцом, но сказать так — значит, сказать не все. Может быть, главное — что он был для всех нас еще и заботливой матерью, которая любит своих детей без рассуждений, не взирая ни на какие их пороки. Любит просто за то, что эти дети ее...

Любовь не может не рождать ответной любви. Поэтому его полюбили сразу. Ему дарили много подарков, особенно на праздники. Его отношение к этим подаркам было замечательным: он сразу их передавал. Подарки отцу Геннадию тут же, на месте, становились подарками отца Геннадия. Сколько раз мы бывали свидетелями, как какая-нибудь дама, вручив ему нарядный, перевязанный бантиками пакет, еще и отойти от него не успеет, как вдруг увидит свой пакет в руках у какой-то убогой старушки, подошедшей к батюшке секундой позже ее! Порой она, обиженная, возвращается к нему: «Батюшка! Да ведь это же спе-

циально для вас!..» И слышит в ответ что-то невразумительное: «Ну ничего... Ты не обижайся... Уж прости меня, окаянного...»

Как-то он подарил моей жене на ее именины огромный пакет. Долго поздравлял, желал всяческих благ. А потом сказал: «Слушай, а давай, откроем, а? Интересно посмотреть, что там...» Обычное дело: пакет ему подарили за полчаса до того момента. В пакете оказались два больших расписных чайника; они и сегодня радуют нас, напоминая о батюшке...

...Своих чад, особенно первых, тех, кто был рядом с ним с самого начала его священства, он опекал с истинной и искренней заботливостью: освящал жилища и автомобили (у кого они были, конечно!), следил за семейной жизнью и воспитанием детей, помогал молитвенно, духовно, а часто и просто — материально — деньгами.

Деньги он вообще не ценил как деньги, как некую особую ценность, скорее они представляли для него возможность подсобить кому-то или хотя бы устроить праздник для своих близких и друзей. Было ли это отношение к деньгам врожденным или воспитанным — не знаю. Но кажется мне, что многое из того, что для нас всех представлялось в нем естественным, само собой разумеющимся, на самом деле было результатом долгого и сознательного подвига. Его человеческой работы над собой.

Судя по тому, как он видимо для всех, осязаемо менялся последние год-полтора (и это замечали очень многие!), он менялся, конечно же, и раньше. Он проходил свой путь, и этот путь, в отличие от наших путей (путей многих из нас!), которые неизвестно еще, куда приведут — был путем к праведности. Путем, который заповедан всем нам нашим Спасителем.

Все, знавшие Батюшку, сходятся на том, что в человеке он видел по преимуществу хорошее. Это, конечно, так. Но, мне кажется, это не вся правда. Взять

хоть нашу семью: он всегда встречал нас в храме (вечно обремененных детьми, вечно опаздывающих!) словами: «Благочестивое семейство!..» Это мы-то благочестивое семейство? Уж он, как духовник и исповедник, знал истинную цену нашему благочестию!.. Но что же это тогда было? Фальшь? Но он был настолько чужд всякой фальши, что и мысль такая не могла придти в голову. Нет, он искренне произносил эти слова, он искренне *видел* нас благочестивым семейством. Ну пусть не сейчас, а потом, где-то *там*, где мы должны, основательно над собой потрудившись, приобрести же хоть когда-нибудь подлинный человеческий образ... Другими словами, он не раздавал нам незаслуженных комплиментов — он ставил перед нами трудную, но исполнимую *задачу*. Он говорил нам, какими бы он *хотел нас увидеть*...

Было в нашем батюшке еще одно качество, которое, как мне кажется, никто пока еще не назвал настоящему. Это качество — народность. Даже — простонародность. Лично для меня, выросшего в провинциальной скудной *простонародной* среде, это было очень дорого. Он, как и я, как и миллионы других русских людей, знал, что такое нужда, простые трудности простой жизни простого человека. Говорят сейчас, что он в нашем храме окормлял преимущественно творческую интеллигенцию. Я бы уточнил: и творческую интеллигенцию в том числе. Но вовсе не потому, что сам был интеллигентом. Он по духу интеллигентом не был никогда. Он по духу был русским простонародьем. Оттого так и любил, и жалел наш народ.

Представить, чтобы батюшка мог сказать: «Эта страна...» — невозможно. Если бы он так сказал, он перестал бы быть самим собой. Зато часто можно было слышать от него: «Наша Матушка-Россия... Наша Русь...» И эту Матушку Россию он любил такой подлинной, такой крепкой любовью, какую мо-

жет любить свою, даже несчастную, мать послушный и благодарный сын.

Людей он принимал сразу и навсегда. Но было два-три случая, когда он не хотел общаться с человеком. Он даже не хотел ничего о нем слышать. Но это были особые случаи. И особые люди. Люди, которые, оставаясь вроде бы рядом с батюшкой (во всяком случае, где-то недалеко), несмотря на все его усилия, не желали хоть в чем-то измениться к лучшему, хоть в чем-то нагнуть свою выю перед заповедями Божиими. И эта их закоренелость в самовольстве, в конце концов приводила к тому, что батюшка как бы вычеркивал их из общей жизни прихода, как бы оставлял их на их собственную волю...

Иногда от молодых батюшек можно услышать жалобы, что вот, маловато у них духовных чад, не идут за ними люди. А у него — отбоя не было от людей. Но почему? Мне кажется, человек очень чувствует главное — пастырь перед ним или просто — священнослужитель. А Пастырь, как все мы знаем «душу свою полагает за овцы». И распинается на Кресте. И идет в священство как на смерть. А точнее: идет в священство — на смерть. За всех за них, своих духовных чад. За всех за нас. Потому-то и мы, овцы, бежим за ним хоть на край света, потому-то чувствуем: этот за нас не то что жизнь — душу свою готов отдать.

Батюшка умел смирать людей. Кому-то такое утверждение может показаться странным, но я вовсе не подразумеваю каких-то строгих епитимий и немислимых поклонов. Я имею в виду совсем иное.

...Тогда он еще не был настоятелем Малого Вознесения, а служил очередным в Воскресении Словущего. Священником в то время он был уже лет семь-восемь.

И вот как-то на работе у меня случился конфликт с начальником. Да такой, что... что я специально

приехал к батюшке, чтобы взять благословение написать заявление об уходе. Я знал, что это благословение он мне даст, потому что у меня был такой аргумент, оспорить который было трудно. Невозможно.

Дождался его после службы, вместе спустились к нему в комнатку (впрочем, «к нему» — это сильно сказано, в комнате этой располагалось еще человека два отцов). Я стал рассказывать о своем конфликте, он понимающе кивал головой, но когда я заговорил об уходе, он стал возражать. И тогда я привел самый крайний, самый сильный свой аргумент: «Батюшка, да мало того, что он на меня кричал — он меня еще и говном назвал!..»

...И вот — как сейчас помню его склоненную голову и такой родной глуховатый голос: «Ну, Володь, ну и назвал... А кто мы на самом-то деле?.. Ведь мы же и есть — говно... Ладно, не обращай внимания...»

(Ни до, ни после мы с ним в наших разговорах не употребили ни одного бранного слова — это был единственный раз. От этого весь разговор еще сильнее врезался в память.)

...И вот, когда я это услышал, вся злость и обида на своего начальника у меня прошли. Испарились. Если уж батюшка признает, что мы такие и есть, то все остальное можно стерпеть. И даже легко можно стерпеть. Я и стерпел, по его молитвам. Смирился его смирением.

Он любил ходить в гости к своим духовным чадам. Засиживались допоздна, до ночи. Но и уже одевшись, уже стоя в прихожей, расставался он с хозяевами не сразу. А любил спеть перед уходом: «Благодатный дом! Святой равноапостольный князь Владимир в нем. И Спаситель пребывает, яко с нами Бог!..» Потом пелось такое же величание небесной покровительнице жены хозяина, потом — святым их детей. Потом — каждому святому каждого гостя. Иногда такое пение «на уходе» продолжалось минут двад-

цать (смотря по количеству собравшихся и прощающихся).

Он вообще как-то не умел уходить от людей. Поэтому-то часто опаздывал: идет, встретит человека, который завладеет им «на минутку» и потом — не отпускает часами. И батюшка слушает, уже погрузился полностью в жизнь и трудности этого человека — переживает, сочувствует, утешает, советует...

В это время где-то кто-то может его ждать — но разве он может бросить сейчас этого, со всеми его нуждами?

Он никогда не заботился о внешнем благообразии, вряд ли даже когда-нибудь об этом помнил. Я имею в виду его личное благообразие, — благообразие церковной службы он соблюдал строго и ревностно.

Бывало, приедешь к нему домой, он выйдет совсем по-домашнему — заштопанные тренировочные штаны, свитер с вытянутыми локтями, стоптанные тапочки.

Улыбнется, благословит, обнимет, заговорит о чем-то важном, и вот он, как всегда, родной и близкий, а у родного человека разве станешь разглядывать тапочки или свитер? В родном человеке ты любишь душу, сердце, а не одежду. Я думаю, и сам он так же относился к своему внешнему виду — не замечал его. А ведь для стольких из нас именно внешний вид (и свой, и чужой) становится настоящим камнем преткновения...

То, что батюшка был мягким, помнят все. По своей природной мягкости он очень не любил конфликтов. Ему легче было отдать, уступить, согласиться, чем вступать с человеком в открытую вражду. Даже не во вражду, а просто — в откровенную борьбу за влияние, например. Или просто за то, чтобы настоять на своем.

Но эта его бесконфликтность (кажущаяся безграничной) на самом деле имела твердые и нерушимые границы. Все, что касалось веры, Церкви, правды Божией — было для него незыблемо. Тут уж переставали действовать любые человеческие рассуждения и логические расчеты. За веру, за Церковь, за правду Божию он всегда готов был отдать свою жизнь. Что и исполнил на деле. Это вовсе не значит, что он мог раздражаться или ссориться. Просто он переставал уступать — и этого было достаточно.

А уж лично против себя он мог вытерпеть любые поползновения. Помню, ехали с ним в метро поздно вечером, после всенощной. Попали в вагон с какими-то не то хиппи, не то панками. Те возвращались с очередной своей «тусовки», поэтому все были на взводе и довольно агрессивны. Один особенно изгалялся, видимо, выступал в роли провокатора — ходил по вагону, заглядывал пассажирам в лица... Когда он остановился возле батюшки, я напрягся — может, придется драться (а силы совсем неравны!)... Но они посмотрели друг на друга, потом хиппи-панк отошел. Я взглянул на батюшку. Добродушная, кроткая, смиренная улыбка человека, готового перенести от любого мальчишки любое заушение!.. И это при его-то силе, его-то комплекции!.. Как-то даже обидно за него. Поначалу. А потом — ясно понимаешь, что именно эта кротость и обезоруживает любого задиру. Что вот именно так и надо себя вести! Да вот только где такие силы взять?..

Духовничество открывает перед человеком новые, неведомые большинству из нас горизонты. И новые перспективы (истинные!), в которых наши сиюминутные поступки и события приобретают порой несколько иные очертания.

Я вот о чем. Опытный духовник (а отец Геннадий, как мне кажется, приобретал этот опыт очень быст-

ро) оценивает твой поступок или какое-то событие в жизни не всегда так, как делаешь это ты сам.

Бывало, хочешь взять у него на что-то благословение. На что-то такое бесспорно хорошее, что и само благословение-то считаешь чем-то почти формальным: конечно, благословит, разве можно не благословить на такое доброе дело! Приедешь, начинаешь ему рассказывать суть и с удивлением слышишь, что это дело совсем не так просто. Да, к тому же, и спорно. И вообще, надо погодить...

А иногда — наоборот. Мучишься чем-нибудь страшно, каким-нибудь своим проступком или жизненной проблемой. Понимаешь, что никак невозможно получить благословение на то, что ты задумал. Идешь к нему свинцовыми ногами — а оказывается, дело-то выеденного яйца не стоит! И мучиться-то было не о чем!..

Загадки духовной жизни...

Я не знаю, особенность ли это отца Геннадия, или это вообще характерно для взаимоотношений духовного отца со своими чадами, не знаю. Но в память это почему-то врезалось.

Всем известно трепетное батюшкино отношение к Церкви. К Церкви во всех ее проявлениях. Он был органически неспособен нарушить ни одной йоты из ее учения. Церковную жизнь прихода он устраивал, все время справляясь, как то или иное дело совершается в Троице-Сергиевой лавре, в Даниловом монастыре, в Оптиной пустыни и т. д. Свое уважение к Церкви он переносил и на старцев, на церковное начальство. Он так, например, трепетал перед епископами, что избегал лишней раз показываться им на глаза. От этого порой некоторые из них думали, что с его стороны это — некое неуважение к ним (чего, конечно, не могло быть!).

Тем удивительнее история, которую я хочу рассказать. Как-то в будний день я пришел в храм. На-

роду было мало, батюшка служил один. Кончилась литургия, он начал служить молебен. Молебен был московским святителям, и вдруг я слышу, как в числе трех или четырех московских митрополитов и патриархов он обращается к «святителю Никону»!

Батюшки-светы! — думаю про себя. Несколько лет я занимался историей XVII века, патриарха Никона люблю как родного, каждый почти день молюсь за его упокоение — и проворонил его канонизацию! Но, с другой стороны, очень обрадовался — наконец-то признаны заслуги этого великого делателя и великого страстотерпца!..

После молебна, конечно, сразу подхожу к отцу Геннадию обсудить с ним это радостное событие. «Батюшка, а я ведь и не знал, что патриарха Никона уже канонизировали!..» И вижу, как в ответ мой церковнейший и дисциплинированнейший батюшка как-то несколько смущенно машет рукой: «Да ты знаешь, Володь... Его, вообще-то, не канонизировали... Но я подумал: ведь все равно канонизируют! Ну как можно такого человека не канонизировать?..»

И тут я изумился во второй раз. И это второе изумление было, пожалуй, едва ли не сильнее первого: чтобы наш батюшка, да нарушил хоть в чем-то церковную дисциплину?..

Но позже, вспоминая это событие, я понял, что никакого нарушения здесь не было. Просто патриарх Никон был для отца Геннадия (да и не только для него, конечно) именно образцом церковности, образцом послушания Матери-Церкви. Да ведь с чего-то же (с кого-то) начинается местное почитание любого святого! Может, в этом случае оно начиналось с отца Геннадия?..

Несколько лет назад мы уехали из Москвы, обменяв свою квартиру на дом в Подмосковье. Уехали, что называется, «с концами», поменяв даже московскую прописку на подмосковскую. Событие такого

рода, конечно, меняет весь строй жизни целой семьи. Но я хочу рассказать, как в этом нашем шаге участвовал отец Геннадий.

Первая мысль об обмене возникла у нас еще в 1986 году, как только мы переехали в новую трехкомнатную квартиру. План был все тот же: московское жилье с пропиской на подмосковный дом. Но батюшка отшил нас резко и непреклонно: «Живите в Москве!»

Прошло года три-четыре, и опять мы подошли к нему с этим вопросом. И опять получили отрицательный ответ, после чего мысль эта долгие годы нас не посещала.

Но вот пришел девяносто третий год. Октябрь, кровь и огонь, залпы орудий в центре Москвы. И наступившая следом за этим безраздельная власть чего-то гнусного, удушающего, пошлого... Я думаю, ощущал это и батюшка, хотя о политике говорить никогда не любил.

И вновь нам захотелось уехать из Москвы. Теперь уже это было осознанное, аргументированное желание. Помню, как на исповеди опять поделился с ним нашей задушевной мыслью. И вдруг услышал в ответ: «А ты знаешь, хорошо бы... Хорошо бы уехать в деревню».

С этих его слов наше желание и начало претворяться в дело. Жена, по благословию отца Геннадия, поехала к старцу — и наш план был утвержден...

Потом был сам обмен с его искушениями и трудностями, с заботами и суетой. Долгие и тяжелые сборы, переезд... Потом начались новые искушения — а правильно ли поступили? А не ошибка?.. Как-то, именно с такими мыслями, жена пришла на исповедь к батюшке. Он долго выслушивал ее сомнения и терзания, потом спросил: «Ты мне одно скажи: у вас там соловьи по ночам поют?» Была весна, соло-

вьи заливались вовсю, и жена моя это подтвердила. И тогда он заулыбался: «Чудачка! Так о чем ты беспокоишься? Ведь это самое главное, что соловьи поют!..»

Прошло еще немного времени, и батюшка приехал освящать наш дом. Вышел из машины, подошел поближе, удивился: «Так он же у вас кирпичный! Капитальный! Как хорошо-то!..» Тут удивился я: «Батюшка, да ведь мы же за него трехкомнатную московскую квартиру отдали! Не на хибару же нам ее было менять!» На что он кротко ответил: «Я-то думал, у вас дом деревянный, бревенчатый... А тут целый дворец!..»

Я часто вспоминал об этом нашем коротеньком диалоге, который и весь-то занял меньше минуты времени. Вспоминал, потому что в нем был наш батюшка — весь. Для него абсолютно нормальным было бы поменять московскую квартиру на деревянный дом. Потому что главным для него было не понятие стоимости, а понятие ценности. И соловьиное пение было для него настоящей, реальной ценностью, пусть даже совсем не имевшей стоимости.

Став настоятелем, он незаметно, но целеустремленно стал устраивать свой приход, собирать вокруг себя людей. Однажды после службы мы стояли на крылечке храма: он, староста, помощник старосты, еще два-три человека. Все мужчины. Он обнял ближайших к нему, прижал к себе: «Вот как хорошо, какие у нас теперь мужи... А то с женщинами этими!..» И махнул рукой.

Поскольку батюшку мы, в основном, видели в окружении женщин, слова эти — по контрасту — запомнились, отложились.

Спустя некоторое время у нас с женой произошел серьезный раздор. Как мне казалось, прав был я, к тому же, где-то подспудно, вспоминались батюшкины слова о женщинах. Сами помириться не могли,

пошли к батюшке. Я чувствовал, что он должен стать на мою сторону. Но услышал твердые и определенные слова: «Для меня одинаково дороги вы оба. И занимать ничью сторону я не собираюсь. А вас благословляю попросить друг у друга прощенья и помириться...»

Что мы и сделали. А вечером уже сидели рядом с ним в гостях у отца Николая Парусникова (был «Никола зимний», 19 декабря 1996 года), он время от времени заботливо оглядывал нас, а однажды сказал мне: «Видишь, какая она у тебя послушная...» Вроде, шутил, а в то же время — сглаживал углы, лечил наши болячки...

Были у батюшки любимые слова. Например, он никогда не скажет: «зачастую», а всегда — «подчас-тую». Не скажет «если», а скажет — «ежели». Ну а насчет «брат ты мой», «братцы мои дорогие» — это всем в память врезалось. И было во всех этих словах что-то такое родное, даже домашнее. А «брат ты мой» — вообще стало классическим выражением многих его чад.

Но случайно ли? Ведь эти «братцы» и «братья» шли, мне кажется, от ощущения братства — братства каждого из нас со всеми людьми.

Он был смиренным, поэтому унижаться для него было не унижительно, а нормально. Помню, перед его последним Рождеством (1996/97 года) мы с ним вдвоем пошли по окрестным магазинам побираться. Вообще-то ходил староста, ходил помощник старосты, но тут никого из них рядом не оказалось и сопровождающим стал я.

Приходим в магазин, проходим к заведующей. Кабинетик — метр на полтора. Батюшка кое-как втискивается на стул, я стою в дверях. Она заметно напрягается, а наш огромный батюшка начинает сокрушенно качать головой, заикаться, спрашивать о здоровье... Но вот переходит к делу: «Марья Ива-

новна (Анна Петровна)... Вот, Рождество приближается... Хотелось бы порадовать детишек... Уж вы, может быть, нам чего-нибудь пожертвуете, хоть немножко?..»

Я смотрю на него — и мне его жалко. Обидно за него. А ему — нормально. Это мне кажется, что он унижается. А он просто просит. Для своих детей. Чтобы у них был праздник.

Ездил он на том, что дадут, что подарят. Слава Богу, находились добрые люди. Последние годы образ Батюшки для всех нас как-то сросся с обликом «уазика», на котором его возили. А он всем был доволен, за все благодарен.

И тем ярче запоминались случаи, когда он проявлял некоторую непримиримость, что ли. Причем, как раз тогда, когда этого меньше всего ожидаешь. Как-то раз в разговоре с ним я назвал одного из священников нашего храма «батюшкой». На что отец Геннадий спросил: «Какой батюшка?» И спросил это вроде просто. Но так, что я понял: для меня батюшка — он; для него батюшка — его духовник. И все, и больше — никто. Потому что это слово обозначает духовное родство, и разминиваться им нельзя.

В последних числах марта (последнего марта) он позвонил нашей куме и позвал две семьи — Софроновых и Малягиных — к себе в гости вместе с детьми.

Поездка состоялась 27 марта. Ему оставалось 10 дней земной жизни. На двух машинах поехали в лес. Он, матушка (даже пса Верного взяли), мы с детьми. Было солнечно, снег подтаивал, но еще лежал.

В эту поездку батюшка старался поговорить с каждым; мы с ним вдвоем тоже сделали круг по лесу. Тема разговора была о целомудрии (его тема!), и он сказал фразу, которая врезалась в память: «На целомудренных изливаются совсем другие дары...» Он, вошедший, наверное, в меру духовного человека, все

время старался тянуть за собой и своих неподъемных духовных чад... Старался до последнего часа.

Думали ли мы о том, что и он не вечен? Думали, конечно. Но гнали эти мысли от себя. А точнее — спорили с ними, глядя на толпы людей, рвущихся к нему за поддержкой и утешением: «Нет, вот уж этого точно Господь не допустит! Уж слишком многим наш батюшка нужен, слишком многих он утешает...» И сказав это себе, я, например, каждый раз успокаивался.

Но когда из храма позвонили ранним утром и сказали, что батюшка умер, я испытал укол какого-то необъяснимого и почти неуловимого злорадства по отношению к своей земной человеческой «мудрости»: «Вот тебе, получи!.. Рассчитал все за Бога? А у Него другие расчеты!..»

Как будто ледяной ветер космоса ворвался в открытую форточку теплой комнаты, резанул по лицу и по сердцу, смял и смел листки с письменного стола и ты вдруг ощутил, что есть Стихия, которая не только превышает тебя, но которая — несоизмерима с тобой и со всем твоим «человеческим, слишком человеческим...»

И это была правда.

Но и это была не вся правда.

Потому что в момент его смерти мы еще не знали и не могли знать о главном чуде, которое приготовил для нас Господь во всей этой удивительной истории.

А главное чудо, как сказала одна наша прихожанка, как раз и заключается в том, что батюшка никуда от нас не ушел. Наоборот, его присутствие стало ближе и постояннее, совершеннее. И это ощущает каждый из нас.

Чувство его постоянного с нами присутствия, которое не проходит вот уже два года — тоже свидетельство евангельской истины. Простой и известной

истины о том, что «у Бога все живы». А еще свидетельство батюшкиной верности Богу и нам, своим чадам.

...Иногда стоишь на службе в храме и настолько ясно ощущаешь его присутствие с нами, что подумаешь: а что будет, если вот сейчас он выйдет из алтаря? Что сделаешь ты, что сделают все остальные?

И понимаешь, что все мы сделаем то единственное движение, которое не можем не сделать: бросимся к нему с протянутыми руками и закричим: «Батюшка, родной, благословите!»

И он обнимет нас своими большими и теплыми руками, как только он умел обнимать.

ПИСЬМА

ПИСЬМА К ОТЦУ ГЕННАДИЮ ЕГО ДУХОВНЫХ ЧАД

Публикую несколько писем из обширнейшей переписки отца Геннадия и его духовных чад, мы преследуем одну-единственную цель: воссоздать ту повседневную обстановку, в которой приходилось нести свое пастырское служение нашему батюшке.

К нему обращались за советом, за помощью, за спасением в отчаянном положении, наконец. Обобщая, можно сказать, что письменное общение отца Геннадия происходило почти всегда в напряженной и духовно-сгущенной атмосфере. Впрочем, почти в каждом письме к батюшке есть еще и признание в любви, слова похвалы и благодарности сердечной.

А письма самого отца Геннадия, пожалуй, не требуют никаких объяснений. Ибо являются тем самым «единым на потребу», по которому так тоскует всегда всякая человеческая душа...

I

Мир дому Вашему!

Здравствуйте, отец Геннадий!

Наконец я собралась Вам написать. После нашего приезда мы звонили М.Х. и он сказал, что Вы уехали на Кипр. Как Вы съездили? Какие там святые?

Я очень довольна нашей поездкой. Папа говорит, что это, наверное, в последний раз, больше мы не сможем никуда поехать. Очень трудно было с бензином.

Нас заправили в Оптиной пустыни (с помощью о.Мелхиседека). Сейчас в Бердянске очень холодно, морозы до 15 градусов.

К нам в храм направили диакона, которому всего лишь 18 лет. Но служит он хорошо. Я на вечерней стою на клиросе, читаю, а утром на литургии хожу на хор, к нашим молодым хористам. Я решила, что на клиросе разные разговоры, а на хоре я одна и могу сосредоточиться.

Я стала очень уставать в школе, и мама решила делать мне среди недели выходной. Очень часто болят глаза и голова.

Мне очень нравится рисовать. Я срисовываю иконы, и у меня нормально получается. У меня к Вам вопрос: можно ли мне этим заниматься?

Я много читаю книг, притом все подряд. Больше всех мне понравилась «Идеалы христианской жизни». Мы купили эту книгу в Вашем храме...

Прошу Вашего благословения и ответа на это письмо.

Поклон от всех нас! До свидания,

Даша.

II

Дорогой Батюшка!

Простите за то, что мы так надолго пропали. Еще в мае мы переехали в Переделкино. Папа все время был в Риге, где работал над фильмом. Мама почти все время в Переделкине. В ее настроении происходят резкие повороты от толстовства к вольтеррианству и далее на Восток... Я молюсь о том, чтобы Господь привел ее в благодатное лоно Церкви, чтобы и она могла черпать духовные силы из источника церковного опыта и от Самого Главы Церкви Господа Иисуса Христа.

Аня вчера причащалась в Переделкине, я же — 16 июля...

Дорогой батюшка, помолитесь и о моей душе. Периоды вдохновения и духовной бодрости постоянно сменяются периодами сухости и оставленности. Часто кажется, что житейское море поглотило тебя, что ты как Иона заключен в мрачное чрево чудовища-греха... Молитва рассеянна, раздражительность, уныние, кажется, прочно свили гнездо в душе.

Я убеждаюсь, что это — от отсутствия духовного руководства, мудрого, строгого и заботливого духовника. И я Вам, носящему на себе образ Пастыреначальника Христа, протягиваю руку, чтобы опереться о Вашу. Я говорю Вам прямо и просто, из глубины моих душевных мук: «Будьте моим духовником, не оставьте меня и примите в число Ваших духовных чад как грешного, блудного, но все же — сына, как принимает наш Отец!»

И простите, простите меня за все.

Ф.

III

Дорогой Батюшка!

Помните ли еще грешную В.?

Простите меня! Так вышло, что, уезжая из Москвы, я со всеми простилась, кроме Вас. Почему? Письмо Вам было для меня самым главным, самым важным, и я писала его до последней минуты. И, конечно, не успела отправить...

Во всем есть Промысел Божий. Я очень переживала, что так вышло, а теперь — рада: есть необходимость написать.

Прошло почти полгода и уже можно осмыслить происшедшее. Оказалось, что из всего, чего я лишилась, самая главная потеря — это Вы. Той катастрофической пустоты, что образовалась в моей, теперь уже совсем не духовной, жизни — никто и ничто не может заполнить. Удерживаю себя от уныния и отчаяния только воспоминаниями о Ваших наставлениях.

Мою любовь, уважение и бесконечное доверие к Вам я не берусь описывать. Всегда останусь благодарна Вам за все.

Батюшка! Надеюсь на Ваши святые молитвы о болящей Тамаре и младенце Сергии. Если сможете, не забывайте о нас!

Может быть, Господь, по Своей великой милости, еще даст когда-нибудь увидеться.

Кланяюсь до земли и со слезами прошу прощения за все, в чем виновата перед Богом и Вами.

Грешная раба Божия В.

IV

Батюшка, я совсем пропадаю. Все, дальше мне уже некуда. Я в глубоком густом болоте, из которого трудно поднять руку или ногу, а уж обращаться к Богу и пытаться выбраться совсем почти не получается. И на себя противно, и ничего сделать не могу. Н.З., поговорив со мной, предложила попить те же лекарства, что пьет В.П. Не знаешь, как и реагировать. А вообще-то, почти никто не замечает. На всех чужих (и не только чужих) держусь, стараюсь, чтоб все было ровно. Дела какие-то делаются, но это внешне, а действую я совершенно как лунатик.

Плюс внутри миллиард обид, недовольств, несогласий... которые иногда ведут себя спокойно, но вдруг что-то взбунтуется — и бывает такое раздражение, что прямо кровь в голову, сердце бьется — вообще ужас.

Батюшка, я без Вас больше не могу. Это я не к тому, чтоб Вы какие-то действия производили — просто сообщаю исторический факт.

Спасибо, что позвонили М-м — они так ждали.

Простите, что Вас не жалею.

Благословите. Низко Вам кланяюсь.

Н.

V

Батюшка, благословите!

Простите меня, отец Геннадий, негодяя и неслуха, за мою нерадивость, за то, что без благословения Вашего покинул место святое.

Умоляю Вас, батюшка мой, снимите с меня епитимью. Вы говорили, на полтора месяца... Если можно, простите меня как человека, который любит Вас так, как не любил даже родного отца...

Сталось со мной так, что я не могу не говорить с окружающими людьми о Боге, о Иисусе Христа, о Матери Божией.

Живу в Крыму под Ялтой, жду получения участка. Я ведь по национальности крымский татарин. И это так, и не уйти мне от этого никуда, да я и не хочу...

Простите, батюшка, меня за все — за неоконченное письмо, за непослушание.

Живу среди татар, не скрываю, если спрашивают, кто по вере. Говорю, что православный (но не всем)...

С любовью к Вам, Ваш М.

Передайте привет всем прихожанам нашего храма. Люблю я их крепко, крепко.

VI

Глубокочтимый отец Геннадий!

30 мая Фонд культуры Украины устраивает вечер памяти Сергея Параджанова!

Мы были бы счастливы видеть Вас и матушку Елену на этом вечере, ибо благодарности нашей нет конца: Ваши молитвы помогали Сергею при жизни и помогают сейчас.

Ваше духовное общение с ним укрепляло его в горькие дни его жизни.

С благодарностью, Ю. Н.

VII

Дорогой Батюшка, отец Геннадий!

От всего сердца поздравляю Вас и все Ваше благо-

честивое семейство со светлым праздником — Рождества Иисуса Христа.

Пусть свет Вифлеемской звезды и Божия благодать озарят Ваше чуткое и доброе пастырское сердце, пусть наши совместные молитвы укрепят Вас на всех путях Ваших. Да поможет Вам Господь и Пресвятая Богородица в Вашем нелегком, но благодатном и верном деле — спасении людей! Мы приходим к Вам с печалью и скорбью, а уходим радостными и укрепленными надеждой на спасение.

Моя жизнь полностью изменилась оттого, что Господь свел меня с Вами. И Вам за это очень благодарен и молю Господа, да укрепит Он вас в вере Православной, пошлет здравие и счастье в Вашу семью.

Всего Вам доброго!

Ваша овечка, многогрешный А.

VIII

Дорогой наш батюшка, отец Геннадий!

С Рождеством Христовым!

Да будут Вам всегда помощниками: Господь наш, и Матерь Божия, и Ангел хранитель!

Когда мы рассказываем о Вас кому-то, кто Вас не знает, мы всем говорим одно и то же: «Наш батюшка самый добрый, самый светлый... С таким батюшкой тепло в храме, когда не греют батареи, и светло, когда отключают электричество.

Господь да хранит Вас и Вашу семью!

Л.

Ю. низко Вам кланяется!

IX

Здравствуйте, дорогой батюшка!

Пишу Вам с надеждою, что Вы меня вспомните.

Примерно год назад я просила Вас быть моим духовным отцом. Тогда я была беременна и по прогнозам должна была родить ребенка с болезнью Дауна. Прогноз этот — слава Богу! — не подтвердился.

Как Вы и говорили, родился у нас сыночек, ему уже 7 месяцев. А почти сразу после его рождения мы уехали в Вологодскую область и живем теперь в деревне. Мужа моего благословили учиться на священника.

Дорогой батюшка, я долго не могла написать Вам по разным причинам, а теперь, когда терпеть уже нет мочи, наконец, взялась.

Когда мы уезжали из Москвы, к таким искушениям не готовились. Самое интересное, что искушения начались не сразу, и я очень расслабилась, стала много мечтать, ничего не читаю и почти не молюсь. На меня потихоньку напало такое страшное уныние, что не знаю, куда и деваться.

Мне очень тяжело без помощи, боюсь не выдержать напастей.

Батюшка, если Вы меня помните и можете помочь мне словом, советом или наставлением, очень Вас прошу, ответьте мне! Прибегнуть за помощью мне совсем не к кому: ближайшая церковь находится от нас в трех часах езды. Я нахожусь на границе отчаяния, если возможно, помогите мне!

Простите меня!

М.

X

Начало моего пути к Иисусу Наисладчайшему положили Вы, Отче!

Укрепили меня на этом пути наши великие святые — Преподобный Сергей, Преподобный Серафим, Оптикинские монахи.

Мне так радостно идти! (Но пребываю в страхе, как бы Господь не оставил меня...)

Матушке Елене и деткам Вашим поклон низкий и поздравление с нашей радостью — Пасхой!

З.

XI

Дорогой Батюшка!

В прошлую субботу я был в Одесском монастыре и оказался на исповеди у необыкновенного батюшки —

лет восьмидесяти, который как бы отсутствовал здесь, на земле.

Я его попросил молиться о болящем протоиерее Геннадии — и он замечательно стал меня спрашивать о вас. И в конце концов сказал, что у вас все будет хорошо — а он начнет усиленно за вас молиться...

Оказалось, что я был на исповеди у архимандрита Алексия — духовника монастыря.

И какой подарок мне — его молитва за вас!

...В субботу была годовщина Сергея Параджанова. По ТВ показывали о нем трехчасовой фильм. Завтра я еду через Тбилиси в Ереван на могилу и на открытие музея.

Жаль, что ваш с матушкой приезд невозможен. Но на могиле Сергея будут цветы и от вас.

(Я хотел было в Ереван не ехать, но совесть на то и совесть, чтобы мозги вправлять.)

Батюшка! Мне сейчас как никогда трудно. История с Е. и те знания, которые мне дала эта история — словно сжигают меня. Я поневоле пишу о том, о чем, казалось бы, невысказано...

А на днях, батюшка, я открыл для себя, что даже в ожидании любой несправедливости от Е. — я наполнен внутренним счастьем. От сегодняшней, неприемлимой в отношении меня скандальной Е. — я получаю Господню любовь.

Простой, казалось бы, вывод — но чего он стоит...

А в Москву-то сейчас возвращаться как-то невозможно. (Речь не идет о помощи вам — если нужно, я буду счастлив моментально вылететь!) Дело в том, что видеть Е. не хочу. Нисколько. Потому и в Москве быть трудно...

Р. С. Отец Геннадий! Дорогой!

Посылаю вам абрикосы. Этот сорт, мне сказали, помогает сердцу. К сожалению, на рынке было только одно ведро этих «сердечных» абрикосов.

А утром — вдруг увидел на бабушкиных грядках первые созревшие помидоры. Это они для вас с матушкой постарались...

Вася должен в самые ближайшие дни привезти из Англии лекарство. Ну а я, если понадобится моя помощь, всегда с вами.

Выздоровливайте, батюшка! Простите за нескромность, но я — как и одесский отец Алексей — верю в ваши радости и здоровье.

Передайте самый низкий поклон матушке. Молитвенно всегда ваш,

М. Б.

XII

ПИСЬМО В БОЛЬНИЦУ, СОСТАВЛЕННОЕ СОБОРНО ЧЛЕНАМИ ОБЩИНЫ

С праздником Сретения, дорогой отец Геннадий! Все хотят написать Вам словечко после молебна, на котором мы молили Господа о Вашем здравии.

Валентина

Отче Геннадий, желает Вам здравия раба Божия Валентина! Хотела Вас порадовать в день освящения придела Иоанна Предтечи пожертвованием материи на облачения — и вдруг узнала о печали... Но наши молитвы, мы верим, дойдут до Бога и Вы снова будете с нами.

Владимир Петрович

Дорогой отец Геннадий! Сегодня читал Псалтирь по Вашему благословию. Целую Вас, с надеждой на скорую встречу.

Ирина

Дорогой отец Геннадий! Сегодня была на службе, первый раз пела. Передаю привет от всего нашего класса. Ирина.

“Дай Бог нам искреннего серебра,
Чтоб золотом убиты не были!”

Людмила-ковровик

Батюшка Геннадий, поправляйтесь! Я сегодня счастлива тем, что познакомилась с Вашей ученицей Ириной и чадом Татьяной. Передала в храм Малое Вознесение красивое полотенце. Не болейте!

Татьяна и Николай

Дорогой Батюшка! Мы Вас любим, ждем и молимся за Вас.

Андрей и Наташа

Дорогой Батюшка! Скорее выздоравливайте, у нас все хорошо.

Наташа

Отец Геннадий! Очень надеюсь, что я распишу те деревянные яйца, которые ты мне дал. Очень хочу тебя видеть, обязательно даже слушающим или исповедующим и обязательно настоятелем в храме Малое Вознесение.

Раба Божия Татьяна

Батюшка! Все наши молитвы о твоём здоровье!! Поклон от Юры и Милы, а Юра передавал, что приезжали чада из Дивеева, взяли его проект деревянного храма и много о Вас говорили!

Раба Божия Елена Ивановна Субботина

Дорогой отец Геннадий! Быстро Вам выздоровления и встречи с нами. С земным поклоном.

Раба Божия О. Субботина

Дорогой отец Геннадий! Молитв Вам Святителя Геннадия и пусть осенит Вас Своим Покровом Пресвятая Дева Мария!

Михаил Бузник

Дорогой отец Геннадий! Я настолько люблю Вас, что лететь без Вас невозможно...

ПИСЬМА отца ГЕННАДИЯ

I

Ириша!

Спасибо тебе за молитвы и памятование о мне, грешном. Но, в общем-то, особого такого сказать нечего, кроме того, что я здесь действительно поставлен перед необходимостью научиться молитве. Здесь все идет удивительно чинно и даже чем-то похоже на церковное житие, если бы не было такой погруженности в физическое самочувствие. Но, вообще, за все слава Богу! И тут есть свои подвижники и подвижницы. Я, например, узнал, что наши медсестры и медбратья дежурят целыми сутками и затем имеют два дня отдыха. Но при обслуживании всех нас — это уже просто подвиг.

Ты уж прости, Ириша, совершенно не умею писать. Единственное, что врачи пока решили насчет меня — это то, что у меня, при частом и конвульсивном пульсе, прекратилась подача крови в мозг и он “взбунтовался”. И сейчас меня пичкают разными таблетками. А я, грешным делом, все вспоминаю вашу субботнюю службу и отца Сергия и внутренне очень радуюсь за нас и благодарю Господа.

Если сможешь, то приезжай ко мне в субботу утром, часов в 11-12.

И прости меня, и дай Бог тебе молитв и радости и мира. (Я передал через Наташу просьбу “не коллапсировать”. Я имел в виду только сохранить внутренний мир, а у Господа и все волосы наши сочтены.)

Кланяются тебе всякое дыхание и воздыхание болящие и поправляющиеся.

С низким поклоном — *о. Геннадий*
лето 1991 г.

II

Елене, достопамятной сестре во Христе — радоваться!!

Это приветствие древних христиан особенно подходит в эти дни, когда еще свежа Рождественская Радость и Благодать Крещения разлита кругом, как поется: “Глас Господень на водах вопиет глаголя...” Поэтому, несмотря на все Ваши (твои) трудности — радуйтесь, радуйтесь и еще радуйтесь!! Этим мы только докажем еще и еще раз, что, принимая все бремя и тяготы жизни этой и освящая их молитвой, мы, тем не менее, износим в конце концов не усталость, не лень, не расслабленность — а Радость о Господе.

Теперь о деле. Насчет Олега — очень это печально — со всех сторон. Получается, что это молчаливое пособничество Льва и Наталии умиранию Олега. И, конечно, совершенно трагично, что сам Олег оказался некрещеным. Но ведь и не справедливости надо нам ждать от этого мира. Правды, Божией правды, но трудно ее требовать от мира. И все же есть в мире люди, которые живут не ради мира и называются христианами, через них и является в мир Правда Божия.

Ты прости меня, Лена, я, наверное, пишу банальные вещи, но мне очень хочется чуть-чуть растормозить тебя и поведать тебе о том же, только чуть поиному.

Все, что потом произошло с о. Василием и тобою, твоя болезнь — все имеет отношение именно к этому состоянию подавленности. Немного подпала ты под власть случайностей и внешних неприятностей.

Предложение певчей насчет пения в церковном хоре — это, конечно, хорошо. Но ты смотри, как там у тебя будет со временем. Кстати, чтобы внутренне не зависеть от времени и суеты, стоило бы походить туда, поучиться какое-то время бесплатно, как бы для себя. Но ведь ты, наверное, уже ходишь в больницу

помогать болящим, да еще экзамены и репетиции. Смотри сама, а так бы, если бы время было, походить неплохо.

Напиши, пожалуйста, позвонила ли Тане Е. и о чем с ней договорились.

На сем пока кончаю. Прости меня за краткость, это не та краткость, которая сестра таланта, а другая — скорее, она падчерица грехов. Очень рад был получить такой большой и исполненный внутренней цельности манускрипт. Если у вас будут еще какие-то размышления, то, пожалуйста, пишите. От меня же при моей скудости мало можно ожидать. Но если, даст Бог, хоть чем-то помогу, то и то слава Богу.

С поклоном — *о. Геннадий* и некоторые прихожане церкви Воскресения Словущего, что на ул. Неждановой.

III

Многоуважаемая Елена Петровна!

а если хотите, то просто Лена

Во-первых, я очень рад получить от тебя это письмо и благодарю Господа нашего за то, что в общем тоне письма, хотя и довольно несимметричном, все же преобладают нотки надежды, веры и упования на волю Господа. Ибо в этом, если быть совсем кратким, ответ и выход из тупика, о котором ты говоришь.

Путь христианский — это путь любви и упования и, если хочешь — оптимизма, несмотря, а точнее — вопреки всем стараниям внешнего мира, обстоятельствам, житейской суеты и прочих, прочих проблем, так лукаво собранных на теперешней твоей жизненной стезе. Лена, я специально подчеркиваю то, что мне кажется самым главным, и потому так хотелось бы донести это до тебя.

Да поможет тебе Господь премудростью и терпением не внимать этим лукавым голосам суеты и паники. И так же, как солнце, поднимаясь утром, го-

нит все нетвердые и трепещущие призраки ночи, так да прогонит Владыка души нашей (после наших молитв) все эти запутанные и суетные наши помыслы.

Помнишь Евангельские слова о том, что “ставши за рало, не озирайся вспять”? Вспоминай их, пожалуйста, почаще. Нотки сомнения в избранном пути и колебания в истинах веры и жизни более всего вредят именно сейчас, когда нам необходимо только одно единое сознание: все, что ни происходит со мной сейчас, происходит не вопреки, но в соответствии с волей Божией обо мне. И за это надо держаться. Если Господь со мною, то кто же против меня!..

Далее ты пишешь о раздражении и недоумевашь о матушкином отношении к тебе. Но тут ты сама знаешь, Леночка, если хочешь приобрести себе маму и спасти для Бога — делай так, как делаешь — стерпи ее осуждения, дай ей высказаться, потом, если тяжело, помолись со слезами ко Господу и... отведи чай. Воистину, ты и своей душе благо сотворишь, и ей поможешь.

Пусть твоим внутренним мерилom будут слова Господни: “Не жертвы хочу, но милости...” Впрочем, Леночка, сейчас как никогда становится ясно: чтобы спасти этот мир погибающий, нужна жертва. Как Господь некогда за нас принес Свою великую Жертву, так нам теперь следует, в некотором смысле, стать жертвою ради мира — ты понимаешь!

Раздражение на мир окружающий и жажда тишины и одиночества — в этом сейчас нуждаются почти все. Но если внешние, неверующие люди на этом претыкаются и гибнут, не имея духовного ведения, то для верующих это должно быть лишь еще одним напоминанием, что здешний мир есть лишь преходящий “образ” мира грядущего. И помраченность и болезненность отношений в этом мире есть лишь слабое напоминание о страшном геенском мраке, грядущем в вечность. Поэтому, матушка, не смущайся образами, а снова и снова, по возможности,

затворяйся в тишину внутренней клетки своей. Там надо искать отдохновения, там надо искать и разрешения скорбей своих...

Очень печально и жалко слышать о тех неурядицах в церкви, о которых ты пишешь. Но, минуя всякие длинные рассуждения, об одном прошу: не полезно нам ни осуждать служащих (не зная до конца жизни их), ни поддаваться голосу уныния и отчаяния. Ибо, несмотря ни на что, Дом Божий остается Домом нашего спасения — и это уже благоволение Божие. Поэтому, если можешь, благодумствуй и призывай к этому других смущающихся. Мы идем в храм к Благодати, которая там дается своим через священников, а не разбирать и судить служителей. И скажи другим, отпадающим от храма, что Церковь без нас проживет, а вот выживем ли мы без Церкви?

Не знаю уж, как воля Божия, а я, грешный, рад, что ты помогаешь в реанимации. Через это дело Господь может многое тебе открыть из тайн Своих. Постоянное видение смерти, вообще-то, нам полезно.

Про второе образование — может быть, и правда разумнее будет вернуться к этому, закончив первое.

А впрочем, матушка, крепись и что бы там ни было, крепко уповай на Бога и держи молитву. Да будет милость Божия во всех путях твоих.

Прости также за неосновательность и обрывочность моих писаний и не суди строго мои немощи.

Рады будем видеть тебя здесь, в Москве, в нашем храме при случае.

А вообще, если будут какие сложности еще, или даже просто чтобы излиться — пиши, пожалуйста. Аз, грешный, как смогу, буду молиться за тебя и меня прошу поминать в своих молитвах.

С поклоном *отец Геннадий,*

он же Геннадий Александрович.

Москва, лета 1988 от Р. Х. октября 31 дня

Совсем малое утешение посылаю тебе: у нас здесь открыли Оптину пустынь, колыбель русского духовно-

го старчества, и канонизировали старца иеросхимонаха Амвросия Оптинского, преподобного. Посылаю тебе отпечаток, портрет его. Многие в XIX веке находили утешение у него, дай Бог и тебе малый лучик радости от его святости.

IV

Достоблаженной Наталии, рабе, доблестно подвигающейся в бранех и добродетелях, здравствовать и радоваться!

Поклон тебе, о Наталья Георгиевна, и прости, что не могу засвидетельствовать лично слов приветствия и благословения на все дела твои.

Как истинному воину Христову подобает хвалиться добрыми делами и храбростью, показывая зарубцевавшиеся раны (как ты эту), а также множество военных наград и регалий, так и каждому из нас, подвигающимся на своеобразное юродство, на подвиг брани за Христа (но духовной брани), не надлежит ли преизобиловать множеством духовных шрамов, как итогом прошедших и умиранных уже искушений и борьбы со страшными духами тьмы, духами гордости и уныния, и не следует ли и нам радоваться тем духовным наградам, которые Господь наш изобильно подают каждому из нас в итоге этой борьбы, то есть духовной тишине, и безгневию, и радости о Господе...

Наташечка, снова слышал о твоих духовных искушениях. И вот удивительное дело: сейчас, когда приходится много читать, сплошь и рядом приходится наталкиваться на ситуации, подобные нашим. Так, недавно я читал о святителе Иоанне Златоустом, который, когда был сослан, утешал многих оставшихся чад своих в Константинополе письмами.

Среди них есть письма, в которых он с удивительной пастырской и отеческой любовью обращался к чадам, пытаясь прежде всего отвести от них страш-

ный грех (а по его словам, это — единственное зло, которое можно в собственном смысле назвать злом).

“Ведь одно только, Олимпиада (это имя женщины, которой предназначалось письмо), страшно, одно искушение, именно только грех, — и я не перестаю до сих пор напоминать тебе это слово, — все же остальное — басня, — укажешь ли ты на козни или на ненависть, или на коварство, на ложные доносы или бранные речи или обвинения, на лишение имущества или изгнания, или заостренные мечи, или морскую бездну, или войну всей вселенной”.

Дорогая Наталья Георгиевна, не отдавай лукавому плоды своих добрых дел, не мешай Благодать, которую так сложно, так тяжело (подобно Иову) приобрести трудом и молитвами, не мешай Ее со грехом и не служи в этом нечисти и тьме.

Я очень тебе благодарен за все дела с досками, и за поездки, которые ты осуществляла, и за деньги, которые ты вовремя нашла. И хотел бы поговорить лицом к лицу об этом и о многом другом, и просил бы приехать тебя к нам, если можешь.

И поверь, Наталья Георгиевна, я почему привел пример святителя Иоанна Златоустого, чтобы на его фоне более резко очертилась и моя немощь. Ему Господь Всеведец даровал дар вести целые сонмы людей ко спасению, а моей немощи не хватает, чтобы и самому стоять в вере. И уже как следствие этого я не могу достойно и тебя, Наташа, вести. Так хоть как-то помочь тебе в скорбях и искушениях.

Прости меня, грешного, но, несмотря ни на что, стой во Христе, люби и терпи. Когда хочется сорваться, молись искренне молитвою преподобного Ефрема Сирина утром и вечером.

Искренно молюсь!

О. Геннадий

∨

Уважаемая Дарья Александровна!

Да укрепит Господь дела и помыслы Ваши и направит это во спасение Вам!

Прежде всего сердечно поздравляю и батюшку, и матушку, и тебя лично, Даша, с великим праздником Рождества Господа нашего Иисуса Христа! И дай вам всем Господь радости и утешения в этот праздник.

Очень благодарен за письмо, в котором ты описываешь жизнь в Бердянске и пишешь, в частности, что вам прислали молодого диакона, — может, милостью Божией, с его приходом что-то изменится в жизни храма.

Дашенька, ты пишешь, что на вечерне ты внизу читаешь, а на литургии идешь наверх, “на хоры”. Может быть, оно по нашему разумению и хорошо, но все же лучше бы брать благословение на эти перемещения, чтобы лукавый не смог “украсть” у нас плоды добрых стремлений и дел...

Ты спрашиваешь, Дашенька, стоит ли тебе срисовывать иконы. Оно так-то дело неплохое, но рассуди сама: если заниматься этим серьезно, то нужен руководитель, причем, человек духовный. К тому же, ты жалуешься на здоровье, на боли в голове и глазах, а писание икон требует немалого напряжения глаз и внимания. А потому поговори с папой и мамой, как они рассудят. А мне, грешному, кажется, что систематически, регулярно тебе заниматься этим, может, и не стоит (пока), но если уж очень что-то понравится, то с молитовкою и со смирением можно и попробовать нарисовать.

То же самое с книгами. Это, конечно, хорошо, что ты зачитываешься духовными книгами, однако, вспомни, как бесполезен бывает избыток пищи плотской, ибо приводит к болезням. Так же и в духовной пище нужна мера. К тому же и сами боли в глазах и голове указывают нам на естественное ограничение в чтении.

Может быть, полезно было бы тебе просто почаще отдыхать (возможно, даже днем), или совершать прогулки, чтобы снять нагрузки и напряжения.

За исповедь спасибо и да очистит Господь нас от грехов наших, из которых самые тяжкие — это гор-

дось и самомнение. А я, грешный, буду поминать тебя и всю вашу домашнюю церковь.

Остаюсь с поклоном ваш молитвенник —

грешный отец Геннадий с семьей.

VI

Дорогой отец Александр, друже и пастырю о Господе, дорогая матушка Галина, образ трепетной материнской молитвы и чада ваша — трудящаяся Яна и молитвенная Даша!!!

Сердечно поздравляем вас с праздником Рождества Христова и Богоявления Господня и очень желаем и просим Господа, да изольет Он щедро Благодать Свою: мир, покой, радость на многострадальную вашу домашнюю церковь и да укрепит и утвердит тебя, дорогой отец Александр, в твоём пастырском служении.

Слышали о ваших печальных событиях, поминаем о упокоении нов. Наталью и нов. Иоанна.

*Любящие вас отец Геннадий
и матушка Елена со чады.*

Рождество Христово, лето 1991.

VII

Дорогие наши отец Александр, матушка Галина (многострадалица), Даша, отец Иоанн, Иоанна!

Рады поздравить вас с великим и светлым праздником Рождества Христова и Новолетия! И пожелать вам от рождшегося Богомладенца Христа физической и духовной крепости, радости, во всем благопоспешения и заступничества Божия, соединяющего и обновляющего все и вся. А от нас еще вам пожелание — побольше отдыхать и творить дело Божие со вдохновением.

Простите нас, грешных, за молчание, мы помним и молимся о вас.

Храни вас всех Господь!

С любовью

*отец Геннадий, матушка Елена,
Сереза, Паша.*

Р. Х. 1993.

Р. С. Виделись с отцом Сергием, посидели, попели, повспоминали прошедшее лето (осень), встречи и впечатления; имели серьезные намерения посетить родные уже нам места, вместе посмотреть на море и на звезды и порадоваться детской радостью, радуясь вместе о Господе и развеивая тучи современного бытия...

VIII

Дорогие о Господе отец Александр, матушка Галина, Даша и отец Иоанн, Яна и Христинка!

От всей души примите наши поздравления с наступающим великим и светлым праздником Рождества Господа нашего Иисуса Христа! И испрашиваем у Богомладенца, рожденного для всех вас, мира и любви и молитвенной радости.

Да укрепит вас Господь во всех житейских испытаниях и подаст вам благодатную помощь свыше. Простите за молчание.

Всегда с вами

*грешный отец Геннадий с домашней церковью
и матушкой Еленой.*

Рождество Христово, лето 1995 г.

IX

Дорогие батюшка Александр, матушка Галина, Дашенька!

Сердечно поздравляем вас с праздником Рождества Христова! Пусть Ангел мира и любви убережет

вас от огорчений. Желаем вам скорейшего разрешения всех сложностей, да укрепит Господь вас и сохранит всегда на всех путях Своих. Помним и любим вас. Не забывайте нас в ваших молитвах.

Низко кланяемся,

отец Геннадий, матушка Елена

Р. Х. 1997 г.

Надеемся на встречу!

Х

Дорогому Михаилу Христофоровичу здравствовать и радоваться во Имя Божие!

Миша, прости меня, грешника, что я по лени своей никак не могу написать тебе. Много раз в душе я уже говорил с тобой и беседовал.

Прежде всего — поздравляю тебя с окончанием твоего труда над пьесой, и вместе с этим — завершением удивительного этапа твоей жизни. Я имею в виду то, что ты не просто писал пьесу, но ты жил эту пьесу, или, лучше сказать, она писалась здесь на земле и где-то на небесах или в ином мире.

Снова и снова приходит на ум, что надо благодарить Господа, что Он все дает нам в меру. Я почему-то подумал так, когда прочитал о твоей прогулке по берегу моря после Причастия, и о мыслях, сопровождавших ее.

Действительно, великое благо и счастье — писать, но еще более удивительно, когда ты при этом кому-то нужен для спасения. Вот тебе и мера (и земного и небесного).

Миша, я сейчас пишу, а вокруг стоит золотая, разливанная осень, и деревья плачутся друг другу о предстоящих испытаниях и золотой убор их по утрам принимает все более печальный и осиротелый вид. Но, право же, во всем этом есть и иной смысл — вечной неувядаемой красоты Божией. И вот этот смысл, вот эту красоту мне очень бы хотелось пода-

рить тебе, дорогой Михаил Христофорович, ибо ты ее вечный работник и слуга.

От всей души кланяюсь с матушкой и чадами...

Искренне молящийся о тебе,

грешный отец Геннадий.

Приношу печать вечной и неувядаемой красоты.

Но, Миша, прошу тебя, ради спасения, все-таки, будь аккуратен в чувствах и переживаниях, помни, что иногда, после возвышенных и сильных переживаний, бес наводит уныние, — а это как раз то, что тебе абсолютно противопоказано.

Но, все же, дай Бог тебе той истинной духовной радости, которая посещает и греет смиренное и кроткое сердце христианина.

6 октября 1991 г.

СЛОВА отца ГЕННАДИЯ

СЛОВО ВЫПУСКНИКА
МОСКОВСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
СЕКТОРА ЗАОЧНОГО
ОБУЧЕНИЯ ПРОТОИЕРЕЯ
ГЕННАДИЯ ОГРЫЗКОВА

I

Ваше Преосвященство!

Ваши Высокопреподобия! Дорогие отцы и братия! Дорогие профессора, преподаватели, сотрудники Московской Духовной Академии!

Позвольте мне от имени выпускников Сектора заочного обучения Московской Духовной Академии от всей души поблагодарить и поздравить вас, дорогие наши учителя и наставники, за воистину христианские, исполненные любви труды по наставлению нас и за незабываемые на всю жизнь уроки, в которых по-новому для нас засияло благодатное учение Святой Православной Церкви!

Мы, учащиеся заочного Сектора, несли постоянное приходское послушание, и когда собирались в Академии на консультативные встречи и беседы, то приносили с собой множество вопросов: и строго академических, и практических, и насущных, которые ставила и ставит перед нами наша приходская жизнь. И всегда мы получали квалифицированные, глубокие и вразумительные ответы, касающиеся различных аспектов церковного служения.

В наших сердцах на всю жизнь сохранится глубокая признательность, почтение и любовь ко всем нашим замечательным профессорам, преподавателям,

сотрудникам, которые жертвуя своим временем и здоровьем, делились с нами своими знаниями, мудростью, опытом и, что самое главное, укрепляли нашу веру!

Московская Духовная Школа находится в стенах Троице-Сергиевой Лавры под благодатным покровом Божией Матери и предстательством великого молитвенника земли русской преподобного Сергия, что способствует духовному углублению и совершенствованию академической науки.

И мы за годы пребывания в стенах Академии смогли почувствовать молитвенно-трудоу благодатный строй учебной жизни, который формируется Уставом Святой Церкви и освящается духом любви и братолюбия, завещанные нам преподобным игуменом Сергием. И мы непременно постараемся перенести этот дух в свою церковную практику — он будет нам в помощь и просвещение в такое трудное время, когда тысяча стрел направлены против Святой нашей веры, нашего Православия.

Покидая Академию, которая преемственно хранит свет подвижничества и проповедничества ее великих служителей, мы постараемся смиренной молитвой восполнять наши немощи, и постоянно возносить свои благодарственные молитвы за всех вас, учителей и наставников наших. Со своей стороны мы просим ваших святых молитв, которые помогут нам достойно нести пастырское служение. Да утвердит и благословит Господь ваше благородное дело.

II

СЛОВО О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ

Дорогие мои, святые благоверные князя Петр и Феврония Муромские, икона которых находится в нашем храме и особенно почитается, являются покровителями христианского, право-

славного брака и особенно — крепости этого брака, его устойчивости. То, что мы видим сегодня в мире, сегодняшнее состояние семьи, являет собой картину отчаянную и печальную: люди действительно забыли старинное Божие благословение семейной жизни. В мире царит легкое, поверхностное отношение к семейной жизни, к обязанностям тех, кто вступает в брак. Именно в связи с этим мы не устаем вспоминать святых благоверных князей Петра и Февронию.

Чему же учит нас их пример?

Он показывает нам, что истинный брак начинается задолго до того, как муж и жена становятся единой семьей и начинают делить брачное ложе. Истинный брак как бы изначально существует в Промысле Божиим, в становлении и воле Божественной о каждом из нас. Потому-то так важно всем нам иметь страх Божий и великое благоговение к этой тайне — тайне христианского брака, когда две души и две плоти соединяются и становятся единой плотью и единой душой, осеняемой Духом Святым...

Мне бы очень хотелось, чтобы все наши современные молодые семьи, всегда приходили к этим святым, которые так благочестно начали жизнь, прожили свою жизнь и закончили ее в чине ангельском, монашеском.

Мне бы хотелось, чтобы все мы всегда просили у святых благоверных князей Петра и Февронии заступничества пред Господом и благословения на чистую и непостыдную супружескую жизнь...

III

СЛОВО О БЛАЖЕННОМ ПРОКОПИИ

...**В** нашем храме есть придел святого блаженного Прокопия Устюжского. Это един-

ственный придел во всей Москве. А сам святой — один из первых, принявших на себя труднейший и ответственный подвиг — подвиг юродства.

По рождению блаженный Прокопий был готф, немец. Но, придя однажды по торговым делам на Русь, он так поразился красоте наших храмов и чистоте нашей веры, что скоро и сам принял святое Православие. Он был пострижен в монахи в Хутыньском монастыре, где и прошли первые годы его послушания. А потом он был благословлен на подвиг юродства.

Пройдя от Новгорода, где он начал свою монашескую жизнь, до Устюга, он остановился в Устюге. Здесь то и прошла вся его жизнь, здесь протекал его странный и непонятный для многих духовный подвиг.

Особенно блаженный Прокопий почитается в Новгороде и в Великом Устюге. Известно чудо, происшедшее по молитвам святого. Когда чаша гнева Божьего была переполнена и Господь собирался поразить Устюг страшным каменным градом, Прокопий, которому открыта была Божья воля, две недели ходил по улицам и площадям города и взывал к горожанам, умоляя их покаяться. И затем, когда страшная черная туча подошла к городу, когда люди, наконец, осознали грозящую им опасность и с ужасом бросились в соборный храм Устюга — они нашли там блаженного Прокопия, стоящего на коленях и со слезами молящегося перед чудотворной иконой Благовещения Пресвятой Богородицы.

Люди пали рядом с ним на колени, плакали и просили заступничества святого перед городом. И действительно, туча остановила свое движение, отошла от города и где-то верстах в тридцати, в урочище лесном, разразилась страшным каменным градом. И до сих пор в тех местах находят камни в человеческий рост... Именно эти камни должны были упасть на город. А помилование ему и его жителям было вымолено у Господа великим святым — блаженным Прокопием Устюжским.

IV

СЛОВО О ТОЧКЕ

Существует такое благочестивое предание: один праведный Авва как-то собрал своих учеников и показал им лист бумаги. В середине листа была жирная черная точка.

— Что вы здесь видите? — спросил он их.

— Точку, — ответил один.

— Точку, — подтвердил другой.

— Черную точку, — уточнил третий.

И тогда их любимый Авва сел в угол и заплакал. Сначала никто не решался подойти к нему, но потом все же кто-то осмелился.

— Скажи нам, дорогой Авва, о чем ты так горько плачешь? — спросил он.

— Я плачу о том, что все мои ученики увидели только маленькую черную точку, — ответил Авва. — И никто из них не заметил чистого белого листа...

Жизнь наша — это огромный белый лист, данный нам Господом. Но как часто мы его как будто совсем не замечаем, а замечаем лишь досадные черные точки на нем. Как часто мы любим говорить о своих неудачах и неприятностях, как будто забывая о тех неисчислимых благодеяниях, которые ежедневно изливаются на нас!..

Но давайте же последуем совету мудрого Аввы и будем благодарить милосердного Господа за чистый лист жизни, подаренный каждому из нас...

V

*Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему...
Священника храма Воскресения Словущего,
что в Брюсовском переулке, Геннадия Огрызкова*

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко!

Я, грешный протоиерей Геннадий, со смирением доношу до Вашего сведения, что в период с 1985 по 1991 год прихожанин нашего храма Сергей Борисович Симаков проявил себя серьезным молитвенным человеком, добрым семьянином и искренним верующим христианином.

Все эти качества души позволяют надеяться, что на церковном послушании — в священном сане — он принесет пользу Церкви Христовой.

VI

КОНСПЕКТ БЕСЕДЫ С УЧИТЕЛЯМИ ОБ ОСВЯЩЕНИИ ШКОЛЫ

Освящение дома как освящение жизни

В Священном Писании немало говорится об освящении человека и всего, что с ним связано. Есть такое высказывание, что необходимо “освящать начатки всего и посвящать Богу”.

Значит, в самом освящении можно выделить два элемента:

1) посвящение освящаемого Богу.

2) испрошение Благодати Божией, приводящей к внутреннему согласию строй освящаемой вещи или явления.

Обычай освящения имеет историческое происхождение. Зачатки его вырисовываются в Библейском повествовании об освящении Скинии и Иерусалимского храма.

Во время освящения Скинии Богом Моисею повелевается последовательно помазывать освященным елеем все элементы и части скинии. И по поводу сынов Аарона также повелевается, предварительно омыв их водой и одевши в священные одежды, тоже помазать святым елеем и тем освятить их.

О святости есть выражение в книге Левит (гл. 11, ст. 41): “Итак, будьте святы, потому что Я свят”. В этом выражении слышится голос Всевышнего Бога, повелевающего и призывающего всех верующих в Него — к святости.

Итак, отметим, что древнее освящение связано с омовением водой и освящением святым елеем. А само слово “освящение” — производное от корня “свят”. В полном энциклопедическом словаре говорится, что слова “свят”, “свет”, “цвет” — совершенно родственны между собой и означают “блеск”, “сияние”.

Да, освященная вещь являет на себе блеск и сияние Истины. Она становится как бы проводником Благодати Божией, то есть связь человека с предметным и природным миром существует в двояком плане:

- 1) — по прямому назначению,
- 2) — воспоминание символической связи.

То есть, освящая вещь, мы как бы усваиваем ей большую крепость и долговечность, а также делаем благодатным само размышление о ней (возьмите иконы, кресты и так далее).

И вот мы с вами призываемся сегодня для того, чтобы освятить эти помещения, эту школу, дабы

1) во-первых, произвести в ней мир и любовь между учителями;

2) во-вторых, в надежде, что и сам учебный процесс сможет духовно преобразиться и стать более светлым и радостным...

СТИХИ ПАМЯТИ

С какой открытою душою
И светлой радостью в глазах
Вы согревали нас любовью,
А сердце было все в слезах.

И, об усталости не помня,
Дарили каждому тепло,
И было на душе спокойно,
А в храме маленьком светло.

Какой горячею любовью
Смирять нас, грешников, могли,
С какой молитвой неземною
Нас к Богу бережно вели.

И чада радостно бежали
Увидеть свет родимых глаз,
А вы их крепко обнимали
И каждый дорог был для вас.

И часто после службы в храме
Спешили вы к себе домой
И тихо говорили маме,
Поникнув светлой головой:

“Какие, мамочка, есть судьбы,
Что только плакать да скорбеть,
Но как бы ни было нам трудно,
Молиться нужно и терпеть”.

Как долго в алтаре молились
Вы, отойдя от суеты,
И все светлее становились
Лица прекрасные черты.

На Благовещенье, весною
К вам Богородица пришла
И душу чистую с собою
Легко из мира унесла.

Теперь у Господа на небе,
В Его обители святой,
Как ангел кроткий и смиренный,
Живет наш батюшка родной.

С любовью благословите
Печальных странников земли,
Чтоб мы в смиренье и молитве
За вами к Господу пришли.

Елена Прямоносова

Как я скучаю по тебе, мой храм,
Я так спешу всегда к твоим вратам, —
Так хочется прижаться к плитам лбом,
Молить: “Помилуй мя!” — и больше ни о чем...

Храм мой — белая птица,
В светлых снах моих снится;
Засияют золотом свечи —
Начинается всенощной вечер.

В храме — Христос, мой Бог и надежда,
Как же могла без Тебя жить я прежде?
Богородица смотрит с любовью на нас,
Молящихся вместе в вечерний час.

Здесь батюшкин дух витает везде;
И я благодарна, Господь мой, Тебе,
Что дал мне его хоть на годик один,
Чтоб шепнул, уходя, мне тихонько: “Иди!”

С тобою Господь и Матерь Его,
С Ними теперь не страшись ничего,
От храма, прошу тебя, не отходи —
Не забывай: Страшный Суд впереди...

Храм мой родной, дом мой святой,
К тебе я спешу, чуть дыша,
Даруй мне путь спасенья прямой,
Да возликует душа.

*Р. В. Людмила,
ноябрь 1997*

БАТЮШКЕ

(прощание 9 апреля 1997 года)

Рука твоя пахла ладаном
И теплой на солнце была,
Господним путем неразгаданным
Душа твоя к небу ушла.

Не забуду ту теплую руку,
Что благословляла меня, —
Но не вечною будет разлука
Доживем мы до Судного дня.

И в Божием Царствии светлом
Ты встретишь свою бедную дочь,
И встреча та станет рассветом,
Сменившим земную ночь...

*Через год, придя к Вам на могилу,
Поняла молитвы Вашей силу!*

07.04.98

ПАМЯТИ БАТЮШКИ ГЕННАДИЯ

Матушка могилку укрывала,
Согревая батюшку — цветами,
Любящее сердце призывало:
“Дорогой, еще побыл бы с нами!”

Горьких слез она не уронила —
— Вдовьих их хватает и ночами...
Боже! Дай ей мужества и силы,
О, Защитница! Вдову утешь в печали!

Батюшка Геннадий, добрый пастырь —
В горнем крае молитесь живой,
В праздник Благовещенья — Царица
Год назад вас забрала с Собою.

По молитвам, близким к Богу, вашим
Очищаются, спасаясь, души наши!

Р. В. Антонина

ОТЦУ ГЕННАДИЮ ОГРЫЗКОВУ

Из мглы московской в сумрак сада,
Из смрада к запахам земли
Мы принесли к вратам Царьграда,
Свою любовь мы принесли.
Над гладью голубой Босфора,
Где подвизался Твой Святой,
Софии купол, как просфора,
На чаше неба золотой.
Перекликаются, как птицы,
Над минаретами колокола,
Желты Апостола страницы,
И купол выцвел добела.
Листая старые тетради
И позабытые грехи,
Я слышу, отче наш, отец Геннадий,
В саду твоём растут стихи.
И в деревьях горит лампада,
И в небесах горит звезда,
Благословенный сумрак сада
Венчает светлая слеза.
Листва во влажный холод ночи
Проводит лунные лучи,
Сверчок ликует и пророчит,
И сердце трудное стучит.
И с высоты, из поднебесья,
Вступая кротко в свой черед,
Как утро брезжит в листьях песня
И тихо за душу берет.
Едва касаясь, без нажима,
Как исповедь, издалека,
Но чувствуешь, уже ожила,
Легка, как Господа рука,
Мелодия до слуха донесется,
Качнет и вырвется из рук,
И вверх взлетит, и оборвется,
И вновь захватит волю звук,
И вот уже расходится по саду
И по душе разлитое тепло,
И жизнь божественного лада
Просветит времени стекло.

Мгновенье озарится веком,
А вечность соберется в миг,
Спаситель, ставший человеком,
В нем явит светоносный лик
И будут серебриться листья,
Светлеть из сумрака глаза,
Свеча гореть, душа молиться,
И песня литься, как слеза.

*Д. С. Соколов
12—15 сентября 1995*

ОТЦУ ГЕННАДИЮ ОГРЫЗКОВУ

*Свете Тихий,
светлой памяти твоей, отче.*

Ты ездил прощаться с землей
К Владычице мира Всепетой,
Леса, как большой аналой,
Служили подножием света.

В пруду округлялась вода
Над белым сиянием снега,
Казалось, здесь было всегда
Начертано: Альфа, Омега.

Казалось, написана фреска,
И кто-то начало отбил,
Но вечность не знает отрезков
Ни времени, ни любви.

Вечернее золото фона,
Как свет уходящих небес,
Как образ священный Афона -
И речка, и поле, и лес.

Потом будет день отпеванья,
И Пасха прощанья с тобой,
К тебе уже здесь упование
И храм на коленях с мольбой.

Мы стали на вечность взрослее
Короткого жития,
Поэтому в сердце светлее
И радостней лития.

Поэтому малое стадо
Начальнику мира видней,
И облако, как лампада,
Над бедной землею своей.

Поэтому сердце и рвется
Тебе свою волю отдать,
Но в руки живым не дается.
Отчизна. Престол. Благодать.

*Д. С. Соколов
9 апреля 1997*

ДАТЫ ЖИЗНИ

- 31 мая 1948 г.** — родился в г. Михайлове Рязанской области, в семье сельских учителей.
- 1951 г.** — семья переезжает в подмосковный поселок Косино.
- 1955 г.** — Гена Огрызков поступает в первый класс Косинской средней школы.
- 1966 г.** — Геннадий заканчивает одиннадцать классов средней школы.
- 1966 г.** — поступление в Московский архитектурный институт, на факультет градостроительства.
- 1972 г.** — закончен Московский архитектурный институт.
- 1972 г. — 1982 гг.** — Геннадий Александрович Огрызков работает в проектных институтах Москвы — ЦНИИП жилища, ЦНИИП и АС, а также — художником-оформителем в Музее революции.
- 1982 г.** — Геннадий Огрызков принят на 2-й курс Московской Духовной семинарии.
- 1983 г.** — день Святой Троицы — рукоположен в сан диакона.
- 1983 г.** — Введение во храм Пресвятой Богородицы — рукоположен в сан иерея, с назначением в храм Воскресения Словущего, что на Успенском вражке.
- 1984 г.** — окончил Московскую Духовную семинарию.
- 1984 г. — 1993 г.** — заочное обучение в Московской Духовной Академии.

- 1990 г. — священник Геннадий Огрызков награжден саном протоиерея.
- 1991 г. — протоиерей Геннадий Огрызков назначен настоятелем храма Вознесения Господня (Малое), что на Большой Никитской.
- 1991 г. — лето — первая остановка сердца.
- 1992 г. — 7 апреля, праздник Благовещения Пресвятой Богородицы — первая Божественная литургия в храме Малое Вознесение.
- 1992 г. — 1997 гг. — настоятельское послушание в храме Малое Вознесение. Награждение Патриаршей грамотой и палицей.
- 1997 г. — 7 апреля, праздник Благовещения Пресвятой Богородицы — скоропостижная кончина протоиерея Геннадия Огрызкова.
- 9 апреля 1997 г. — отпевание усопшего настоятеля в храме Малое Вознесение. Похороны на Старом Люберецком кладбище.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда кого-то любишь искренне и сильно, слова признания сами вырываются из твоего сердца.

Именно так родилась эта книга. В сущности, вся она — не столько собрание воспоминаний, сколько признание в любви — глубокой и преданной нашей любви к ушедшему от нас (и все же навсегда оставшемуся с нами!) нашему духовному отцу.

Конечно, мы надеемся, что по прочтении книги читатель, даже не слышавший раньше о дорогом нам батюшке, узнает, а может быть, и полюбит этого удивительного человека. Мы понимаем, что в этих воспоминаниях много субъективного, все мы люди с нашими немощами и страстями. Но, с другой стороны, и наш коллективный портрет тоже, хоть в какой-то степени, отражает образ отца Геннадия: семена любви, которые он так обильно сеял в наших душах, пусть изредка, но все же приносят свой плод...

Однако есть у этой книги и другая задача, устремленная не столько в прошлое, сколько в будущее: хочется, чтобы те из знавших батюшку людей, кто еще не успел, не сумел, не решился составить свои воспоминания о нем — все же собрались и сделали это. И, может быть, благословит Господь когда-нибудь выпустить эту книгу вторым изданием, “расширенным и дополненным”.

Будем также благодарны всякому, кто принесет к нам в храм фото или иной материал о жизни отца Геннадия, чтобы совместными усилиями мы постарались исполнить завет Самого Господа: “Поминайте наставники ваша...”

Составитель

СОДЕРЖАНИЕ

Пастырь добрый (Архим. Алексей Поликарпов) . . .	5
НАЧАЛО	6
— Слово о сыне (Л. П. Огрызкова)	6
— Старший брат (И. Огрызкова)	16
— Одноклассники	27
— Самые счастливые! (м. Елена Огрызкова)	41
— Впереди — вечность (Д. С. Соколов)	56
— Встреча (Т. Турина)	62
— Взыскание погибших (Н. Д. Морозова)	71
ВСПОМИНАЮТ СВЯЩЕННИКИ	76
— Чистый человек (Архим. Алексей Поликарпов)	76
— Видеть красоту (о. Алексей Грачев)	82
— Он был родным (иг. Мелхиседек)	84
— Преимущество священника (о. Сергей Николаев)	87
— Небесный дом (иг. Евграф)	89
— Русский батюшка (иером. Иннокентий)	90
— Единым сердцем (о. Николай Парусников)	96
— Дар рассуждения (о. Алексей Кузнецов)	100
— Светлая память (о. Артемий Владимиров)	103
— Скорби были (о. Сергей Симаков)	104
— Будьте как дети (о. Алексей Круглик)	105
— Полученный дар (иером. Глеб Давыдов)	107
ПАСТЫРСКИЙ КРЕСТ	109
— Всеохватность (Н. В. Нестерова и А. Попов)	109
— Научи меня летать (Дм. и Н. Величкины)	113
— Хотел Я собрать детей (Н. Сопова)	122
— Живой свидетель (А. Дорошевич)	128

— Помолимся вместе! (А. Андреева)	129
— Роды (Л. Тарасова)	134
— Три карамельки (р. Б. Ольга)	137
— Глаза священника (Тамара Д.)	138
— Генеральная исповедь (р. Б. Валентина)	142
— Исцеление (р. Б. Людмила)	145
— Талант жалеть (З. Боярская)	148
— Последняя ночь (Е. Дорошаева)	151
— Проводы друга (В. Толкунова)	154
— Кроткий богатырь (о. А. и м. Г. Мусиенко)	155
— Пламя веры (С. Федоров)	161
— Смысл жизни (В. Репин)	163
— Солнышко (N)	169
— Честна пред Господом... (р. Б. П.)	170
— Утешение (В. Павлова)	171
— Искусство умирать (В. Иванов)	174
— Сильнее клятв (Э. Гарсеванидзе)	175
ОТЕЦ	181
— Отец (И. Бабкина)	181
— Небоязнь смерти (В. Заманский)	184
— Свет из детства (Н. Заманская)	186
— И все теперь близко (М. Бузник)	192
— Отсвет любви (М. Софронова)	200
— Ты приходи (Е. Александрова)	203
— Верность (О. Малягина)	206
— Полнота общения (Н. Демидова)	212
— Баня (О. Демидов)	218
— Блажен муж... (В. Малягин)	221
ПИСЬМА	239
— Письма к о. Геннадию	239
— Письма о. Геннадия	250
СЛОВА О. ГЕННАДИЯ	262
СТИХИ ПАМЯТИ	269
ДАТЫ ЖИЗНИ	275
ПОСЛЕСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ	277

ДЕТСТВО

ДЕТСТВО

ДЕТСТВО

ДЕТСТВО

Юность

На восстановлении храма. Архыз, 1968 г.

Архангельская область, 1973 г.

Студенты

Молодой архитектор

Свадьба. 1973 г.

Первенец. Сыну Сергею 3 месяца. 1975 г.

Семинарские годы

В Лавре

Праздник Крещения Господня 1984 г.

Академический храм Троице Сергиевой Лавры

О. Геннадий и иеромонах Феофилакт. 1984 г.

*Косино, лето 1992 г. О. Геннадий и духовник Оптиной
пустыни схиигумен Илий*

*Церковь Воскресения Словоущего в Брюсовском переулке, где
с 1983 по 1991 год служил о. Геннадий*

В начале служения.

*Обряд Крещения в Храме
Воскресения Словоущего*

ОТЕЦ ГЕННАДИЙ
Книга воспоминаний

Лицензия ЛР № 064113 от 17.05.95.
Подписано в печать 18.03.99. Формат 60 x 90/16
Бумага офс. Печать офс. Физ. п. л. 17,5.
Тираж 7000 экз. Заказ №
ТОО Издательство «Отчий дом»
117049, Москва, ул. Крымский вал, д. 8
Отпечатано с оригинал-макета

*Венчание четы Шуруповых в храме Воскресения
Словущего. Ныне о. Алексей Шурупов — настоятель храма
Нерукотворного Спаса в г. Долгопрудном
После обряда крещения. С прихожанами храма
Воскресения Словущего.*

Друзья. Отец Геннадий и диакон Николай Парусников

За утешением...

*Проводы. Отец Геннадий, свящ. Сергей Николаев,
матушка Елена Огрызкова, матушка Галина Мусиенко
с дочерью Дашей
Храм возрождается. 1993 г. Отец Геннадий и протоиерей
Василий Строганов среди прихожан*

*Косино. Святое озеро.
После крещения Дм. Величкина (слева).
Справа — В. Юдинцев.
На Кипре: о. Геннадий и архимандрит Неофит*

*На Пахре. С сыном Сережей и духовником архимандритом
Алексием (Поликарповым)*

*О. Геннадий с матушкой Еленой и священником
Александром Мусиенко*

*Храм Вознесения
Господня на Большой
Никитской,
где о. Геннадий был
настоятелем.*

*С архидиаконом
Иосифом и матушкой
Серафимой*

Благословение.

Пасхальная радость.

*Пасха с Воскресной школой
Бердянская коса. Среди Владык. Крайний слева —
вл. Онуфрий, архиеп. Черновицкий и Буковинский.
Второй слева — вл. Феодор, епископ Каменец-Подольский
и Городокский. Крайний справа — вл. Алипий, епископ
Горловский и Славянский.*

Лития. Память св. Преподобного Прокопия Устюжского

С друзьями. Летом в саду дома

Батюшка и Матушка... 1 апреля 1997 г.

Великая Суббота 1996 г.

Освящение куличей.

Скоро в дорогу... Конец марта 1997 г.

ПРОЩАНИЕ

**АКВАРЕЛИ
ОТЦА ГЕННАДИЯ**